

Головоломка для дураков. Алый круг. Семеро с Голгофы
М.: АСТ, 2015

Содержание:

- Патрик Квентин. Головоломка для дураков (роман, перевод И. Моничева), стр. 5-238
- Джонатан Стагге. Алый круг (роман, перевод И. Моничева), стр. 239-468
- Энтони Баучер. Семеро с Голгофы (роман, перевод Н. Анастасьева), стр. 469-670

ПТРАК-КВЕНТИН

ГОЛОВОЛОМКА ДВА ДУРАКОВ

ДЖОНАТАН-СТАГГЕ

АЛЫЙ КРУГ

ЭНТОНИ-БАУЧЕР

СЕМЕРО С ГОЛГОФЫ

Издательство АСТ
Москва

© Patric Quentin, 1936

© Jonathan Stagge, 1936, 1943

© Anthony Boucher, 1937

© Перевод. И.Л. Моничев, 2015

© Перевод. Н.А. Анастасьев, 2015

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Джонатан Стагге

Алый круг

I

Тем вечером Дон и я отправились в сторону дома только в тот час, когда все нормальные рыбаки с мыса Талисман уже собирались ложиться спать. А задержала нас с моей юной дочерью всего-навсего рыба – одно из тех морских чудищ, о которых мне приходилось слышать в изобилующих преувеличениями рассказах, но ни раз не доводилось видеть самому. Эта громадина клюнула на наживку, предназначенную для обыкновенной пелакиды, но только после того, как почти час изматывала мои не слишком тренированные мышцы, показав себя более чем достойной соперницей для сельского врача на отдыхе.

Даже сдержанный и ко всему привычный капитан нашей рыболовной шхуны невольно увлекся перипетиями этой схватки. А потому никто из нас не заметил, как наступил вечер; море и берег в отдалении окутала прохладная туманная мгла, которая, казалось, была пронизана нездоровыми испарениями. И уже в совсем поздний час наше суденышко уткнулось носом в илистый берег гавани городка Мыс Талисман.

– Спокойной ночи, доктор Уэстлейк. Добрых снов, мисс, – попрощался с нами шкипер.

Мы ответили ему тем же. Дон перекинула через плечо удочку с пойманной ею самой небольшой пелакидой, чтобы доставить в гостиницу к завтраку. И с рыбой, болтавшейся перед ней при каждом шаге, мы через увлажнившиеся дюны направились в сторону «Талисман-инн» – нашему отелю, стоявшему особняком от мерцавших неподалеку огней городка.

Пока мы шли, Дон в предвкушении столь желанного сейчас горячего ужина не переставала оживленно болтать.

– Как думаешь, папочка, мистер Митчелл разрешит приготовить для меня яичницу с ветчиной и беконом? И, быть может, даже с колбаской в придачу. А еще я хочу горячих пирожков и...

Сентябрь в этой части Новой Англии всегда до странности капризный месяц. Погода так же переменчива, как прихотливо изрезана береговая линия мыса Талисман. Это было одно из тех мест, на которые природные стихии почему-то издавна озлобились. Дюйм за дюймом волны подмывали песок дюн, и старая часть городка, когда-то самая оживленная и густонаселенная, сейчас почти опустела.

Даже в той части берега, с южной стороны, где россыпь прочных скал должна была служить защитой от моря, все тоже постепенно изменялось. А у «Талисман-инн», такой надежной и неуязвимой с виду постройки, когда я впервые останавливался в ней пятнадцать лет назад, теперь вместо лужайки и сада перед входом простирался пляж. Вскоре гостиницу предстояло либо передвинуть, либо оставить на произвол судьбы, как забросили пару лет назад старую церковь, когда сильный атлантический шторм обрушил на нее огромные валы, угрожая смыть погост – место последнего упокоения многих поколений предков нынешних обитателей Мыса Талисман.

Только истинным любителям рыбалки Мыс Талисман не казался невзрачным и унылым захолустьем. В прежние годы отдыхающих здесь собиралось больше, чем саранчи в окрестных полях, но теперь их съезжалось совсем немного. Мистер Митчелл, владелец и управляющий в одном лице, носивший безукоризненно сшитые в Нью-Йорке костюмы и обладавший изысканными манерами, заимствованными у американских гостей, с каждым годом все труднее сводил концы с концами, а его отель постепенно приходил в упадок. В нынешнем сентябре

праздник Дня труда прошел, собрав всего лишь восемь отпускников. Да и эти восемь человек, исключая, вероятно, только нас с Дон, принадлежали к тому типу чудаков, которых манит вид запустения и притягивают именно такие забытые всеми места.

В «Талисман-инн» отсутствовала та теплая и веселая атмосфера, которую создают собравшиеся вместе рыбаки-любители. Но Дон и мне здесь нравилось. У нас давно выработалась привычка полностью довольствоваться обществом друг друга и не нуждаться в шумных компаниях.

Пелена тумана стала заметно гуще, когда мы обогнули небольшой полуостров, на котором находился самый дальний край двора заброшенной церкви. Наступил отлив. Едва слышный шум прибоя лишь по временам нарушал предупреждающий гудок сирены от скрытых темнотой судов.

Дон негромко насвистывала, преодолевая легкую робость из-за темноты и опасения внезапного буйства стихии. Казалось, она старается чуть приободрить себя. Раскачиваясь на леске, рыбина иногда мягким и влажным шлепком ударяла ее по бедру. Неожиданно ее свист оборвался.

– Смотри, папа! – воскликнула она, указывая на чуть заметный рисунок поверхности дюн. – Там какой-то розовый свет.

– Что за свет?

– Разве ты еще сам не видишь? Похоже на один из тех китайских фонарей, которые ты берешь с собой, когда мы устраиваем по вечерам пикники. Неужели кому-то вздумалось устраивать праздник на старом церковном дворе?

– Едва ли подходящее место, – сказал я, всматриваясь в указанном ею направлении.

У моей дочери порой излишне разыгрывается воображение, но зрение у нее отменное. Сквозь завесу тумана я смог различить смутный розовый свет вдоль самой верхней кромки одной из дюн в нескольких ярдах перед нами. Чуть дальше лишь с большим трудом можно было видеть темные очертания старинного здания церкви.

Когда мы подошли чуть ближе, я понял, что Дон права. Источником света служил декоративный бумажный фонарь, какой вместе со свечкой можно купить всего за несколько центов. Такие светильники действительно часто использовали во время вечеринок на пляжах. Но было что-то неуместное и даже пугающее в появлении столь дешевого и пестрого огонька во мраке заброшенного погоста.

– Мне от этого немного не по себе, – произнесла Дон и ухватила меня за руку. – Тебе ведь не кажется, папа... Здесь случилось что-то плохое?

– Возможно, кто-то забыл его, – успокоил я. – Подожди меня, пока схожу и заберу фонарь.

Я передал дочери свою удочку и, оставив ее в одиночестве на пляже, стал взбираться по песку дюны. Это оказалось не очень-то легко. Песок осыпался под ногами, мои башмаки вязли в нем. Иногда, чтобы не упасть, приходилось цепляться за редкую поросль травы на склоне. Впереди по-прежнему мерцал розовый свет фонаря.

Упорно двигаясь дальше, я почти достиг гребня дюны. От фонаря находился уже так близко, что смог разглядеть детский рисунок на розовой бумаге.

А затем фонарь неожиданно пришел в движение. У меня на глазах он отдалился, оставляя за собой лишь легкий розовый отсвет в белизне тумана.

– Есть здесь кто-нибудь? – крикнул я, и мой голос разнесся гулким эхом в пустоте. Ответа не последовало.

Свет фонаря был блуждающим и манящим, я зачарованно последовал за ним, перебравшись на другой склон дюны, и поспешно пошел через темное кладбище. Огонек стал более различимым, показавшись рядом с чахлой елью, которая росла всего в нескольких футах у обрыва берега. Я мог видеть чуть заметные могильные холмики, разбросанные повсюду. Это были безымянные захоронения, которые давно лишились надгробий, унесенных штормовыми волнами или разрушенных эрозией и ветрами.

Затем, взглядевшись пристальнее, я заметил кое-что еще – странную бесформенную фигуру, которая вырисовывалась из окутывавшего ее тумана. Она стояла или, вернее, склонилась над фонарем в очень необычной позе. А потом внезапно скрылась за елью и окончательно пропала в густой пелене.

Фонарь же остался на месте, бросая мягкий и неясный свет на окружающие его могилы.

Я звал снова и снова, но, не услышав никакого ответа, приблизился к дереву. Свет фонаря веером расходился по росшей рядом с елью сорной траве и тускло отражался в лезвии тяжелой лопаты. Я еще раз окликнул, но ответом был лишь отдаленный гудок парохода в открытом море.

Подняв хрупкий фонарь и рассмотрев лопату, обнаружил на ней комья влажной земли. Затем, когда я повернулся назад в сторону пляжа, то почувствовал, что почва под ногами, обычно здесь такая сухая и состоящая из сплошного песка, тоже пропитана влагой. Сделав шаг вперед, наткнулся на горку недавно выкопанной земли.

При свете опущенного фонаря удалось разглядеть, что я оказался на краю только что вырытой могилы. По-видимому, ее подготовили для умершего в городке человека, подумал я, но почти сразу отбросил эту идею как абсурдную. Кто будет хоронить своего родственника в таком месте? В любой сентябрьский день большой прилив мог смыть этот край полуострова и унести гроб в море. И потом, почему могилу выкопали так скрытно после наступления темноты?

Я недолго постоял там, погруженный в раздумья – холодный туман коварно пробирался под отсыревшую куртку-ветровку. Мне стало вдруг одиноко, находясь в круге тусклого света. В непроглядной тьме повсюду лежали останки людей многих поколений, давно ушедших в лучший мир. Наклонив фонарь, я нагнулся вперед, чтобы заглянуть в разверстную передо мной могилу. И увидел то, что почти ожидал там обнаружить.

Густо присыпанную землей, приколоченную гвоздями крышку гроба.

Гроб был старый, дерево сильно прогнило – он явно пролежал здесь, на самом краю кладбища, уже многие годы. Но там, где должна находиться голова усопшего, землю тщательно расчистили, добравшись до позеленевшей бронзовой таблички, словно кому-то срочно понадобилось прочесть надпись на ней.

Несколько комьев земли упали вниз с чуть слышным стуком. Но даже этот звук заставил меня вздрогнуть и выронить фонарь, который свалился в могилу у моих ног. Еще несколько мгновений он освещал ее постепенно меркнувшим розовым сиянием. Затем погас.

Я врач и не подвержен ни суевериям, ни воображаемым ужасам, но, стоя в туманном мраке на церковном погосте, вдруг ощутил, как в мое сознание проникают страшноватые образы вампиров, призраков и скелетов.

Впрочем, здравый разум очень скоро вернулся ко мне, и я нашел гораздо более правдоподобное объяснение увиденному. Обитатели Мыса Талисман были в большинстве своем людьми бедными и едва ли могли себе позволить официальное перезахоронение останков своих родственников со всеми полагающимися формальностями. По-видимому, один из горожан решил тайно перенести могилу предка с края погоста, где море грозило вскоре уничтожить все.

Но зачем он воспользовался этим странным розовым китайским фонарем? Почему так поспешно скрылся при звуках моего голоса? Отчего взялся за столь тяжкий труд один, не попросив ничьей помощи? Богобоязненные рыбаки Новой Англии, намереваясь сохранить останки давно умершего друга или члена семьи, никогда не стали бы делать этого под завесой секретности и почти ночью.

Нет, замеченная мною призрачная фигура, едва различимая в тумане, показалась более чем странной. Было в поведении этого человека нечто такое, от чего у меня возникло ощущение, что он явился на погост не с благородной, а кощунственной целью.

Дон в своем интуитивном восприятии, по всей видимости, оказалась права, и здесь произошло что-то скверное.

– Папа! – донесся до меня с берега встревоженный голос дочери.

Еще немного постояв в нерешительности в полной темноте, я ответил на ее крик бодрым голосом и поспешил спуститься по склону дюны, чтобы присоединиться к Дон.

Приятно было снова увидеть ее миниатюрную фигурку, стоявшую на пляже в такой же ветровке, как моя, но чересчур великоватой для девочки. Но еще приятнее оказалось почувствовать тепло ее руки, осознавая, что вопреки суровому морю, туману, холоду и мраку, ты оставил позади мир мертвецов и опять оказался на земле, которая целиком принадлежит живым.

– Ты ушел так надолго, – сказала она с упреком, – хотя знаешь, что мне хочется есть. И, кстати, где фонарь?

– Я задул его и оставил там.

– Зачем он понадобился? – спросила дочь, когда мы двинулись быстрым шагом в сторону гостиницы. – Там устраивали пикник?

– Да, милая, – ответил я, решив соблюдать осторожность. – Что-то наподобие пикника.

Моя дочь столь же умна, сколь и любопытна. Я даже не ожидал, что ее удовлетворит такое невнятное объяснение. Но не принял в расчет слово «пикник». А его оказалось достаточно, чтобы ее голова снова оказалась наполненной мыслями о грядущем вкусном ужине и его возможном меню.

– Непременно попрошу горячих пирожков с кленовым сиропом, – мечтательно сказала она. – А потом еще мороженое, кусочек торта и...

II

Скоро сквозь туман стал проглядывать свет окон «Талисман-инн». С громким криком Дон бросилась вперед.

– Я закажу нам ужин, папа, и попрошу, чтобы мою рыбину приготовили на завтрак, а потом...

Продолжая двигаться теми же размеренными шагами, я размышлял о розовом фонаре, как и обо всем прочем, чего никак не ожидал увидеть на кладбище.

Между гостиницей и морем когда-то соорудили нечто вроде забора, который был призван защитить жалкие остатки сада от наступления песка. Но ограду уже давно засыпало до самого верха, а песок добрался до входа в отель.

Я преодолел последнюю пологую дюну и оказался у боковой двери на террасу. Несмотря на прохладу сентябрьских вечеров, там, как больше нигде в «Талисман-инн», наблюдалось хоть какое-то оживление. В тот вечер, когда я вошел, на террасе, тщательно игнорируя друг друга, собрались трое людей, разместившихся в зеленых плетеных креслах у таких же столиков. Это были Бак Валентайн, миссис Фэншоу и не слишком приятный тип, которого звали мистер Ашер.

Бак Валентайн устроился ближе всех к входу. Одетый в белую спортивную рубашку и в белые шорты, работавший спасателем на пляже отеля, Бак с угрюмым видом разглядывал фотографии полуголых девиц в старом номере журнала «Эсквайр». Он поднял голову, и грубоватое лицо молодого блондина скривилось в ничего не означавшей улыбке.

– Боже, как здесь у нас сегодня весело, доктор Уэстлейк, – хмыкнул он. – Только что закончил свое вязание, а сейчас займусь чертовски интересным делом – раскладыванием пасьянса.

Я порой искренне сочувствовал участи, выпавшей на долю Бака Валентайна. Это был полнокровный здоровяк, настоящий мачо с наметанным глазом по части женского пола. А в этом пришедшем в упадок курортном заведении наметанному глазу не на ком было остановиться, если не считать двух невзрачных горничных, одновременно служивших официантками, и Нелли Вуд – обладавшей несомненно хорошей фигурой – компаньонки и гувернантки при миссис Фэншоу. Но только общественный статус Нелли Вуд не позволил бы ей снизойти до простого спасателя. Ее наметанный глаз, если только я не ошибался, имел гораздо более амбициозную цель в лице Вирджила Фэншоу, мужа хозяйки.

Бак Валентайн никак не относился к тем чудакам, которых манило очарование постепенного запустения мыса Талисман и одноименного городка. Думаю, ему досаждало, что его работа стала, в сущности, синекурой для бездельника. Уже несколько лет число отдыхающих в «Талисман-инн» никак не оправдывало содержания собственного спасателя, но мистер Митчелл, в своем упорном стремлении сохранять хотя бы видимость респектабельности, готов был платить Баку жалованье только за то, что присутствие мускулистого молодого человека, всегда готового прийти на помощь утопающим, придавало пляжу иллюзию фешенебельного места для принятия морских ванн.

Причем жалованье, по-видимому, достаточно щедрое, если оно компенсировало Баку такой крупный недостаток, как недоступность флирта с хорошенькими девушками.

Когда я проходил мимо, спасатель опустил журнал, который держал в своих крепких пальцах, и бросил мимолетный взгляд на молодую женщину, сидевшую позади него в неудобном и жестком плетеном кресле. Если разобраться, то для Бака смотреть в сторону Мэрион Фэншоу

представлялось делом совершенно безнадежным. Он знал это сам, как знали и все остальные. Но уж слишком она была хороша собой, чтобы удержаться. Небольшого роста, миниатюрная Мэрион обладала пропорциями, о которых могла мечтать любая девушка, а ее лицо в обрамлении светлых волос пепельного оттенка выглядело нежным и красивым, как весенний цветок. Ее глаза – серые, холодные, всегда оставались серьезными. Порой она устремляла свой спокойный взгляд в никуда, что придавало лицу отчасти таинственное выражение.

Следовало признать, что Мэрион Фэншоу представляла собой одну сплошную загадку. Она почти не разговаривала с кем-либо, кроме своего мужа, состоятельного художника, работавшего в жанрах коммерческой рекламы и книжных иллюстраций, и пятилетнего сына. Но и с ними женщина разговаривала крайне редко. Казалось, что она обитает в странном вакууме, замкнутая в тиши своего личного мирка. Я часто задумывался, любила ли Мэрион своего мужа, догадывалась ли о его не слишком чистоплотной интрижке с гувернанткой, а если догадывалась, то не было ли ей это абсолютно безразлично.

И до сих пор мне ничего не удавалось выяснить по этому поводу.

По пути к двери в столовую, где меня ждала к ужину Дон, я прошел мимо нее и улыбнулся. Ни один мужчина не мог иначе реагировать при виде Мэрион Фэншоу, неуклюже пытаюсь пробиться сквозь прочную стену ее молчания.

– Ваш муж все еще работает? – спросил я.

Не думаю, что стоило задавать ей подобный вопрос. Она резко вскинула на меня взгляд, но в ее немного печальных серых глазах не промелькнуло даже подобия ответной улыбки.

– Да, Вирджил продолжает работать, – сказала она вдруг, когда я уже не ожидал с ее стороны никакой реакции. – Все еще пишет наверху в своей мастерской.

Мне было известно, что Вирджила позировала в качестве модели Нелли Вуд, немного похожая на богиню Диану. И не мог не понимать, какой смысл подразумевало слово «работа» в столь поздний час.

– А маленький Бобби? – спросил я, чтобы сгладить неловкость, полагая, что интерес к ребенку не вызовет нежелательных ассоциаций. – Видимо, уже давно спит?

– Да, – ровным тоном ответила Мэрион Фэншоу, – он давно спит.

– Что ж, скоро и Дон уляжется. Она уже и так сегодня припозднилась.

Миновав кресло Мэрион Фэншоу, я от души надеялся избежать внимания третьего члена разрозненной компании на террасе: мистера Ашера. Но, как обычно, это мне не удалось.

Трудно объяснить даже самому себе, почему мистер Ашер внушал мне такую антипатию. Я ведь совершенно ничего не знал о нем, чтобы хоть как-то была бы оправдана неприязнь. Вероятно, это чувство внушала его внешность. Неопределенного возраста, он был высок ростом, худ и рыжеволос, причем рыжий волосяной покров виднелся и на запястьях, заметных под рукавами неизменно черных пиджаков. У него были самые некрасивые руки, какие мне только доводилось видеть – очень большие, белые и вялые, с покрытыми бородавками пальцами.

Лицо его тоже отличалось поразительной белизной какого-то воскового, редкого у людей оттенка, и с этой бледностью ничего не могли поделать даже свежие морские ветры мыса Талисман. А с ненатурально белого лица на тебя смотрели маленькие карие с имбирным отливом глазки, обрамленные редкими и словно ржавыми ресницами.

Этим вечером он, как всегда, читал ту единственную книгу, которая, видимо, навевала на него крепкий сон – Библию. Вообще говоря, чтение Священного Писания считается весьма достойным занятием. Но в случае с мистером Ашером все обстояло иначе. При виде того, как он листает Второзаконие, у тебя почему-то возникали невольные мысли о святотатстве и о черных мессах.

– О, доктор Уэстлейк! Поздновато вы нынче с рыбалки, – заметил он своим хрипловатым голосом, в котором неизменно сквозило что-то фальшивое.

– Да уж, что верно, то верно, – усмехнулся я в ответ.

– А ведь сегодня очень туманно. Вы могли не найти обратного пути к гавани, доктор Уэстлейк. Нам всем стоило бы возблагодарить Создателя за ваше благополучное избавление от опасности.

Типичная манера мистера Ашера. Он в самом мелком событии ухитрялся разглядеть признаки настоящей катастрофы, избежать которой помогало только вмешательство свыше, милосердие Божье.

У меня же сложилось твердое внутреннее убеждение, что если бы не Богу, а ему самому предоставили вершить людскими судьбами, случилось бы много несчастий с фатальными последствиями.

Я уже отвернулся от него и приготовился переступить порог двери, когда внезапно до уныния спокойная обстановка на террасе, казалось, наполнилась предощущением некоей драмы. Поразительно, как остро можно ощутить резкую перемену в атмосфере комнаты.

А причиной тому стало появление на террасе Нелли Вуд.

Гувернантка при семействе Фэншоу обладала несомненной привлекательностью для любителей такого рода женщин – крупная, богоподобная красавица из тех, что так нравятся некоторым художникам и всем завсегдатаям бурлесков. Ее светлые с желтизной волосы были тщательно зачесаны назад и неизменно оставались опрятно уложенными даже при самой ветреной погоде. Классические, словно вышедшие из-под резца скульптора черты ее лица казались бы мне более интересными, если бы не глаза, как будто вырезанные тем же ваятелем из камня. На левой щеке выделялась большая родинка. Она могла бы только добавить этой женщине привлекательности, но вызывала скорее противоположный эффект. Из-за нее лицо выглядело несколько вульгарным.

Казалось со стороны, что Нелли Вуд наполнена страстными животными инстинктами и благодаря особому складу ума способна их удовлетворять с максимальной для себя пользой.

Она вошла на террасу, постукивая высокими каблуками. На ней был красный плащ, надетый поверх платья, а белый шарф небрежно прикрывал золотистые волосы.

Было трудно сразу определить, кто стал главным источником внезапно возникшего напряжения – Нелли Вуд, Мэрион Фэншоу или Бак Валентайн. Или даже мистер Ашер, посмотревший на вошедшую молодую женщину прищуренным взглядом, который описывался в его излюбленной Библии и порицался как похотливый или вождедеющий. Скорее всего, все четверо вносили свой вклад в неожиданно возникшее ощущение, что нервы у присутствовавших по какой-то причине натянуты до предела.

Первой заговорила, как ни странно, миниатюрная миссис Фэншоу. Она очень тихо произнесла:

– По всей видимости, мой муж закончил на сегодня свою работу?

Сами по себе слова прозвучали вполне нейтрально. Но едва уловимые обертона ее голоса придали фразе почти разящую остроту.

Нелли Вуд окинула ее равнодушным взглядом.

– Да, со мной он закончил, миссис Фэншоу. Но ему еще осталось кое-что завершить.

Это тоже могло бы стать обычной констатацией заурядного факта, но в невидимой миру дуэли между двумя женщинами слова превратились в разящий укол.

– Собрались подышать свежим воздухом, мисс Вуд?

Вопрос, словно липкий елей, сорвался с бледно-розовых губ мистера Ашера.

– Что? Ах да, мистер Ашер... Вот именно, подышать свежим воздухом.

Нелли Вуд лишь на мгновение задумалась над своим ответом Ашеру, а как показалось мне, она использовала этот миг, чтобы бросить изучающий взгляд на скучное, обветренное лицо Бака Валентайна, передавая совершенно определенное послание.

Не вымолвив больше ни слова, она направилась к боковой двери террасы и вышла в темноту к простирившейся рядом дюне.

Относительно смысла во взгляде мисс Вуд я оказался прав, хотя он остался мне не до конца ясен. Потому что уже входя в вестибюль, чтобы найти Дон и присоединиться к ней за ужином, я успел заметить, как массивная фигура спасателя поднялась с кресла и последовала за пропавшей во мраке дюны молодой женщиной.

III

В столовой я увидел свою дочурку, уже занявшую обычное место для трапезы. Ее светлые волосы взлохматились, нос украшало черное пятно неизвестного происхождения. Словом, вся ее внешность представлялась сплошным нарушением правил застольного этикета.

– Я заказала яичницу с ветчиной и беконом, а повар пообещал приготовить мою пеламиду к завтраку, – она явно была довольна собой. – Как думаешь, папа, мне необходимо делиться рыбой с Бобби Фэншоу? Могу я встать завтра пораньше, чтобы съесть ее до того, как спуститься вниз он?

На самом деле Дон успела проникнуться к пятилетнему Бобби самыми нежными покровительственными чувствами, но даже их сумел поколебать ее неумный аппетит.

– Ты обязана предложить ему немного своей рыбы, если он захочет отведать ее, – ответил я строго.

Наименее миловидная из двух горничных-официанток принесла поднос с нашим ужином. И мы все еще налегали на еду, когда мистер Митчелл, управляющий, показался в столовой. У него теперь вошло в привычку появляться здесь, как только кто-то из постояльцев садился за стол. Гостиница давно лишилась метрдотеля, но хозяин считал его обязательной фигурой в столовой, а потому по мере сил старался сам заменить столь важную персону, неизменно наведываясь сюда в одном из своих безукоризненно сшитых костюмов.

В этот вечер он склонился к столу с моей стороны, наблюдая за нашим ужином, как respectable старая дева ревностно следит за аппетитом учеников воскресной школы, приглашенных ею на чай с пирожными.

– Надеюсь, вы довольны, доктор Уэстлейк?

Этот вопрос явно относился к качеству поданной еды. Но меня так и подмывало ошарашить его в ответ на чисто формальную вежливость чем-то вроде: «Вовсе нет. Далеко не все хорошо, мистер Митчелл. На вашей террасе создалась столь взрывоопасная атмосфера, что может взлететь на воздух весь отель. А еще кто-то бродит по старому погосту с китайским фонарем и раскапывает безымянные могилы. К чему бы это?»

Но я лишь пробурчал:

– Все просто прекрасно, мистер Митчелл.

Уложить Дон спать не составило труда. Она начала клевать носом, еще не допив третий стакан молока. Я немного посидел в ее комнате, наблюдая, как рыжевато-русская головка все глубже погружается в подушку, а дремотное бормотание про рыбу и Бобби Фэншоу переходит в равномерный детский сон.

Освобожденный от родительских обязанностей, я спустился по широкой лестнице, застеленной сильно вылинявшей ковровой дорожкой. Когда же я добрался до вестибюля, открылась дверь крошечного общего кабинета, и на пороге возникла женская фигура. Это была последняя из давних любительниц «Талисман-инн» и ее восьми нынешних обитателей – мисс Хейвуд.

Она единственная из всех постояльцев пользовалась душноватым кабинетом и вообще принадлежала к редкому типу людей, которым еще нужны кабинеты в маленьких сельских гостиницах. Высокая, грациозная, хотя и неопределенного возраста, мисс Хейвуд, несомненно, обладала той привлекательной внешностью, которая пережила свой расцвет в раннюю эпоху немого кино, а теперь уже давно вышла из моды. Свои нестриженные темно-русые волосы она собирала в «артистический» греческий узел у основания лебединой шеи. И одевалась в свободного покроя платья-блузоны, в каких ходят на чтения стихов в богемные кафе. Насколько я понял, мисс Хейвуд занималась живописью. У нее для каждого находилось доброе слово, хотя в целом она вела образ жизни замкнутой в себе интеллигентной леди.

Но даже в этой женщине присутствовали некие таинственные черты. Порой в глазах вспыхивал странный свет, который показывал, насколько обманчивым может быть ее пропитанный запахом лаванды, безыскусный, на первый взгляд, облик, а лицо по временам

приобретало сходство с маской. И когда она улыбалась, как делала, например, сейчас, улыбка затрагивала только губы.

– Добрый вечер, доктор Уэстлейк. Как вижу, наша маленькая компания распалась сегодня раньше обычного.

И мисс Хейвуд промелькнула мимо меня облаком батика. Я вышел на террасу. Она совершенно опустела. Мэрион Фэншоу, очевидно, отправилась к своему талантливому, хотя и не слишком верному мужу, а мистер Ашер удалился с Ветхим Заветом к себе.

Можно лишь гадать, как проводили время на пляже Нелли Вуд и Бак Валентайн, если они вообще оставались вместе. Одновременный уход мог оказаться лишь вызывающей выходкой для остальных.

Я посмотрел в темноту пляжа сквозь окно террасы. Ничего не было видно, кроме клубящегося тумана, и не слышно, кроме хлюпающих звуков прилива. И снова образ китайского фонарика у только что разрытой могилы навязчиво всплыл в памяти, словно наваждение. Следовало ли мне сообщить об увиденном официальным властям? И если да, то кому именно?

От усталости я не мог раздумывать слишком долго. Выйдя из пустой террасы, отправился в свой номер, разделся, нырнул под одеяло, почти мгновенно заснул.

Прошло, видимо, совсем немного времени, когда меня разбудил громкий стук. Я стряхнул с себя сонливость. Теперь стало ясно, что стучали именно в мою дверь. Затем отчетливо раздался голос мистера Митчелла:

– Доктор Уэстлейк, доктор Уэстлейк, вы не спите?

Я хмуро усмехнулся и включил лампу на тумбочке рядом с кроватью. Митчелл, все еще полностью элегантно одетый, стремительно вошел.

– Ах, доктор Уэстлейк, прошу прощения, что потревожил, но вас просят к телефону внизу.

– К телефону?

Поскольку друзей в округе у меня не было, я с тревогой подумал, что звонок междугородный и хотят сообщить неприятные новости о моих оставленных на время пациентах.

– Да. Звонит доктор Гилкрайст. Говорит, дело весьма срочное, иначе я бы и не подумал вас будить.

– Гилкрайст? – воскликнул я.

Доктор Гарольд Гилкрайст был местным врачом, который делил свое время между небольшой практикой и посещением женской исправительной колонии в Халинге, расположенном в нескольких милях дальше вдоль побережья. Там он числился медицинским консультантом. Человек амбициозный и умный, застрявший в силу обстоятельств в крошечном городке, он воспринимал меня как символ большого, манящего внешнего мира. Я знал, что совсем недавно он вернулся в страшном разочаровании из Бостона, предприняв неудавшуюся попытку устроиться в крупную больницу. По-видимому, его все-таки приняли туда, и теперь он спешил сообщить о своем успехе.

Наскоро запахнувшись в халат, я последовал за Митчеллом в темный и пустой вестибюль. Телефон находился в отдельной кабинке у левой стены. Я зашел внутрь, плотно закрыв раздвижную дверь, чтобы пресечь любые попытки Митчелла подслушать наш разговор.

Трубка попросту свисала на проводе. Я взялся за нее.

– Уэстлейк, это вы? – прохрипел голос Гилкрайста, обычно звучавший приятно и добродушно. – Вам нужно немедленно приехать. Произошло нечто ужасное. Мне нужен взгляд коллеги, мнение еще одного врача.

– Послушайте, – начал я. – В конце-то концов, у меня отпуск. И я не намерен куда-то тащиться посреди ночи, чтобы осмотреть чужого пациента, если только...

– Пациента? Это не пациент, Уэстлейк. Здесь... Сумасшествие какое-то. Произошло убийство!

– Убийство? – бессмысленно, как попугай, повторил я.

– Да, убийство. Причем самое невероятное, жуткое преступление, с каким я когда-либо сталкивался. Вам нужно приехать сейчас же.

– Но...

– Я звоню вам с поста береговой охраны. А труп здесь рядом у подножия скалы, которая называется «Голова монаха». Знаете такую?

– Конечно.

«Голова монаха» была огромной, причудливой формы одинокой и величавой скалой, которая наподобие дьявольской скульптуры возвышалась на пляже примерно в полумиле от гостиницы.

– Со мной Барнс – сержант Барнс из городской полиции. Это он сначала позвонил мне. Я уже вернусь к трупу, когда вы доберетесь сюда. Только, умоляю, побыстрее, Уэстлейк!

– Но...

– И никому в гостинице пока ни слова о случившемся, – снова перебил меня Гилкрайст, прежде чем я смог хоть как-то отреагировать на сообщение. – Нам не нужно, чтобы кто-то вертелся под ногами. Будем держать все в секрете, сколько сможем.

– Хорошо, – ответил я. – Прибуду к вам скоро. Но скажите мне хотя бы, Гилкрайст, кто это? Кого убили?

Но ответа на столь важный для меня вопрос не дождался – услышал только щелчок, когда на другом конце провода положили трубку.

Уже окончательно проснувшийся, я выскочил из будки. Мистер Митчелл смотрел на меня выжидающе.

– Доктор Уэстлейк, искренне надеюсь, что ничего слишком серьезного не...

– Вы же знаете Гилкрайста, – прервал я его. – Всего лишь небольшая проблема.

Затем бегом устремился мимо управляющего вверх по лестнице в свой номер. Влез в старый шерстяной свитер и в плотные брюки, а сверху надел ветровку, все еще влажную после рыбалки.

К счастью, среди моих вещей на туалетном столике нашелся фонарик. Я схватил его и сбежал вниз мимо одинокой фигуры Митчелла и через дверь террасы вышел в темноту к дюнам, тянувшимся вдоль пляжа.

Туман еще более сгустился. Временами он начинал казаться плотным и даже твердым, словно огромный серый гриб распустил невероятных размеров шляпку поверх песка. Я с трудом прокладывал себе путь в сторону «Головы монаха» вслед за тусклым кружком света своего фонарика, не имея никаких ориентиров, кроме более громких звуков прибоя вдоль берега.

Странно, но посреди мрака и жути ночи на этом пустынном пляже факт убийства воспринимался не столь пугающе, как в только что оставленном мною отеле. В моем сознании теснились самые разнообразные фантазии и мысли. Кого все-таки убили? Был ли это мой знакомый? Неужели один из постояльцев гостиницы? Передо мной один за другим вставали образы угрюмых лиц, которые я совсем недавно видел на террасе, – Бак Валентайн... Мэрион Фэншоу... Мистер Ашер... Нелли Вуд...

Вдруг особенно высокая и мощная волна обрушилась в глубь пляжа, и каскад невидимой воды, чуть не сбив меня с ног, отбросил в сторону. Снова обретая равновесие, я поневоле стал двигаться левее, чтобы находиться подальше от полосы прибоя.

В первые секунды после этого происшествия, утирая влагу с глаз, в туманной мгле мне не виделось ничего необычного. И лишь потом, как это бывает в кошмарных снах, стал постепенно различать мерцание света впереди.

Сначала я решительно отказался поверить в это. Казалось, что мое возбужденное сознание играет со мной и память попросту воссоздает тот мираж, который мы с Дон заметили ранее сегодня на погосте при старой церкви.

Я моргнул раз, потом еще. Но свет оставался на месте, убеждая в своей реальности.

Впереди меня, разрывая сплошную стену черно-серой тьмы, лишь в одном очень узком месте, мерцал розовый свет. Он был мне хорошо знаком – слабое колеблющееся сияние, отбрасываемое дешевым расписным китайским фонарем...

Я ощутил, как на голове встали дыбом даже намокшие волосы. Окружавший туман ожил и стал представляться бесплотными пальцами, стремившимися вцепиться в мою глотку.

А затем сквозь шум прибоя донеслись едва слышные звуки мужских голосов. Выкрикнув имя Гилкрайста, я побежал по песку навстречу розовеющему светящемуся кружку.

Через несколько секунд я столкнулся с другой мужской фигурой в отсыревшей ветровке, а стоявший рядом Гилкрайст сказал:

– Уэстлейк! Слава богу, вы уже здесь! Мы позвонили инспектору Суини в Халинг. Но он еще в пути. Идите сюда. Мы пока ничего не трогали, чтобы смогли увидеть труп в том виде, в каком его нашли. Прилив становится все выше, и скоро ее тело придется перенести.

– Ее?!

Но Гилкрайст ухватил меня за рукав и потащил ближе к свету.

– Кто это? – снова прокричал я как можно громче, чтобы слова не заглушил шум моря. – Кого убили?

Гилкрайст, казалось, не слышал меня. Он лишь ускорил шаг.

Из темноты донесся еще один мужской голос, и Гилкрайст ответил:

– Это доктор Уэстлейк, Барнс. Тот, что остановился в «Талисман-инн». Я пригласил его сюда, чтобы у нас было мнение двух медиков.

Барнс служил местным полицейским. Я видел его несколько раз в городке и смутно припоминал внешность – солидный мужчина, черноволосый, с налетом меланхолии в темных глазах.

Мы достигли места, где стоял Барнс. Его рослый силуэт возвышался между нами и китайским фонарем, заслоняя от нас то, что освещалось.

– Знакомьтесь, Барнс, это доктор Уэстлейк.

Барнс басовито приветствовал меня:

– Здравствуйте, доктор. Хочу сказать, что дело очень скверное. Ничего подобного не случилось в наших краях с тех пор, как я был совсем юнцом.

Для меня по-прежнему все оставалось неясным. Сами того не сознавая, они довели мое чувство тревоги до крайности. Обойдя полицейского, я направил луч своего фонарика дальше в туман.

Громада «Головы монаха» проступала как нечто еще более темное в окружавшей нас мгле. На этом смутном фоне был отчетливо виден розовый китайский фонарь, прислоненный к влажному и покрытому водорослями основанию скалы. Присмотревшись к рисунку, отметил, что точно так же был расписан фонарь, который я видел на церковном дворе. И цвет оказался тоже розовым. Такую окраску придавал свет от короткой, оплывшей свечи, установленной внутри в специальном стеклянном стаканчике.

Этот светильник, столь зловеще напомнивший о посещении кладбища, вызвал у меня предчувствие чего-то страшного.

И поэтому то, что лежало рядом, у подножия скалы, чуть подсвеченное розовым сиянием, уже не показалось мне настолько ужасающим. Хотя, видит бог, выглядело это достаточно жутко и безумно одновременно. Гилкрайст оказался абсолютно прав. В прошлом полиция не раз привлекала меня к расследованиям убийств. Но и я не видел прежде ничего подобного.

На песке лежала девушка. В полной неподвижности, словно спала. Затмевая луч моего фонарика, розовая подсветка выделяла расprostертую фигуру, напоминавшую тело усопшей, выставленное в церкви, на которое падали отсветы от оконных витражей.

И поза, приданная труп, тоже выглядела нарочито набожной. Руки девушки сложили на груди так, будто она собиралась молиться. Глаза были закрыты. Юбку тщательно вытянули и разгладили, чтобы по возможности полностью прикрыть ноги. На ней был красный плащ, надетый поверх платья, и белый шарф, прикрывавший золотистого оттенка волосы.

Ее вид производил достаточно мрачное впечатление. Мне это стало ясно при первом же взгляде на лицо, привлекательное красотой черт классической скульптуры, которое всего несколько часов назад видел таким самоуверенным и полным жизни.

– Это Нелли Вуд, – произнес я вслух. – Нелли Вуд – гувернантка семейства Фэншоу.

– Ее щека! – Голос потрясенного Гилкрайста неожиданно громко прозвучал у самого моего уха. – Взгляните на ее щеку, Уэстлейк.

Я уже и сам, конечно, успел обратить на нее внимание, и именно отметина на щеке мертвой девушки свидетельствовала о безумном деянии.

Родинка, при жизни чуть портившая классическое совершенство лица Нелли Вуд, и сейчас четко выделялась на ее левой щеке. Но ужасала не сама по себе родинка, а то, что с ней сделали.

Вокруг нее на фоне восковой бледности кожи выделялся неровный алый круг, словно выведенный рукой умалишенного.

IV

Я склонился, чтобы внимательнее рассмотреть этот яркий круг. Он был нанесен человеком, использовавшим либо губную помаду, либо краску.

На память пришло что-то из прочитанного в книгах. Эстер Принн, на груди которой была выведена алая буква А. Алый – тот цвет, который рьяные пуритане ассоциировали с пороком.

– Видели когда-нибудь нечто более жуткое? – снова прозвучал голос Гилкрайста. – Обратите внимание, он даже укрыл фонарь в расщелине скалы, чтобы свечу не задуло ветром! И оставил свет намеренно. Хотел, чтобы тело непременно нашли до того, как его смоет приливом.

– Как ее убили?

Барнс направил вниз луч своего карманного фонарика.

На первый взгляд лицо Нелли Вуд выглядело серьезным, но спокойным, как у спящей. Но теперь я заметил, что подобное впечатление создавалось только благодаря розовому сиянию китайского фонаря. На самом деле кожа уже успела посинеть. Приподняв веки, увидел, что глаза немного выкатились и остекленели.

Я раздвинул воротник красного плаща и увидел тонкий шнур от оконной шторы, плотно стянувший шею девушки.

– Задушена, – констатировал я и приподнял златовласую голову. На шее шнур связали крепким, грубым узлом.

– Должно быть, – предположил Гилкрайст, – он подкрался к ней сзади в темноте, накинул шнур на горло и задушил еще до того, как она начала сопротивляться.

– При ней нашли кошелек, – раздался хриплый, с типичным местным прононсом голос сержанта Барнса. – В нем осталась пара долларов. И кольцо на пальце выглядит дорогим, как мне кажется. Едва ли было ограбление.

– И никаких признаков попытки изнасилования, – сказал Гилкрайст. – Это не обычное убийство, Уэстлейк. Кажется, мы имеем дело с маньяком.

Все действительно указывало на такую вероятность.

Но я, зная о Нелли Вуд гораздо больше Гилкрайста, подумал о напряженных отношениях, сложившихся в треугольнике, в который входила гувернантка и супруги Фэншоу. Не мог я не вспомнить и о любвеобильном Баке Валентайне, последовавшем с террасы вслед за Нелли Вуд, ушедшей, как оказалось, не только из гостиницы, но и из жизни. Пришел на память мистер Ашер, отвлекшийся от своей Библии, чтобы лишний раз оценить имбирно-карими глазками роскошные формы гувернантки.

Нельзя было исключать, что маньяк принадлежал к числу тех, кто подобно мне вносил мистеру Митчеллу еженедельную комплексную оплату.

Затем мысленно перешел к церковному погосту и другому фонарю (если этот не был тем же) у вскрытой могилы. Но здесь мои размышления зашли в тупик.

– Как давно, по вашему мнению, наступила смерть? – спросил я у Гилкрайста.

– Почти невозможно с точностью определить в условиях тумана и соленого морского воздуха.

– А который теперь час?

– Почти ровно час ночи, доктор Уэстлейк, – отозвался сержант Барнс.

Я произвел быстрый обратный отсчет времени.

– В таком случае это не могло произойти намного раньше, чем два часа назад. Я видел, как она выходила из гостиницы примерно в половине одиннадцатого.

– Вы ее видели? – удивленно спросил Гилкрайст.

– Да, и она сказала, что хочет перед сном подышать свежим воздухом, – я повернулся к Барнсу: – У меня есть кое-какая информация, сержант, которая может дать вам зацепку. Но учитывая, что сюда в любую минуту должен прибыть инспектор из Халинга, наверное, лучше будет дожидаться его.

– Думаю, что так, сэр. – В голосе Барнса звучала некоторая растерянность. – Ведь прежде моя работа сводилась к тому, чтобы никто не ездил по городским улицам с превышением скорости, а

местные мальчишки не купались голышом слишком близко к отелю. – Он смущенно рассмеялся. – Если разобраться, я совершенно не готов к исполнению обязанностей настоящего сыщика.

Потом мы все замолчали. Мне показалось, что сквозь шум моря и ветра до меня доносится женский плачущий голос.

– Что за женщина тут поблизости? – спросил я. – Или мне мерещится?

– Нет, вы не ошиблись, – пробормотал Барнс. – Это Мэгги Хиллман из гостиницы. Одна из официанток. Она ведь и обнаружила труп первой. Позвонила мне с поста береговой охраны, а теперь боится идти домой одна. Думаю, ей лучше тоже задержаться здесь до прибытия Суини.

Обуреваемому эмоциями, мне и в голову не пришло поинтересоваться, кто первым нашел тело. Мэгги Хиллман я, конечно же, знал. Это была одна из двух работниц отеля, обладавшая более запоминавшейся внешностью, чем ее подруга, которая подала нам с Дон ужин. Хрупкого сложения девица с мышинного оттенка волосами и с миленьким носиком, кончик которого начинал лосниться, когда его обладательница почему-либо волновалась.

Мой прежний опыт участия в расследованиях убийств привил мне привычное желание всегда быть в курсе событий. И хотя в этом случае официальной просьбы не поступало, я задал сержанту вопрос:

– Не будете возражать, если я поговорю с ней, Барнс?

– Валайте. Быть может, вам удастся добиться от нее хоть какого-то толку. Уж точно больше, чем мне самому. Думаю, она побаивается, потому что я коп. Хотя доктор Гилкрайст, который лечил Мэгги сильный ожог ноги ядовитым плющом в прошлом июле и кого она, кажись, не должна опасаться, тоже не сумел разговорить ее.

Судя по доносившимся звукам, Мэгги Хиллман определенно находилась на грани нервного срыва. Я окликнул ее по имени и вышел из круга света, направившись туда, откуда слышались приглушенные рыдания.

Оказалось, что девушка сидела в темноте совсем близко на песке, сгорбившись. Луч моего фонарика упал на ее бледное, но вполне привлекательное личико. Чуть вздернутый кончик носа блестел ярче, чем когда-либо прежде.

– Не надо бояться, Мэгги, – сказал я. – Ты же меня знаешь – доктор Уэстлейк.

Пристроившись рядом, взял ее холодную руку.

– Послушай, Мэгги, инспектор из Халинга появится здесь в любую минуту. Возможно, если ты поговоришь сейчас со мной, тогда не придется беседовать с ним. Наверняка будет проще ответить на некоторые вопросы мне, чем офицеру из полиции.

Она промокнула глаза смятым носовым платком.

– Ах, доктор Уэстлейк, мне так страшно разговаривать с полицейскими. – Мэгги снова начала всхлипывать. – Бедная мисс Вуд. Надо быть чудовищем, чтобы сотворить с ней такое, а потом еще уложить... Как укладывают мертвых похоронных дел мастера. Это один из тех извергов, о каких пишут в газетах. Они всегда убивают молоденьких девушек. Он может убить нас всех. Я знаю, что так и сделает.

Ее слова прозвучали для меня прелюдией к той волне страха, которая накатит на жителей небольшого городка, когда новость станет известна всем.

Сексуальный монстр... Маньяк разгуливает по Мысу Талисман... Все девушки в опасности...

Еще раз упомянув о скором прибытии инспектора Суини, я сумел заставить ее изложить свою версию происшедшего. Закончив приготовление столовой к завтраку, она отправилась на прогулку. Заметила розовый фонарь у подножия «Головы монаха», и ей стало любопытно.

– Я спустилась на пляж, доктор Уэстлейк. А потом обнаружила это, лежавшее на песке. – Голос ее сорвался. – Хотела побежать обратно в гостиницу, но увидела, что в домике береговой охраны горел свет. А потому бросилась туда, и они вызвали сержанта Барнса. Вот и все. – Она с силой сжала мою руку. – Клянусь, больше ничего не знаю, доктор Уэстлейк. Я никогда в жизни не совершала ничего дурного. Пожалуйста, расскажите об этом инспектору. И умоляю вас, пусть не заставляют меня разговаривать с ним. Только не этой ночью.

Я обещал, что приложу все усилия. Но меня уже самого заинтересовала «прогулка», на которую она отправилась.

Мэгги Хиллман, конечно, не принадлежала к тем сторонницам здорового образа жизни, которые готовы отправиться в одиночку гулять в такую туманную и темную ночь ради чистого удовольствия.

Она не прекращала плакать. И хлюпающие звуки, издаваемые ею, тревожным эхом повторяли накатывавшиеся на пляж волны. Я ободряюще потрепал ее по плечу и вернулся к Барнсу и Гилкрайсту у самого основания «Головы монаха».

– Почему Суини так задерживается? – нетерпеливо повторял Гилкрайст.

– Ему действительно лучше бы не мешкать, – сказал Барнс. – Прилив обычно доходит почти до вершины «Головы». Еще минут двадцать, и нам придется перенести тело, если не хотим, чтобы его смыло морем.

Пока же мы стояли там втроем. У Гилкрайста нашлась пачка сигарет. Мы все закурили, при порывах ветра прикрывая пламя от зажженных спичек полами курток.

Три едва заметные вспышки на мгновение прорезали туманную тьму. И они стали бы единственными источниками света на всем обширном берегу, если бы не розовый китайский фонарь, который по-прежнему мерцал на песке у наших ног.

V

Пламя свечи в фонаре в последний раз дрогнуло и погасло. Мы остались в кромешной тьме и ждали, как показалось, еще битый час, хотя на самом деле прошло минут десять, когда сквозь завесу тумана послышались шаги, а потом появились смутные поначалу огоньки фонариков.

Инспектор Суини свалился на нас с целой свитой помощников. Его энергичное присутствие в темноте стало ощущаться сразу, по отрывистому командирскому голосу. Он выяснил у Барнса основные факты, а потом вместе с судебным медицинским экспертом засыпал вопросами Гилкрайста, с которым явно был на короткой ноге.

Он осветил собственным фонариком труп, наклонился, чтобы взглядеться поближе, и только усмехнулся.

– Похоже, ты прав, Гилкрайст. Смахивает на полнейшее безумие.

Луч его фонаря бесцеремонно уперся мне в лицо.

– Кто этот человек?

Гилкрайст представил нас друг другу и объяснил причины, побудившие его вызвать меня на место преступления.

– Уэстлейк, – повторил инспектор, внезапно заинтересованный. – Уэстлейк... Вы, случайно, не тот самый доктор Уэстлейк, который помог раскрыть убийства на Гроувстаун-уэй? Работали вместе с инспектором Коббом?

А я и не подозревал, что моя скромная репутация детектива-медика распространилась настолько далеко.

– Уж не знаю, насколько реально помог раскрыть то дело, – ответил я, – но я тот, кого вы имеете в виду.

– Большая удача для нас. У меня маловато людей, а Барнс совсем не имеет опыта подобной работы, верно, Барнс?

– Боюсь, вы правы, сэр, – отозвался сержант.

– Что ж, мы прибегнем к вашим услугам, Уэстлейк. Могу даже привести вас к присяге и назначить заместителем местного шерифа, если пожелаете. Впрочем, кому это надо? Чистейшая бюрократическая формальность. А вот вы мне понадобится. На том и порешим. Уверен, что вы...

С некоторым сомнением я сказал:

– Должен предупредить, что нахожусь здесь в отпуске. И со мной моя малолетняя дочка. А потому...

– Чепуха! Знаю я вашего брата, дилетанта. Все вы одинаковы. У вас руки чешутся взяться за это дело. Меня на мякине не проведешь. Ну, так как? Мы договорились?

И ведь он был прав. Убийства всегда оказывали странное воздействие на мои нервы. Должно быть, то же самое чувствует гончая, услышав хозяйское «Ату!» при виде лисицы.

– Хорошо, – сказал я. – Готов приложить все необходимые усилия.

Инспектор с довольным видом усмехнулся и на несколько секунд исчез в темноте, решительным тоном раздавая указания своим подчиненным. Мгновением позже он вернулся, рывкнув:

– Кто первым обнаружил тело?

Я рассказал ему о Мэгги Хиллман и, соблюдая свое обещание, предложил, чтобы в перевозбужденном состоянии ее пока оставили в покое, отложив допрос до утра. Предложение было принято.

Гилкрайст закончил совещаться с судебным медиком и тоже присоединился к нам. А потом Суини слегка ошарашил меня:

– Вы, Уэстлейк, остановились в местной гостинице, насколько я понял. Стало быть, были знакомы с Нелли Вуд. Там есть кто-то, кто мог желать ее смерти?

Инспектор оказался человеком редкостной прямоты, чтобы не сказать жестче. Я поведал ему все, что мне было известно.

Он в ответ лишь коротко присвистнул.

– Вот оно что! То-то я смотрю, у нее на пальце весьма дорогое колечко с сапфиром. Уж не подарок ли это Фэншоу? Что-нибудь еще?

Я рассказал ему о своем приключении ранее вечером с китайским фонарем на старом кладбище. Мое повествование произвело эффект небольшой сенсации.

– Еще один китайский фонарь, и притом на погосте! – воскликнул Гилкрайст.

– Не уверен даже, что это другой фонарь, – заметил я. – Быть может, как раз тот же самый. Хотя трудно сейчас сказать, имеет ли случай на кладбище какое-то отношение к убийству.

– Два китайских фонаря за один вечер не могут быть обычным совпадением, – категорично заявил Суини. – И вы говорите, что гроб почти вынули из могилы. Какой в этом смысл?

– Сначала я подумал, что кто-то решил перезахоронить гроб, пока море не подмыло дальний край погоста.

– Чертовски таинственный способ был избран для этого. Любой, кто захочет, имеет возможность перенести прах покойных родственников на новое кладбище. Это известно каждому в городке. Нужно только подать официальную заявку Гилкрайсту и в местное управление здравоохранения, чтобы получить письменное разрешение. Здешние власти приняли такое постановление примерно год назад, когда ураган заставил покинуть старую церковь. Я верно все излагаю, Гилкрайст?

– Верно, – подтвердил доктор.

К нам как раз вернулся Барнс, выполнивший одно из поручений Суини. Он слушал наш разговор и до поры молчал. А потом вмешался:

– Видать, это происшествие с доктором Уэстлейком на кладбище стало уже не первым, инспектор.

– Вы хотите сказать, что вам известно о чем-то еще? – по своему обыкновению резко обратился к нему Суини.

– Этим утром на улице меня остановила одна женщина. Вся в растрепанных чувствах и испуганная. Говорит, ей пришлось пройти через погост прошлым вечером, и клянется, что видела странное: вроде как серую фигуру, слонявшуюся среди могил. Она приняла ее за призрак и натерпелась страху. Я не очень-то обеспокоился, скажу честно. Вы же знаете наших дамочек. Могут увидеть привидение где угодно, особенно, если бродят одни по таким местам в сумерках. Но вот теперь...

Он оборвал свой рассказ. Мы немного помолчали. Что тут добавишь?

Затем Суини снова неожиданно задал вопрос:

– Кто-нибудь успел сообщить новости семейству Фэншоу?

– Никак нет, сэр.

– Вам придется взять это на себя, Барнс. Нам с Гилкрайстом необходимо доставить труп в морг для официального вскрытия. Отправляйтесь в гостиницу с Уэстлейком. Он знает обитателей отеля. Пусть поработает с ними.

Суини повернулся ко мне:

– Попробуйте вытащить из них хоть какую-то информацию, Уэстлейк. Особенно важно получить подтверждение сплетни о том, что у Фэншоу и Нелли Вуд возникли романтические отношения. Прощупайте жену. Нас крайне интересует, как она относилась к интрижке мужа. А главное – установите, где каждый из постояльцев находился и чем занимался в примерно известное нам время совершения преступления. Только ни в коем случае не давайте им повода считать, что мы кого-то из них подозреваем. Обратите особое внимание и на этого молодца Валентайна. Проверьте его. Я приеду с утра пораньше, и мы продолжим следствие.

– Сделаю. – Я уже напрочь забыл, что меня заспанного не так давно подняли с постели. Сонливость как рукой сняло. – А разве не надо послать кого-то на погост, чтобы взглянуть, нет ли там второго фонаря?

– Разумеется, такая необходимость существует, – с усмешкой ответил Суини. – Это будет еще одним заданием для вас с Барнсом. Прогуляйтесь по кладбищу после беседы с постояльцами гостиницы. Никакой необходимости в спешке уже нет. Если происшествие имеет отношение к преступлению, то, несомненно, убийца уже забрал фонарь, а могилу засыпал. А может быть, это всего лишь привидения, тогда вы их застанете там в любое удобное для вас время.

Он отвернулся и мгновенно забыл о нашем существовании. Мы с Барнсом взяли под руки Мэгги Хиллман, которая перепуганной тенью стояла рядом, стараясь держаться ближе к свету наших фонариков, и побрели по темному пляжу в сторону гостиницы.

На террасе «Талисман-инн» все еще горел свет. Мы вместе с Барнсом провели туда потрясенную Мэгги, захлопнули затем за собой боковую дверь, выбравшись наконец из холодного тумана.

Я уже привык почти не различать в темноте своих спутников, так что при ярком свете их вид стал для меня шоком. На Мэгги был синий плащ-дождевик, а под ним достаточно элегантное синее платье – явно лучшее из всего ее гардероба. И мне не могло не показаться странным, что она так нарядилась для одинокой прогулки по пустынному пляжу.

Бросились в глаза и разводы от густо нанесенной на лицо прежде косметики, которую привели в полнейший хаос слезы и брызги соленой воды. Здесь тоже заключалось для меня явное несоответствие. Мистер Митчелл придерживался доходивших до фанатизма пуританских взглядов в том, что касалось частной жизни своей прислуги. Он тщательно следил, чтобы девушки не вздумали заводить себе амур с молодыми людьми, а потому косметика, духи, как и все остальное, возбуждавшее плотские желания, находились в отеле под строгим запретом.

Сержант Барнс был мужчиной крупным, но худощавым. На его голове была надета клеенчатая зюйдвестка, которая прикрывала смуглое и довольно грустное лицо. На поверку он оказался даже выше ростом, чем запомнился во время случайных встреч на улицах городка. Мне пришлось по душе его внешность человека бывалого, но доброго. Доброту излучали и его глаза.

Он погладил девушку по плечу.

– Тебе, Мэгги, лучше сразу улечься в постель и хорошенько выспаться. Только сначала обсушись как следует, чтобы, не дай бог, не простудиться.

Мэгги растерянно посмотрела на меня, затем на Барнса.

– Со мной все в порядке. Правда, все хорошо.

В этот момент на террасу ворвался мистер Митчелл. Его придирчивый взгляд впился в Барнса, в меня, но затем, когда остановился на Мэгги, в глазах сверкнуло гневное осуждение. Он сделал свой вывод из-за беспорядочной косметики на ее лице, придя к совершенно неверному объяснению, почему его официантку доставили домой в таком виде врач и местный полицейский.

– Стало быть, все из-за тебя, Мэгги? – грозно произнес хозяин. – Ты создала нам столько проблем, что пришлось будить доктора Уэстлейка, а я сам до сих пор не спал ни минуты. Что она натворила, Барнс? Отправилась на гулянку с каким-то пьяницей? Угадал? Не зря никогда не доверяю им – этим маленьким тихоням.

Рука Мэгги жалким жестом потянулась к лицу, словно она только сейчас вспомнила про уличающие ее губную помаду и тушь для ресниц.

– Отправляйся в свою комнату и смой с себя всю эту гадость.

Мне никогда не нравились мелкие мужчины, которые пыжились казаться большими и важными, издеваясь над беззащитными девушками.

– Вы все превратно истолковали, Митчелл. Мы привели Мэгги домой, потому что именно она первой обнаружила труп. – Я намеренно делал каждое свое слово подобным удару в челюсть. – Нелли Вуд, гувернантка Фэншоу, была убита. Мэгги нашла ее у подножия «Головы монаха». Задушенной.

– Задушенной! – казалось, глаза Митчелла готовы вскочить из орбит. – Мисс Вуд убита? Постоялица моего отеля убита?

– Да, – кивнул я. – Повезло, что сезон уже закончился, не правда ли?

Но мистер Митчелл не понял иронии, восприняв мою фразу на полном серьезе.

– Да, да, воистину это подлинное везение! Но все равно ужасно. Наверное, теперь Фэншоу уедут немедленно, как и мисс Хейвуд. И мистер Ашер тоже. Какой позор...

Я оборвал его:

– Вероятно, супруги Фэншоу сейчас в своих комнатах? Нам нужно немедленно поставить их в известность о случившемся.

– Ах да, разумеется. Миссис Фэншоу ушла к себе очень рано, а вот мистер Фэншоу, как я заметил, вернулся в отель всего несколько минут назад.

– Вернулся? Откуда же?

Но мистер Митчелл уже обрел прежнее самообладание и чувство собственного достоинства.

– Не в моих привычках спрашивать своих постояльцев, где они были. По всей вероятности, он работал над своим полотном допоздна, и ему захотелось подышать свежим воздухом.

Еще один человек, которому пришло сегодня редкостное желание «подышать свежим воздухом».

Мы с Барнсом оставили Митчелла и направились к лестнице. Мэгги Хиллман, окончательно притихшая, последовала за нами. Я повернулся:

– Между прочим, Митчелл, где расположена комната Бака Валентайна?

Мэгги внезапно остановилась.

– Комната Бака? – эхом повторил Митчелл. – У него первый номер у лестничной площадки на четвертом этаже. Но зачем вам это? Для чего вы хотите знать, где он живет?

– С ним нам тоже необходимо побеседовать.

По одному ему известной причине вся спесь сразу слетела с мистера Митчелла. Он остался стоять на месте в полнейшем недоумении.

Когда мы поднимались по ступеням, я вскользь через плечо снова посмотрел на него. Он так и стоял внизу, пристально глядя нам вслед, кусая ногти.

Вот это уже действительно было нечто новенькое. Безупречный во всем владелец и менеджер «Талисман-инн» позволил застать себя за столь неэлегантным занятием – он яростно грыз свои всегда ухоженные ногти.

VI

На первой же лестничной площадке Мэгги Хиллман поспешила опередить нас и бросилась вверх вдоль следующего пролета одна. Я успел мельком увидеть ее маленькое личико, перепачканное косметикой, и вздернутый лоснящийся кончик носа. Она так побледнела и напряглась, словно все несчастья в мире внезапно свалились на ее плечи.

Наверное, так ей это и представлялось, подумал я.

Мы добрались до этажа, на котором располагались апартаменты Фэншоу. Барнс уже собирался постучать в дверь своим массивным кулаком, но я остановил его.

– Вслушайтесь, – сказал я.

Внутри просторных семейных комнат, занятых Фэншоу, кто-то так плакал навзрыд, что вызывало тоску и разрывало сердце. Сначала я решил, что это Бобби. Дети часто плачут от страха по ночам. Но этот плач был явно не детским.

– Женщина, – пробормотал Барнс.

Да, женщина. Мэрион Фэншоу. Она рыдала в своей комнате еще до того, как новость об убийстве мы успели сообщить ей самой или ее мужу.

Барнс постучал в дверь. Ее открыл Вирджил Фэншоу в старой белой рубашке и перепачканных красками джинсах.

Вирджила Фэншоу было чуть больше тридцати лет. Рослый и крепкий, сохранивший во внешности что-то мальчишеское, с умными глазами и ироничной складкой у рта – он мне больше напоминал, к примеру, инженера, чем художника.

Темные глаза выглядели усталыми, и в их глубине притаилось что-то похожее на печаль. Нас он, однако, встретил вполне приветливо, невзирая на столь поздний час.

– Привет, Джо! Привет, Уэстлейк! Входите. Я как раз собрался выпить чего-нибудь на сон грядущий.

– Здорово, Вирджил! – Барнс потрепал его по плечу.

Они явно поддерживали приятельские отношения. Меня же удивил сам факт их знакомства. Фэншоу провел нас в самую большую из комнат, которую он превратил в свою мастерскую.

Мэрион Фэншоу не попадалась нам на глаза, а благодаря странному фокусу акустики, рыдания, столь отчетливо слышные из коридора, сюда практически не доносились. Я бы и вовсе не услышал их, если бы не напрягал слух. Звуки раздавались из-за двери спальни.

Фэншоу напевал себе под нос, занимаясь напитками у стоявшего в стороне отдельного столика. Ни я сам, ни Барнс пока не находили нужных слов, чтобы начать разговор.

Несмотря на полотна, прислоненные к стенам, палитру и тюбики с красками, разбросанные по столу, и большой мольберт, установленный у окна, мастерская сохранила атмосферу устаревшей респектабельности, которая давно стала фирменным символом «Талисман-инн».

Я знал, что Вирджил Фэншоу преуспевал не только в рекламе, но и как книжный и журнальный иллюстратор в Нью-Йорке, хотя мне прежде никогда не попадались на глаза его работы. И потому я подошел к мольберту, на котором был натянут холст.

Увиденное оказалось поразительным. Картина изображала души умерших людей, претерпевавших самые разнообразные наказания в мрачной и исполненной безумия преисподней. Обнаженные, но как бы бесплотные фигуры мужчин и женщин извивались и изламывались в совершенно невообразимых позах. Но сами по себе персонажи были показаны с необычайной художественной силой, а техника живописи казалась сопоставимой с искусством самых знаменитых мастеров прошлого.

Полотно оставалось незаконченным, и, судя по еще свежим мазкам, я понял, что Фэншоу совсем недавно работал над одним из женских образов – молодой белокурой красавицей, лежавшей в оковах под нацеленным в нее трезубцем дьявола. Я взгляделся пристальнее. Лицо девушки было ужасающе знакомо, учитывая то, что произошло этой ночью.

Мне, разумеется, было известно, что Нелли Вуд позировала Фэншоу. И все равно я испытал нечто вроде шока, когда увидел, для какой наводившей страх картины использовал художник ее образ.

Вирджил Фэншоу присоединился ко мне с двумя бокалами. Он усмехнулся.

– Довольно-таки жесткая вещица, не правда ли? Только не надо сразу делать никаких далеко идущих выводов. Я не тайный садист. Это всего лишь заказ для подарочного издания Данте. Таким я увидел его ад. Вам нравится?

Он подал мне напиток. Я несколько неуклюже принял бокал из его руки. К нам подошел Барнс.

– Очень впечатляет, – пробормотал я.

Фэншоу снова потрепал Барнса по руке.

– А что скажет старый обитатель Мыса Талисман? Как на твой взгляд? – Он снова повернулся ко мне: – Мы с Джо – старинные друзья. Я ведь родом из этих мест, если вы не знали. И до того, как уехать покорять большой город, мы с Джо часто рыбачили вместе.

– Что тут скажешь, Вирджил? – отозвался Барнс. – Я, конечно, не дока по части художеств и всего такого, но на мой вкус это у тебя получилось прямо на загляденье.

Фэншоу рассмеялся:

– Мне удивительно повезло, Уэстлейк. В здешних краях практически невозможно найти хорошую модель. Именно по этой причине я даже хотел отменить поездку сюда в нынешнем

году, хотя понимал, насколько полезен для Мэрион и Бобби отдых в тихом месте и морской воздух. Но все сложилось самым удачным образом. Я использовал молодого спасателя для работы над мужскими фигурами, а для женских – Нелли Вуд. Гувернантка Бобби – просто идеальна. – Он запустил пальцы в свою растрепанную темно-русую шевелюру. – У этой девушки красивое тело, и она терпеливо позирует мне.

Барнс прочистил горло. Фэншоу поднес ко рту бокал, и я заметил, что его рука с довольно короткими пальцами чуть подрагивает.

– Выпьем за Данте и его ад. Скоро работа будет завершена. Нелли понадобится мне для доработки еще двух фигур, и все.

Момент показался мне подходящим, чтобы сказать:

– Боюсь, вам не удастся закончить картину. Если только вы не найдете себе другую модель.

– Другую модель?

– Вы не стали тревожиться за Нелли Вуд, когда она не вернулась с прогулки?

– Как? А разве девушка не вернулась? Она спит в комнате Бобби дальше по коридору. Я и понятия не имел... – Зрачки темных глаз Вирджила вдруг сузились. – Что случилось, Джо? Нелли попала в беду?

– Боюсь, у меня очень скверные новости, Вирджил. – Барнс уставился на свой бокал. – Она мертва. Ее нашли на пляже задушенной. Рядом стоял пестрый китайский фонарь, а какой-то безумец обвел красным кружком родинку на ее щеке. Похоже на дело рук сумасшедшего. По крайней мере так считает инспектор из Халинга.

Фэншоу стоял не шелохнувшись. Воротник рубашки был открыт, и я увидел пульсирующие на шее вены.

– Это не может быть правдой. Вы все выдумали.

– Но это чистейшая правда.

– Нелли убита! – Он сделал рукой растерянный жест. – И еще какой-то фонарь! Что означают фонарь и алый круг?

Я подробно описал ему, в каком виде было обнаружено тело. И не мог избавиться от мысли, что эта жуткая картина на пляже словно сошла с полотна, автором которого был Фэншоу. Я поделился с ним своим наблюдением. Художник слушал молча. Мне пришлось объяснить ему свою неофициальную связь с полицией. Когда я закончил, он пробормотал:

– Бедная Нелли. Какая страшная смерть! – Он провел ладонью вдоль лба. – Все это звучит как совершеннейшее безумие. Ничего более бессмысленного и придумать невозможно. Конечно же, преступление совершил душевнобольной человек. Окончательно свихнувшийся. Именно так считает полицейский инспектор, если я правильно вас понял?

– Да, таково его предварительное заключение, – осторожно ответил я. – Хотя мы не можем исключать ни одной из возможных версий. И вы способны оказать нам помощь, поскольку являетесь работодателем девушки. Что вам о ней известно? Существовала ли причина, которая могла заставить кого-то пойти на ее убийство?

Его щеки чуть заметно покраснели.

– Боже милостивый, нет, конечно! Я не думаю, что она вообще общалась с кем-то из городка и даже в этой гостинице. Мы слишком загружали ее работой, как мне теперь представляется. Когда она не занималась Бобби, значительную часть своего времени уделяла позированию.

– Вы знаете что-нибудь о прошлом Нелли?

– Ничего вообще. Нам понадобился кто-то для присмотра за Бобби здесь. И мы подыскали девушку, вот и все.

– Наняли в Нью-Йорке?

– Да. Нашли через вполне уважаемое агентство, а она предоставила более чем впечатляющие рекомендации. Возможно, в агентстве могли бы вам сообщить о ней больше. Мы же никогда не интересовались ее частной жизнью. Я нанял Нелли, поскольку кандидатура соответствовала нашим запросам. Но должен признать, что и ее фигура сыграла здесь определенную роль. У меня с самого начала зародилась идея использовать гувернантку в качестве модели.

– Стало быть, девушку наняли вы сами, а не ваша жена? – спросил я.

– Да, выходит, что так. Мэрион уже некоторое время испытывает проблемы со здоровьем. И я стараюсь по возможности снимать излишние обязанности с ее плеч.

Не было никакого смысла задавать ему прямой вопрос о том, какие еще отношения связывали его с убитой.

И потому я лишь вскользь бросил:

– Инспектор просил меня поинтересоваться относительно кольца с сапфиром, которое она носила.

– Вы хотите сказать, что его похитили?

– Нет. Но инспектор хочет выяснить его происхождение. Вы случайно не знаете, откуда оно у нее?

Ресницы Фэншоу дернулись.

– Вероятно, семейная реликвия. Или даже кольцо, которое дарят при помолвке. Если не ошибаюсь, у нее все же был где-то жених.

Он замолчал. Мы с Барнсом смотрели на него в ожидании продолжения. Но воцарилась странно гнетущая тишина.

– В таком случае... – начал я.

Но закончить фразу мне не удалось. Потому что совершенно внезапно тишину расколол смех, донесшийся сзади. Это был странный смех – сухой и короткий, абсолютно лишенный какой-либо выразительности.

Я повернулся. Барнс сделал то же самое.

На пороге открытой двери спальни стояла Мэрион Фэншоу. Она пристально смотрела на нас, и хотя смех уже оборвался, губы застыли в улыбке, в которой проглядывало что-то пугающее, неестественное – как будто ее нацепили на лицо, подобно сережкам в уши.

Ее изящная маленькая фигура была запахнута в белый домашний халат. Лицо же выглядело как обычно – нежным и тонким, похожим на цветок. Все следы пролитых слез исчезли из ее серых глаз.

И она продолжала стоять неподвижно с руками, опущенными вдоль тела, улыбаясь этой жутковатой, чуждой для нее улыбкой.

Но и лицо Вирджила Фэншоу претерпело поразительную метаморфозу при виде жены. Оно заметно помрачнело, утратило краски. Художник выглядел сейчас подобно одной из терзаемых адской мукой фигур со своего полотна.

– Мэрион, дорогая... – Он двинулся к ней. – Ты устала. Тебе будет лучше снова лечь в постель.

Его рука потянулась к ней с неуклюжей нежностью. Но Мэрион Фэншоу посмотрела на эту руку так, словно увидела ядовитую змею, и он не успел прикоснуться к ней, как она резко отшатнулась.

– Я слышала все, что они сказали, – негромко вымолвила она. – Я подслушивала под дверью спальни. Нелли Вуд убили.

– Мэрион, милая, пожалуйста...

Мне пришлось произнести нечто сугубо формальное:

– Сожалею, что ворвался к вам со столь дурным известием, миссис Фэншоу.

Она окинула меня одним из своих добрых, немного застенчивых взглядов из-под полуопущенных ресниц.

– Нам было важно узнать правду, и чем раньше, тем лучше.

Она поправила ниспадавшую на плечо прядь своих пепельного оттенка светлых волос.

– Мэрион, дорогая, сделай милость, возвращайся в постель. Ты же знаешь, как вредно для тебя расстраиваться.

Теперь нежность в голосе Фэншоу звучала до боли искренней.

Мэрион же по-прежнему не сказала мужу ни слова в ответ на его настойчивые просьбы. Она отодвинула от стены кресло и села в него, скрестив руки на бедрах.

– Пожалуйста, продолжайте задавать моему мужу любые вопросы, какие вам положено ему задать, доктор Уэстлейк.

– Да, Уэстлейк, – поспешно сказал сам Фэншоу. – Есть еще что-либо, вас интересующее?

Я посмотрел на Барнса. Но он лишь мялся в нерешительности.

– Обычной проформы ради, – сказал я, – мне нужно выяснить, где каждый находился, куда и зачем ходил. Мистер Митчелл сообщил мне, что вы вернулись в отель всего за несколько минут до нашего появления. Это так?

– Да, – Фэншоу небрежно пожал плечами.

– И где же, позвольте узнать, вы были?

Ответ прозвучал ожидаемый.

– О, я просто вышел прогуляться. Сегодня у меня было очень много работы, и я почувствовал, что задыхаюсь без глотка свежего воздуха.

– Как долго вы отсутствовали?

– Даже не могу точно сказать. Я потерял счет времени, знаете ли.

– Куда именно вы ходили?

– Вдоль пляжа. Мимо старой церкви. В том направлении.

Нелли Вуд, видимо, убили около одиннадцати часов вечера. А потому время, когда мистер Фэншоу покинул отель, представлялось важным обстоятельством.

– Не припомните, в котором часу вышли из гостиницы?

Фэншоу снова пожал плечами.

– Простите, но не могу вам этого сказать.

– Зато я могу, – вмешалась Мэрион Фэншоу. – Я точно запомнила этот момент, потому что находилась тогда на террасе. Сначала спустилась вниз и вышла Нелли Вуд. Я успела спросить, закончил ли ты работать, а она ответила, что тебе еще многое предстоит доделать. Но ты тем не менее очень скоро спустился и немедленно отправился наружу. Примерно через десять минут после ухода Нелли. Было без двадцати одиннадцать. И еще, Вирджил, ты направился вовсе не к старой церкви, не так ли? Я видела, как ты свернул в другую сторону. Куда пошла Нелли.

Все это было произнесено мягким, почти по-детски наивным тоном. Завершив свою тираду, она так и осталась сидеть в кресле со сложенными на бедрах руками, красивая и неподвижная, с лицом, похожим на подснежник.

Она посмотрела на Фэншоу. Потом перевела взгляд на нас с Барнсом. Я заметил, как ее губы начали расплываться в улыбке. И вот она уже действительно широко улыбалась нам.

А затем внезапно снова рассмеялась – тем же коротким, лишенным смысла, сухим и почти лающим смехом.

VII

Всего несколько минут спустя мы с Барнсом уже шли по коридору, закончив эту более чем странную беседу.

Первым молчание нарушил Барнс:

– До чего же странный народ эти женщины, доктор Уэстлейк. Никогда не знаешь, чего от них ждать. Вот и она рассказала нам историю, которая полностью противоречит версии, изложенной ее супругом. Словно нарочно хотела, чтобы он попал под подозрение. А ведь всегда казалась мне такой тихоней и милашкой, добродушной и обходительной со всеми.

Определение «странное», вероятно, лучше всего подходило к описанию поведения Мэрион Фэншоу, которая проявила себя далеко не как преданная мужу жена.

Барнс почесал себя за ухом костлявым пальцем.

– Быть может, Вирджил действительно как-то замешан в этом деле, но, если начистоту, доктор Уэстлейк, мне плохо верится в его причастность к убийству. Он всегда был очень славным малым. Конечно, еще в детстве уже начал чудить. Всегда держался сам по себе и без конца рисовал, рисовал. Папаша, старый Боб Фэншоу, владел здесь рыболовным судном и хотел передать его сыну, когда станет слишком стар, чтобы выходить в море. Но только Вирджил и слышать не хотел об этом. Для него ничто не существовало, кроме живописи, и вот в одно прекрасное утро он, никому ничего не сказав, уехал. Только записку оставил, что отправляется в Нью-Йорк учиться на художника. Здешний народ сразу решил: мальчишка умом подвинулся. А отец так и не простил

его. Не желал с ним даже разговаривать. И они не общались до самой смерти старика. – Барнс с сожалением покачал головой. – У Вирджила все сложилось как нельзя лучше, но успех не ударил ему в голову. Когда стал снова приезжать сюда, оставался прежним, своим в доску, общительным, любил вспоминать прежние времена и все такое. Нет, Вирджил – хороший человек, Уэстлейк. Не то что этот Джонни Митчелл. – Он презрительно усмехнулся. – Митчелл строит из себя такую важную персону со своей развалюхой-гостиницей, заставляет всех величать себя только мистер Митчелл, словно он принц заморский, а не обычный парень из Мыса Талисман, как мы все.

Суини, несомненно, давно оборвал бы рассуждения Барнса на городские темы. Помешанного на эффективности своей работы инспектора они бы только вывели из себя. Но мне было интересно послушать.

– Так мистер Митчелл из здешних? – спросил я, поскольку меня этот факт несколько удивил.

– А то! Джонни Митчелл тоже отправился на время в Нью-Йорк и сделал карьеру в гостиничном бизнесе. Но вот когда вернулся – его просто было не узнать. Не-е-т, сэр. И ему хватало наглости делать вид, будто он шишка какая-то с Парк-авеню, хотя уж мы-то семейку Митчеллов знали как облупленную. Тут всем известно, что его сестра стала обыкновенной...

Информация о профессии сестры Митчелла показалась мне совершенно излишней. Барнс мог служить прекрасным источником местных слухов, но нуждался в цензуре. А потому, не дав ему опозорить в моих глазах совершенно незнакомую женщину, я оборвал его и переключился на другую тему.

– Нам сейчас лучше отправиться в комнату Бака Валентайна и послушать, что он нам расскажет о себе. Время дорого. Надо ведь еще успеть побывать на старом погосте.

Сержант Барнс покачал головой с весьма удрученным видом.

– Сказать вам правду, тревожит меня это кладбищенское дело. Призраки, фонари, разрытые могилы... Помню, когда я был еще совсем мальчишкой...

Но я твердой рукой направил его дальше вверх по лестнице.

Дверь комнаты Бака была заперта. Барнс постучал. Никакой реакции не последовало. Он постучал еще раз. И только тогда изнутри донеслось смутное ворчание, а потом раздался раздраженный голос Бака:

– Ну, кого там принесла нелегкая в такой час?

– Это доктор Уэстлейк, – откликнулся я. – И со мной сержант Барнс.

Послышалось шуршание одежды, что-то похожее на сдавленную ругань и лишь затем звук шагов. Дверь открылась.

На пороге возникла фигура Бака Валентайна, чьи голубые глаза сонно моргали на нас. Он набросил ярко-синий купальный халат на могучее тело, служившее моделью для картины Фэншоу. Ворот халата не полностью закрывал шею, и его цвет выгодно подчеркивал глубокий до черноты загар молодого человека.

– Какого черта? В чем дело? – снова спросил он. – Чего ради вы здесь шатаетесь посреди ночи?

Халат был запахнут небрежно, и я обратил внимание, что юный гигант не снисходил до такого, считавшегося дамским, наряда, как ночная пижама. Мы вошли в его комнату. Барнс плотно прикрыл за нами дверь. Бак потянулся, невольно обнажив ногу с рельефной мускулатурой.

– Я уже давно спал мертвым сном, – пожаловался он. – И вообще, который час?

– Примерно половина третьего, – ответил я.

Крохотное помещение, отведенное под жилье Баку, было им украшено, как я и ожидал. На уровне глаз стены по всему периметру он завесил фотографиями роскошных девиц в весьма легком облачении. Причем среди журнальных вырезок попадались и обычные снимки девушек, с которыми он явно водил близкое знакомство, приславших ему затем свои знаки внимания с надписями в уголках. Но преобладали все же недоступные Баку красотки из гляцевых изданий для мужчин.

Мне бросилось в глаза, что ряд фотографий тянулся непрерывно, и лишь в одном месте – почти над самой кроватью – зияла пустота. Меня заинтриговало то, что прежде висело там.

Но еще больше меня заинтересовал вид кровати. Бак Валентайн заявил, что спал уже давно. Но в таком случае он почивал на удивление спокойно, как мало кто из нас умеет это делать. Если

не считать вмятины от головы на подушке и очертаний, оставленных телом на простынях, постель выглядела так, словно он нырнул в нее лишь за минуту до нашего прихода.

Молодой спасатель опустился на стул и вытащил из лежавшей на столе пачки сигарету. Потом в нетерпении уставился на нас.

– Что вам от меня понадобилось?

У Барнса уже, похоже, входило в привычку просто стоять, дожидаясь, чтобы я начал беседу.

– Мы пришли по поводу Нелли Вуд, Бак.

– Нелли Вуд? – Даже за завесой табачного дыма было видно, как округлились его глаза. – Какого лешего вы хотите разговаривать о Нелли Вуд именно со мной?

– Она убита, – сказал я. – Мы совсем недавно нашли ее труп на пляже. Задущена.

Сигарета сначала застыла в воздухе, а потом плотно сжавшиеся пальцы раздавили ее, и табачные крошки посыпались на пол.

– Нелли Вуд убита? Боже мой! – На его лице, массивном, как скульптурные головы Микеланджело, отобразились растерянность и страх, но боялся он, как сразу выяснилось, за себя самого. – В чем же смысл визита? Почему вы пришли именно ко мне?

Вообще-то Бак мне нравился. К нему привязалась Дон, а он вел себя с ней безукоризненно, с чувством юмора выдерживая культ героя, в ранг которого его возвела моя дочь, и покорно выслушивая ее беспрестанную болтовню на пляже. Многоопытный Суини обязательно применил бы какой-нибудь хитрый трюк, чтобы выжать из него признание вины.

Я же сказал совершенно бесхитростно:

– По-моему, совершенно ясно, почему мы решили тебя навестить, Бак. Она была убита вскоре после того, как вечером ушла с террасы. Мне было видно, как ты последовал за ней в дюны.

– Последовал за ней? – Бак стремительно поднялся, обвинив халатом свой мощный торс. – Но это безумие, док! Я вовсе не пошел за ней.

Мне вспомнился тот загадочный, но исполненный значения взгляд, которым он обменялся с гувернанткой.

– Не пошел?

– Богом клянусь, нет! – Он начал машинально играть с поясом халата. – Мне просто наскучило сидеть на террасе, не зная, чем себя занять. Она спустилась и вышла. И заметив это, я подумал, что мне тоже стоит пройтись. Неужели вы думаете, будто у меня с ней было назначено свидание?

– Стало быть, ты просто вышел подышать свежим воздухом? – сухо спросил я.

Его голубые глаза устремили на меня ясный взор.

– Конечно. Так оно и было. Просто подышать свежим воздухом.

Нелли – Мэгги – Вирджил Фэншоу. А теперь еще и Бак.

Теперь любителей ночного свежего воздуха уже насчитывалось четверо.

– И ты даже не видел Нелли на пляже?

– Не видел с того момента, когда она вышла с террасы. На глаза не попадалась. Готов поклаться. И думать о ней забыл, пошел в другую сторону. К городку.

– В другую сторону? – вскинулся я. – Если ты не видел Нелли после ее ухода с террасы, откуда знаешь, куда она пошла?

Щеки его запылали.

– Ясно же, что она должна была пойти в другом направлении. Иначе встретил бы ее, верно?

– В котором часу ты вернулся?

– Даже не обратил внимания на время. – Бак бросил беспокойный взгляд на Барнса и снова повернулся ко мне: – Ведь вы... Ведь полиция не считает, что я как-то причастен к делу? Потому что это безумие. С чего мне убивать девушку? Я... Я даже не знал ее толком.

– Не знал толком?

– То есть, конечно, мы были знакомы, но как все между собой в гостинице, не более того. Однако у меня... – он скосил глаза на фотографии по стенам, – ...никогда с ней ничего не было. Никогда. У нее не хватало времени, чтобы уделить его мне.

Я тоже посмотрел на снимки.

– Зато очень многие другие девушки уделили тебе свое время, Бак.

Он усмехнулся, но это не была хвастливая гримаса удачливого ловеласа.

– Только не Нелли, – потом тень усмешки пропала, и он выпалил: – С чего ей было связываться с таким, как я? У нее все сладилось с Фэншоу.

– С Фэншоу? – теперь уже неожиданно вмешался Барнс. – Ты хочешь сказать, что она крутила роман с Фэншоу?

Бак посмотрел на огромные лапищи полицейского.

– Само собой. А вы ничего не знали? Мне казалось, это заметили все. Взять то же колечко, к примеру. С огромным сапфиром или с каким-то другим камушком? Откуда, как вы думаете, оно у нее взялось?

– Послушай, Бак, – сказал я. – Это очень важно. И тебе лучше говорить правду. Кольцо подарил ей Фэншоу?

– Мне сама Нелли об этом сообщила. А уж она врать не стала бы.

– Сама Нелли рассказала тебе о кольце?

– Так и было. – Он говорил несколько сбивчиво. – Не потому что... Словом, не из-за нашей с ней близости, понимаете? Просто однажды вечером мы сидели на террасе одни и разговорились... Тогда она мне об этом и сказала. Фэншоу, дескать, в нее влюблен по уши. А он – богатый человек. Так что у нее все на мази. Это ее собственное выражение.

Я недоверчиво посмотрел на него.

– Значит, Нелли настолько доверилась тебе? Хотя вы с ней почти не знали друг друга.

– Да. На них иногда находит, когда они чувствуют себя немного одиноко. Видно, такое у нее случилось настроение.

– Понятно, – сказал я. – И больше ты нам ничем не поможешь, Бак? Не знаешь ничего, что могло бы прояснить ситуацию?

– Я рассказал все, что знал. – Парень натужно засмеялся и неудачно попытался изобразить из себя циника. – Стать жертвой убийцы в таком паршивом городишке. Надо умудриться. Трудно даже понять, как ей это удалось.

Мне показалось сомнительным, что мы сможем вытянуть еще что-нибудь полезное из Бака нынешней ночью.

– Хорошо, – заканчивая разговор, сказал я, – инспектор Суини будет здесь утром, Бак. Тебе предстоит с ним серьезная беседа.

Я поднялся. Барнс тут же последовал моему примеру в явном облегчении, что можно уже уходить.

Бак проводил нас до двери, и я заметил, как он, бросив беглый взгляд в сторону мусорной корзины в углу, поспешно отвел от нее глаза.

Ни слова не говоря, я подошел к корзине. Внутри лежала разорванная на четыре части фотография. Склонившись, я хотел достать обрывки, Бак метнулся ко мне через всю комнату.

– Не трогайте... Не трогайте...

Фраза осталась незавершенной. Он понял, что опоздал. Я вынул неровные фрагменты и сложил их вместе.

На меня смотрела принявшая соблазнительную позу девушка, поразительно похожая на Нелли Вуд.

В правом верхнем углу округлым женским почерком было выведено: «Бак, милый! Дарю тебе фото на память обо всем. Нелли».

Вот и нашлось объяснение пустому месту в галерее на стене.

Спасатель стоял рядом, его загорелое лицо приобрело серо-желтый оттенок. Я повернулся и пристально посмотрел на него.

– Так, стало быть, тебя с Нелли Вуд ничего не связывало. У нее не находилось времени на простого спасателя. И у вас не было свидания на пляже этим вечером. Тебе ничего не известно. Что ж, Бак. Ты нас почти убедил.

Он не вымолвил ни слова. Да и что мог сказать? Все выглядело предельно ясно.

Я убрал обрывки фото в карман и направился к Барнсу, ждавшему на пороге.

Бак не двинулся с места. Пояс на халате опять развязался, и его концы повисли, а под распахнувшейся одеждой обнажилось сильное загорелое тело. Он стоял очень прямо, но все равно производил впечатление человека, согнутого и раздавленного жизнью.

Выйдя вслед за Барнсом в коридор, я уже раздумывал над тем, сколь многое могла прояснить порванная и выброшенная фотография. Прежде всего она неопровержимо доказывала, что Бак лгал о своих истинных отношениях с убитой девушкой. Но опровергала ли она его бессовестную попытку оговорить Фэншоу, подставить под подозрение?

Мне представлялось вероятнее, что Нелли затеяла хитроумную двойную игру, используя Фэншоу к своей выгоде, а Бака – для того, чтобы было о чем вспомнить.

Только двойные игры часто чреваты опасностями. Они могут довести даже до убийства, и тогда не придется искать лишнего всяких мотивов маньяка.

Но особое внимание в своих мыслях я уделил самому факту, что фотография была порвана и выброшена.

Бак Валентайн намеренно уничтожил «памятный» снимок Нелли Вуд, потому что знал о нашем неизбежном приходе к нему и расспросах об отношениях, которые связывали его с мертвой девушкой.

Уничтоженная фотография означала, что так или иначе, но он знал об убийстве еще до того, как мы с Барнсом ему сообщили.

А это делало возможными сразу несколько версий.

Но вслух по поводу только что состоявшегося разговора я предпочел не высказываться, напомнив:

– Теперь нам пора отправляться на церковный погост.

Мы спустились в вестибюль. Свет был выключен, если не считать единственной настольной лампы под абажуром. Даже сюда снаружи просочились туманные пары. Они чуть заметно клубились, придавая нереальный вид обычно невзрачному, хотя все еще вполне уважаемому холлу.

Мы так и не сняли своих курток, а в руках держали фонарики.

– Пойдемте, Барнс... – начал я, но вынужден был прерваться, потому что почувствовал, как поток сырого и холодного воздуха обдал мне шею, и я повернулся. Сержант сделал то же самое.

Прямо за порогом наполовину открытой парадной двери стояла фигура, почти невидимая в туманной мгле. Постепенно я разглядел высокий и стройный женский силуэт. В руках женщина держала что-то серое. Какое-то время она, казалось, не могла решиться, входить ей внутрь или нет. Затем все же открыла дверь полностью и вошла в вестибюль.

Я узнал мисс Хейвуд. Ее привлекательное старомодной красотой лицо выглядело как обычно серьезным. «Артистическая» прическа в греческом стиле была слегка в беспорядке от ветра, а волосы пропитались влагой морского воздуха. То, что она держала в руках, оказалось большим букетом из веток восковницы с темно-красными ягодами.

Она пошла в нашу сторону, а ее губы стали складываться в подобие чарующей улыбки. При этом в ней было что-то от хозяйки кафе, встречавшей новых клиентов с особым блюдом из сегодняшнего меню.

– Здравствуйте, доктор Уэстлейк, – Барнса она приветствовала наклоном головы. – Чудесная нынче ночь! Такая неистовая, такая романтическая!

– Вы находите? – спросил я, чуть не поперхнувшись.

– А какая красота эта восковница! Я нашла кусты среди дюн и не смогла удержаться. – Она звонко рассмеялась. – Такая отрада для глаз. И насколько это живописно. Я непременно сделаю завтра набросок натюрморта. На мысе Талисман я всегда чувствую себя так хорошо! И я преисполнена истинной бодростью после того, как...

Я догадался, что она скажет сейчас. И с трудом удержался от соблазна прокричать эти слова в унисон с ней.

И не ошибся.

– ...как подышала свежим воздухом, – сказала мисс Хейвуд.

Снова вложив в улыбку все свое очарование, она проплыла мимо нас, поднялась по лестнице и исчезла.

VIII

После столь грациозного, но мимолетного появления мисс Хейвуд мы с Барнсом опять оказались в туманной тьме. Сержант постепенно отошел от слишком невнятных для него бесед в отеле. И пока мы с ним спускались по дюнам к пляжу, он втянул меня в разговор на тему: Мыс Талисман и преступность.

– Говорю же вам, доктор Уэстлейк, ничего подобного в Талисмানে не происходило. То есть совсем ничего с тех времен, когда двадцать лет назад, я пришел работать в полицию и прогремело дело Кору Митчелл.

Барнс отличался собачьим упрямством. Я мог бы заранее догадаться, что рано или поздно мне придется выслушать историю этой падшей женщины – сестры Митчелла. Но из чистой вежливости все же спросил:

– Кору Митчелл? Уж не о сестре ли мистера Митчелла здесь идет речь?

– О ней самой, – ухмыльнулся Барнс. – Хотя ему лучше даже не напоминать. Нет, сэр, не стоит произносить ее имени вслух, если он где-то рядом. Не пожелал потратить даже полдоллара, чтобы похоронить сестру по-людски, когда пару недель назад она умерла в тюрьме Халинга.

– Вот оно что! – сказал я, споткнувшись об один из любимых кустов мисс Хейвуд. Во мне уже разыгралось легкое любопытство. Мистер Митчелл внешне не принадлежал к числу людей, у кого сестра могла оказаться преступницей.

– Да вы сами должны помнить о Коре Митчелл, – продолжал сержант. – Ее снимки попали тогда во все газеты. Даже в Нью-Йорке. Похитительница драгоценностей. Обыкновенная воровка, как говорят. Но Кора работала по-крупному. А поймали ее в итоге именно здесь. В нашем Мысе Талисман. – В голосе Барнса промелькнула даже чуть заметная гордость. – И я лично брал ее под арест. Прямо в городке, в отцовском доме. Моя физиономия тоже тогда красовалась в газетах. Да, сэр, славные были деньки.

Прилив все еще продолжался. Теперь уже прибой с грохотом обрушивался на песок совсем близко от нас. Но мы все же закончили спуск на пляж, идти по которому было заметно легче, чем по дюнам. И быстрыми шагами направились в противоположную от «Головы монаха» сторону – к постепенно осыпавшемуся выступу берега, где прежде был погост при старой церкви.

Барнс, конечно же, знал побережье как свои пять пальцев. И когда мы достигли определенной точки, которая, на мой взгляд, пока ничем не отличалась от прочих, он сказал:

– Вот где начинается старое кладбище. Сразу за следующей дюной.

Мы свернули с пляжа левее и, разумеется, сразу же попали на достаточно крутой, местами поросший травой склон дюны, которая обрамляла выступ берега. Песок осыпался под ногами, но справившись с подъемом, оказались буквально в нескольких футах от места, где мы с Дон впервые заметили свет фонаря.

Было что-то необычное в этом церковном погосте. Темнота, туман, грохот волн – все казалось таким же, как и повсюду. Но ощущалась и разница: едва уловимое, пугающее дыхание смерти, дополняемое каким-то особым ощущением полной уединенности.

Наши фонарики высветили чуть заметные холмики, бывшие некогда вполне достойными местами упокоения прежних поколений обитателей городка.

– Ну, доктор Уэстлейк, где же та могила, которую вы видели?

Я постарался сориентироваться.

– Фонарь находился сначала примерно вот здесь, когда мы увидели его свет, а потом переместился ближе к церкви. И задержался там, где я наткнулся на разрытую могилу рядом с невысокой елочкой. Ее должно быть нетрудно найти.

Мы стали осторожно двигаться среди холмиков; наши фонарики едва пробивали мутную тьму. Я вдруг ощутил, что готов вновь увидеть то загадочное розовое свечение, пробивающееся сквозь пелену тумана.

Но никакого свечения мы, конечно же, не увидели. Все вокруг было смутно, блекло и мертво.

– Это должно быть где-то совсем рядом, – пробормотал я.

И еще не закончив фразы, я заметил, как мой фонарик высветил из темноты едва различимый силуэт невзрачной ели всего в нескольких ярдах впереди.

Позади дерева еще более смутными тенями торчали надгробные камни, сумевшие до сих пор устоять под напором стихии. А дальше скорее угадывалось, чем виделось, громоздкое каменное строение – сама церковь.

Я первым двинулся по проходу между могил в сторону дерева.

– Фонарь был оставлен там же – внутри разрытой могилы, а рядом в траве – большая лопата.

Мы достигли нужного места. У меня не было сомнений, что это оно. Мы направили лучи фонариков вниз.

Я невольно изумленно воскликнул, потому что здесь не оказалось ни фонаря, ни лопаты, ни дыры в земле.

Мне тут же вспомнились слова Суини: «Если происшествие имеет отношение к преступлению, можете не сомневаться, убийца уже забрал фонарь, а могилу засыпал».

Суини был истинным пророком.

На мгновение, глядя на ровную песчаную почву под ногами, я даже подумал, что весь эпизод стал плодом моего воображения. Но затем, когда луч фонарика стал скользить по пологим, лишенным надгробий могильным холмикам, я заметил, что земля одного из них выглядела более темной и рыхлой. Словно недавно вскопанной.

Барнс тоже склонился над этим местом.

– Кто-то действительно порылся. После вашего посещения он вернулся и закидал яму. Вы говорили, что заметили бронзовую табличку на крышке гроба. Фамилию не прочитали?

– Нет, не разглядел. Большая глупость с моей стороны.

– Ничего страшного. Невелика беда. – Барнс выпрямился во весь рост. – Док Гилкрайст, наш начальник по медицинской части, знает об этих могилах все. У него в конторе есть какой-то план. Они начертили его, когда океан начал сносить надгробия. Он точно скажет, чье это захоронение.

Барнс замолчал. Воцарившаяся тишина так же давила и действовала на нервы, как темнота и туман.

Могила разрыта, а потом засыпана. Девушка убита. Два китайских фонаря. Какого дьявола все это могло значить?

– Должно быть, нам стоит побродить здесь и поискать фонарь с лопатой. Вдруг их оставили. Но боюсь, мы ничего уже не найдем.

И Барнс медленно пошел между могил, освещая путь своим фонариком. Я последовал его примеру, ощущая бесцельность этого занятия. Трудно было с ним не согласиться. Мы, разумеется, уже ничего не обнаружили. Помимо взрыхленной земли на той могиле, ничто не указывало, что хоть одна живая душа побывала на погосте этой ночью или раньше.

Пришлось вернуться в гостиницу. Барнс отправился домой. И я усталой походкой брел к лестнице, чтобы добраться до своего номера и постели, когда телефон на стойке в вестибюле зазвонил. Я подошел, чтобы ответить. Это был Суини, которому не терпелось выяснить, чего нам удалось добиться. Я поделился с ним всей полученной информацией. Потом с большим трудом дотащился до своей комнаты и повалился на кровать.

Но, несмотря на крайнее утомление, я не сразу заснул. Какое-то время в дреме передо мной еще мелькали неясные образы. Прекрасное, похожее на нежный цветок лицо Мэрион Фэншоу, искаженное бессмысленной улыбкой. Смятенный взгляд темных глаз Вирджила Фэншоу. Серо-желтое лицо Бака Валентайна при виде обрывков фотографии.

Я успел подумать и о Мэгги Хиллман – в своем лучшем платье, с лоснящимся кончиком носа и с косметикой, размазанной по щекам. Вспомнил имбирные глазки мистера Ашера, оторвавшиеся от Библии и скользнувшие по соблазнительным ногам Нелли Вуд.

Последним мне явился образ мисс Хейвуд – привлекательной, артистичной, широко и белозубо улыбавшейся, проскользнувшей мимо нас в вестибюле с букетом восковницы в руках. «Такая отрада для глаз. И насколько это живописно. Я непременно сделаю завтра набросок натюрморта».

А во сне я увидел, как мисс Хейвуд, используя ветку восковницы вместо кисти, пишет небольшую, но такую милую акварель с изображением трупа Нелли Вуд...

IX

Утром, когда я проснулся, яркие солнечные лучи освещали мою постель. Сентябрь расщедрился на один из тех красивых, теплых и ясных дней, в которые даже Мыс Талисман превращался в подлинно райское место. Я сонно посмотрел из окна на безмятежную гладь океана, с радостью предвкушая хорошую рыбалку и блаженный отдых на пляже.

Но потом мне вспомнились события минувшей ночи и все возможные последствия в наступившем дне.

Радость мгновенно померкла. Энтузиазм улетучился.

Я еще потягивался, стараясь собраться с мыслями по поводу убийства и осквернения могилы, когда дверь распахнулась, и ко мне ворвалась исполненная эйфории и бурной энергии дочь.

На ней были грязноватые джинсы и мальчишечья клетчатая рубашка, которую она стащила пару лет назад, когда к нам приезжал погостить ее двоюродный брат. Светлые локоны разметались по плечам, а в руке по неясной мне причине она бережно сжимала не слишком чистое с виду птичье перо.

– Доброе утро, милый папочка. – Она уселась на кровать и подставила мне щеку для приветственного поцелуя. – О, папуля, тут столько всего произошло! Это перо я нашла на пляже. – Она помахала этим малоприятным предметом у меня перед носом. – Ну разве не красота? Думаю, оно из чьего-то хвоста. Собираюсь использовать его вместе авторучки.

Перо пришлось по моему носу, мне стало щекотно. Я чихнул и отодвинулся подальше и от пера, и от дочки. Ее это нисколько не смутило. С сияющими глазами она лишь удобнее устроилась на моей кровати, поджав под себя ноги.

– И дело не только в пере, – сказала она уже более серьезно. – В гостинице творятся странные вещи. Все словно с ума посходили. Я спустилась к повару, чтобы напомнить ему про рыбку к завтраку, а он про нее забыл. Представляешь? И вообще он вел себя как-то странно. Потом в кухню пришла Мэгги Хиллман. У нее кончик носа блестел как отполированный, но мне показалось, что она плакала. А мистер Митчелл носился по отелю как бешеная курица. Затем вниз спустились мисс Хейвуд и мистер Ашер. Оба заявили, что хотят уехать немедленно. Но там был еще этот смешной долговязый полисмен – сержант Барнс. Он сказал, что из гостиницы никому нельзя уезжать. Они начали спорить, дошло до ругани, и мистер Митчелл тоже сквернословил. Почему-то постояльцы все повторяли, что в отеле оставаться опасно, но тут же замолчали, когда заметили меня. Я спросила, в чем дело. А они на меня уставились с таким смешным видом, словно испугались. Мое перо им почему-то не понравилось...

Непосильно длинная для нее тирада оборвалась, потому что на продолжение не хватило дыхания. Дон сделала паузу, а потом добавила:

– Что случилось, папа? Почему они так хотят уехать? Мы же не собираемся уезжать, верно? По крайней мере я уж точно остаюсь. И мы не смогли бы, даже если захотели, потому что сержант Барнс запретил. Это он сделал очень кстати. Так ты знаешь, в чем дело, папочка?

Есть многочисленная категория родителей, которые полагают, что детям нельзя рассказывать о темных сторонах жизни. Лично я никогда к ним не принадлежал. Впрочем, отчасти это объяснялось просто: от Дон невозможно было ничего скрыть. Она непременно все узнала бы, стоило ей только захотеть удовлетворить свое любопытство.

– Да, – ответил я. – Мне известно, в чем дело. Ты помнишь гувернантку Бобби – Нелли Вуд? Так вот, прошлой ночью с ней кое-что произошло. Она умерла. И некоторые хотят уехать, потому что не всем людям нравится оставаться в том месте, где кто-то только что умер.

Дон часто заморгала.

– Красивая такая девушка со светлыми волосами? Она еще больно щипала Бобби, если он начинал ковырять пальцем в носу. Я ее не раз ловила на этом, – отпустив столь критическое замечание, моя дочь пощекотала пером собственный нос, а потом продолжила совершенно невозмутимо: – Разве не странно, что люди умирают? Она, например, очень плохо плавала. Баку

то и дело приходилось бросаться спасать ее. Она, должно быть, утопла? То есть я хотела сказать – утонула. Так?

Я давно оставил попытки внедриться в глубины психологии своей дочери и изучить их. По каким-то ей одной ведомым причинам Дон не желала особенно печалиться из-за смерти Нелли Вуд, а лично меня такой подход вполне устраивал.

– Да, вполне возможно, – промямлил я в ответ.

Дон посидела еще недолго, любясь своим ужасным пером. А потом полезла в карман джинсов и достала основательно помятое письмо.

– Чуть не забыла о нем. Мистер Фэншоу остановил меня на лестнице и попросил передать тебе это. – Она тряхнула головой, откинув назад волосы. – Вероятно, там сообщение для тебя, что Нелли Вуд умерла, и приглашение почтить своим присутствием похороны, которые состоятся в местной церкви в 18:00, или что-то в этом духе. Как приглашение на свадьбу, что мы получили перед самым отъездом из дома.

При этом моя дочь изобразила почти ангельское выражение на своем личике. Поистине, маленькие девочки – существа странные и порой пугающие.

Я вскрыл неопрятный конверт, достал листок Вирджила Фэншоу, исписанный простым, очень далеким от художественного почерком, и прочитал следующее:

Уважаемый доктор Уэстлейк!

Не могли бы вы оказать мне огромную услугу? Мэрион сегодня очень плохо себя чувствует, и мне придется побыть с ней. Мы собираемся уехать немедленно, как только разрешит инспектор. Но до тех пор у нас проблема с Бобби. Как мне показалось, он привязался к вашей дочери. Не будете ли вы так добры, чтобы взять его под свою опеку на нынешнее утро? Если согласны, пусть Дон зайдет за ним. Естественно, он ничего не знает о смерти Нелли. Мы сказали ему, что ей пришлось срочно уехать.

Заранее искренне благодарный за помощь

Вирджил Фэншоу.

Я сложил письмо и сунул в конверт.

Дон смотрела на меня с нескрываемым интересом.

– Это приглашение, папа?

– Нет, приставала ты моя дорогая. Мистер Фэншоу просит, чтобы ты этим утром присмотрела за Бобби. Не хочешь сходить и привести его сюда? Но только ради всего святого, не рассказывай ему ничего о Нелли Вуд.

– Присмотреть за Бобби! – Лицо Дон загорелось от радости. Она даже захлопала в ладоши. – Как хорошо! Это будет просто чудесно.

Но затем она вдруг погрузилась.

– В чем проблема? – спросил я.

– В пеламиде, – ответила она. – Пап, а не можем мы забрать Бобби после завтрака, чтобы мне не пришлось делиться...

– Отправляйся за мальчиком немедленно, – сказал я, взял подушку и шутя замахнулся на Дон.

Дочь поспешила выскочить из комнаты.

Через несколько минут она вернулась, ведя за руку маленького Бобби Фэншоу.

Момент оказался не самым удачным, поскольку я только что выбрался из постели и сражался с верхней частью своей пижамы, которая непостижимым образом перекрутилась во сне. Бобби Фэншоу выглядел младше своих пяти лет. У него были иссиня-черные волосы, постриженные прямо – на азиатский манер, и очень темные глаза, серьезные и важные, как у архиепископа.

Он стоял, крепко вцепившись в руку Дон, и неотрывно смотрел на меня, от чего делалось даже немного не по себе.

Внезапно низким и хриплым голосом, какой ожидаешь услышать от водителя грузовика, он спросил:

– Кто этот дяденька?

– Это мой папа, – ответила Дон. – И тебе это прекрасно известно. Ты видишь его каждый день уже целых две недели.

Но выражение лица Бобби несколько не изменилось.

– Мне он не нравится, – сказал Бобби. – Он глупый. Это глупый дяденька.

Мое терпение лопнуло, и я рявкнул на обоих, чтобы выметались из моей комнаты. Они вышли.

Дон несколько не преувеличивала, когда описывала неразбериху, царившую тем утром в «Талисман-инн». Спустившись вниз, я сразу же увидел Барнса и Митчелла, которые шепотом, но весьма оживленно беседовали между собой. При виде меня они посмотрели так, словно ожидали и моего участия в разговоре. Но, чувствуя голод, я не был настроен играть роль сыщика в такую рань. Лишь кивком поздоровался с ними и вышел на террасу, чтобы найти Дон и Бобби.

Там меня тоже не ожидало ничего утешительного. По лицу Бобби скатывались крупные слезы, а нос он утирал тыльной стороной ладони. Дон не сводила глаз со своего пера и выглядела рассерженной.

– Он попытался съесть перо, – доложила она. – А я ущипнула его, как это делала Нелли...

На этом имени Дон споткнулась.

Я взял их за руки и потащил в столовую. Мы застали сидевшими в одиночестве за своими обычными столиками вкрадчивого мистера Ашера и мисс Хейвуд, всем своим видом изображавшую великосветскую леди. Впрочем, они тоже раскраснелись, и с их лиц не сходило возмущенное выражение людей, которые вступили в словесную баталию с властями, но потерпели поражение.

Заметив мое появление, они тоже оживились в явной готовности обрушить на меня все свои страхи, теории и аргументы, но я сумел удержать их взглядом, четко передававшим мысль: только не при детях!

Вскоре после того, как мы уселись, торопливо появилась маленькая Мэгги Хиллман, которая принесла наши завтраки. Поднос так трясло в ее руках, что я в любой момент ожидал увидеть черепки посуды на полу.

Впрочем, не происходило ничего неожиданного. Я догадывался, что жизнь в отеле встанет с ног на голову. К этому моменту волнение докатилось уже, вероятно, и до Мыса Талисман.

На свободе разгуливает маньяк! Все девушки подвергаются опасности. Нам приходится жить в постоянном ужасе...

Вот что принято говорить в подобных случаях. И, разумеется, это уже звучало повсюду.

Потому что такова была правда.

Только после того, как Мэгги обслужила нас и ушла, я заметил, что творит Дон. Моя дочь выложила рыбину целиком себе на тарелку и жадно поглощала ее, не успев даже сделать сначала глотка апельсинового сока. Заплаканный Бобби был погружен в какие-то свои мысли, глядя в пространство смоляными глазами.

– Дон! – сказал я резко.

Она вскинула взгляд. Рука с вилок, не добравшись до рта, застыла в воздухе.

– В чем дело, папа?

– Ты прекрасно знаешь, в чем дело, – я взял чистую тарелку, предназначенную для Бобби. – Половину. Положи сюда ровно половину.

Дочь сердито надула губы от несправедливости, но под тяжестью моего взгляда разрешила рыбу пополам и шлепнула чуть меньшую часть на тарелку Бобби.

– Так-то лучше, – сказал я.

Дон зло на меня посмотрела.

Я поставил тарелку перед мальчиком.

– Только погляди, Бобби, что тебе дала Дон. Вчера она сама поймала эту прекрасную рыбку и хочет, чтобы половина досталась тебе.

Взгляд Бобби вернулся из бесконечности, и он посмотрел на стоявшее перед ним блюдо. Две маленькие ручки ухватили за края тарелку и подтянули ее ближе. Он какое-то время разглядывал рыбу.

А потом очень спокойно и даже торжественно поднял и бросил тарелку на пол.

Фарфор с треском раскололся.

– Ненавижу рыбу, – пробормотал Бобби. – Это все глупо. И рыба ваша глупая.
Одним яростным движением моя дочь склонилась вперед и с силой ущипнула его за руку.
Он снова заплакал.

К собственному удивлению, я вдруг сказал:

– Молодчина, Дон. Ущипни-ка его еще разок.

Но даже самый ужасный завтрак когда-то заканчивается. И поди разберись в детской психологии, потому что после финального стакана молока Бобби и Дон уже снова стали лучшими друзьями. Они вышли из столовой, взявшись за руки с приторной сентиментальностью.

Барнс все еще торчал в холле.

– Инспектор Суини прибудет с минуты на минуту, док, – сообщил он.

– Отлично, – криво усмехнулся я. – Вернусь, как только не нужно будет следить за детьми. Пристрою их на пляже.

Затем я отправил детей наверх за купальными принадлежностями. Они подчинились беспрекословно, даже охотно. И почти мгновенно вернулись. Бобби, по-прежнему серьезный, появился в синих рейтузах и уставился на Дон.

– Я медведь, – заявил он. – И люблю кусаться.

После чего в подтверждение своих слов подскочил к ней и укусил за руку. Оба рассмеялись. Им все это казалось забавным.

В мои намерения входило отвести их на пляж и передоверить заботу о детях Баку Валентайну. Поскольку отель практически пустовал, другой работы у спасателя просто не было.

После событий минувшей ночи кому-то могло показаться неразумным оставлять детей на попечении столь сомнительной личности. Но меня это не страшило. Объединившись в дружную пару, Бобби и Дон не спасовали бы ни перед кем – даже перед маниакальным убийцей.

Бака я нашел на пляже. Усталый и угрюмый Титан надел белые купальные трусы, на фоне которых его кожа выглядела черной почти как у негра. Он сказал, что не сможет приглядывать за детьми еще минут тридцать, потому что ему необходимо отправиться в даль пляжа и заняться мелким ремонтом лодки, которую отель предоставлял спасателю для исполнения им своих обязанностей.

Поскольку что угодно могло произойти, оставь я детей одних, мне пришлось задержаться до возвращения Бака. Посмотрев вслед удалявшемуся в сторону «Головы монаха» спасателю, я разлегся на теплом песке, наслаждаясь, под лучами солнца.

Дон пыталась вовлечь Бобби в игру своего собственного изобретения.

– Ты – черный бриллиант, – слышал я ее объяснения. – Я зарюю тебя. А потом найду и откопаю.

Бобби угрюмо сидел и не шелохнулся, когда моя дочь принялась засыпать его песком.

– Черный бриллиант, – продолжала твердить она. – Я закопаю черный бриллиант в этом заранее выбранном месте.

– Что за черный бриллиант? – вяло поинтересовался я.

– Как, ты не знаешь о черном бриллианте, закопанном где-то здесь? – В голосе моей дочери появились снисходительные нотки. – Рыбаки из городка рассказали мне об этом. И я собираюсь найти его. Вот почему тренируюсь на Бобби.

– Не позволяй им дурачить себя, – сказал я. – Черный бриллиант – это, должно быть, обыкновенный уголь.

Я прочел ей небольшую лекцию о свойствах углерода. Но Дон даже не делала вида, что слушает меня. Она уже закопала Бобби по самую голову. А потом совершенно невозмутимо стала сыпать песок ему на волосы.

– Эй, поосторожнее! – вмешался я. – Ты так, чего доброго, попадешь ему в глаза.

Она вняла предостережению и остановилась. Но как только она это сделала, Бобби принялся хныкать.

– Зачем ты прекратила сыпать? Я хочу ослепнуть. Хочу стать слепым.

Но они на удивление оставались живы, продолжая закапывать друг друга, когда вернулся Бак и улегся рядом со мной.

– Все хорошо, доктор, – сказал он. – Теперь они под моим надзором.

– Спасибо, Бак.

Спасатель облизал пересохшие губы.

– Этот инспектор... Он и вправду появится здесь?

– Теперь в любой момент.

Бак долго смотрел на свои руки, а потом быстро вскинул взгляд на меня.

– Я действительно забавлялся с Нелли какое-то время. Должен это признать, доктор. Просто прошлой ночью перепугался и попытался вам соврать. Но все кончилось уже давно. Меня с души воротило, когда я видел, как она обхаживает Фэншоу, а потом втихомолку продолжает встречаться со мной. Но никакого отношения к ее убийству я не имею. – Он снова покраснел. – А прошлой ночью мы не виделись. И вообще... Вам так уж важно рассказывать Суини про фото и прочее? Это только поставит меня в неловкое положение перед всеми.

– Прости, Бак, – ответил я, – но инспектор обратился ко мне за содействием в расследовании дела. Я не могу ничего от него утаивать. Кстати, я уже рассказал ему про тот снимок еще вчера ночью. – Я посмотрел на скульптурной лепки лицо, пытаюсь догадаться, что у парня на уме. – Мне пришлось обратить его внимание на тот факт, что ты порвал фотографию еще до нашего прихода с известием об убийстве. Подумай над этим, чтобы дать Суини правдоподобное объяснение.

Он открыл рот, собираясь что-то сказать, но ему помешали. Я обернулся и увидел облаченного в черный пиджак мистера Ашера, который стоял неподалеку и наблюдал за игрой Дон и Бобби.

– Закапываете друг друга? – спросил он тихим и невыразительным голосом. – Славная игра для маленьких ребятшек.

Он улыбался, но его умиление с блеском в карих с имбирным оттенком глазах произвело на меня отталкивающее впечатление. Шляпы он не носил, и рыжие волосы сияли под солнцем, контрастируя с восковой бледностью щек. Под мышкой держал книгу в черном кожаном переплете, вероятно Библию, и одновременно потирал свои бородавчатые руки, как это делал Урия Гип¹. Он окинул беглым взглядом Бака, а потом сосредоточился на мне.

– Доброе утро, доктор Уэстлейк. Ужасающая трагедия, но какой же прекрасный выдался сегодня день. Наш Господь – великий компенсатор. – Он замялся. – Позвольте спросить, не пожелаете ли немного прогуляться со мной?

Едва ли существовало что-либо, чего мне хотелось меньше. Я собирался вежливо отказаться, когда он добавил:

– Есть нечто... э-э-э... крайне важное. И мне необходим ваш совет.

Я подумал, что мистер Ашер располагает какой-то информацией по поводу убийства. И если дело обстояло именно так, я был обязан принять приглашение.

– Я в вашем распоряжении, – пришлось ответить мне.

Поднявшись, я кивком в сторону Валентайна вновь напомнил, что за детей теперь в ответе он.

Мистер Ашер засуетился вокруг меня, а потом пристроился рядом, когда пошел вдоль пляжа. И хотя перед нами простиралась широкая полоса песка, он предпочитал держаться как можно ближе, и его рука то и дело соприкасалась с моей самым доверительным образом.

Поскольку я только предполагал, что он собирается обсудить со мной тему убийства, не мне было начинать задавать ему вопросы, и приходилось ждать, когда заговорит он сам.

Но пока мы двигались по залитому солнцем пляжу в сторону зловещего символа в виде «Головы монаха», Ашер своим мягким елейным голосом нес сплошные банальности. О полезном для здоровья воздухе на мысе Талисман, о приятности смены обстановки после напряженной работы в Халинге, о милосердии божьем, даровавшем ему финансовую возможность позволить себе хотя бы краткий отпуск. При этом он так и сыпал цитатами из Священного Писания, сопровождая их жестикуляцией своих белых и дряблых рук. Однако во всем, что он говорил, слышались странные обертона, придававшие мне уверенности, что он подводит разговор к чему-то действительно для себя важному.

Крупная и неуклюжая чайка взмыла с песка при нашем приближении и с громкими криками описала широкий круг в воздухе. Мистер Ашер проследил за ее полетом своими маленькими глазами, словно это благословенный дух устремился в небеса, подавая знамение. Затем он прикрыл свои рыжие ресницы и повернулся ко мне с выражением на лице, в котором совмещались почтение и любопытство.

¹ Урия Гип – персонаж романа Ч.Диккенса «Жизнь Дэвида Копперфилда, рассказанная им самим».

– О да, доктор Уэстлейк. То, что произошло минувшей ночью, поистине ужасно. И до какой степени это нарушило мирное течение жизни в этом уединенном приморском уголке! Как только я услышал новость, тут же решил перебраться в какое-то более спокойное место. Отпуск дался мне нелегко, и потому для меня было бы нежелательным все, что способно помешать ему. Однако тот полицейский высказал твердое намерение задержать нас здесь на какое-то время.

– Да, нам всем придется пробыть здесь еще пару дней. Это обычная тактика полиции, когда происходит убийство.

– Даже убийство такого рода, доктор Уэстлейк? Шокирующее, наводящее страх и явно совершенное кем-то, кто не получил ни должного воспитания, ни образования. Мне, например, трудно себе представить, чтобы под подозрение полицейских мог попасть я.

Он коротко рассмеялся, как будто желая подчеркнуть абсолютную нелепость подобного подозрения.

Мне же оно вовсе не представлялось таким нелепым.

Ашер придвинулся ко мне еще теснее, хотя это казалось невозможным. Его голос зазвучал совсем приглушенно:

– В гостинице я слышал разговоры о том, что вас сразу же вызвали, как только был обнаружен... Как только нашли тело.

– Да, так и было, – ответил я, насторожившись. – Доктор Гилкрайст высказал пожелание услышать мнение другого медика.

– И насколько мне стало известно, – он перешел почти на шепот, – бедную девушку самым жестоким образом обезобразили. Хотя современные мастера похоронных дел умеют творить чудеса с покойниками. Подлинные чудеса.

– Она не была обезобразена, – сказал я, с трудом скрывая неприязнь к своему собеседнику. – Красный круг нарисовали, обведя ее родинку на щеке. Его будет нетрудно стереть.

– Красный круг у родинки? – он явно стремился вложить в свой голос как можно больше испуга. – До чего же странно, доктор! До чего эксцентрично! И ведь такая красивая девушка.

Вспомнив о том беглом, но похотливом взгляде, каким он на моих глазах проводил Нелли Вуд с террасы, я спросил:

– Вы с ней много общались, мистер Ашер?

– О нет, вовсе нет! Мы с ней не водили знакомства. Но она была привлекательной, очень привлекательной, доктор Уэстлейк. – Он скромно потупил глаза. – Она, наверное, осталась красивой даже после смерти?

Я не мог решить, чего больше – отвращения или изумления – вызвала во мне эта совершенно невероятная ремарка.

Какое-то время мы шли рядом молча. Волны с шелестом набегали на берег у наших ног. «Голова монаха» стала теперь отчетливо видна, возвышаясь впереди. Я уже мог различить несколько фигур, подчиненных инспектору, бродивших по пляжу в поисках возможных улик, которые прилив либо принес, либо не успел затронуть.

Мне показалось, что мистер Ашер был бы совсем не против принять в этом участие. Но, не собираясь доставлять ему такое удовольствие, предложил:

– Давайте возвращаться. Суини вот-вот приедет, и ему нужно застать меня в отеле.

– Ах да, конечно, инспектор Суини. – Ашер с заметной неохотой повернул назад. Он сложил кончики своих уродливых пальцев вместе жестом, похожим на молитвенный. – Очень хороший человек. В Халинге о нем все самого высокого мнения.

Он поскреб свою рыжую голову.

– А вы сами? – спросил он неожиданно. – Как я предполагаю, вас тоже ничто не связывало с мисс Вуд? Ну, чисто профессионально. Вы не лечили ее? Не были знакомы с родителями?

– Нет, – коротко ответил я. – За все время едва ли парой слов с ней перемолвился.

– Понятно. Понятно. – Мистер Ашер на какое-то время словно впал в словесную кому.

А потом внезапно заговорил:

– Вероятно, вас интересует причина моего любопытства? – Он наградил меня уродливой улыбкой. – Оно отнюдь не праздное, спешу заверить.

– Не праздное?

– Понимаете, – вдруг с пылом продолжил он, – я не устаю повторять, как важно, в чьи руки вы передаете дорогих вашему сердцу людей. Имеется в виду, когда они уходят в лучший мир. И уверяю вас, на меня можно положиться во всем, что касается вкуса, такта и деликатности. – Одна из восковых рук полезла в нагрудный карман и извлекла карточку с черной каймой по всем краям. – Вот я и подумал, доктор Уэстлейк, что человек, занимающий ваше положение в обществе, доктор, который в силу своей профессии сближается с людьми в то время, когда они переживают тяжелую утрату... Словом, я понадеялся, что вы порекомендуете мои услуги, а я уж все устрою к общему удовлетворению.

До меня, наконец, дошел смысл его речи, и я не сводил глаз с траурной визитной карточки, на которой значилось: Бенджамин Дж. Ашер. Похоронных дел мастер. Советник по вопросам захоронения. Оказываем особые косметические услуги. г. Халинг.

– Да, это моя профессия. – Я с трудом улавливал торопливый шепот. – Мне часто приходится работать совместно с администрацией женской тюрьмы в Халинге. Но, разумеется, у меня есть и элитная клиентура. Высшее общество. И я чувствую, что должен сделать красивый жест, который, несомненно, оценят мои потенциальные заказчики, совершив приготовления в последний путь этой несчастной девушки.

Он слегка откашлялся.

– Мне часто говорят, что в похоронном деле я истинный художник. Причем это особенно касается женского пола.

Так стало быть, вот почему мистер Ашер строил из себя вечного святошу. И здесь же коренилась причина его интереса к убийству.

Мы достигли дна всего этого мрачного фарса. Падать ниже было некуда.

Мистер Ашер желал получить права на организацию похорон убитой девушки в расчете на громкую рекламу для своей конторы.

Впереди я уже мог различать массивную и рослую фигуру Бака Валентайна, вокруг которого крутились два маленьких и очень подвижных шарика – Дон и Бобби.

Пока мы приближались к ним, я заметил троих мужчин, направлявшихся туда же через дюну напротив гостиницы.

Мистер Ашер взгляделся пристальнее. Должно быть, он отличался изрядной остротой зрения, потому что тут же воскликнул:

– Все правильно, доктор Уэстлейк! Это инспектор Суини, доктор Гилкрайст и сержант Барнс только что вышли из отеля. Вы их узнали?

Теперь я действительно их узнал. Порывистого в движениях инспектора, худощавую фигуру Барнса и гораздо более полного Гилкрайста.

– Кажется, они собираются побеседовать с нашим молодым спасателем Валентайном, – предположил Ашер.

Пришлось ускорить шаг. Поскольку именно я дал инспектору основания для подозрений против Бака, мне как минимум следовало присутствовать при перекрестном допросе.

Трое мужчин уже подошли к Баку. Спасатель вскочил с песка при их появлении и рукой указал в сторону гостиницы, после чего Дон и Бобби поспешно двинулись туда, оставив взрослых обсуждать свои дела.

Мистер Ашер сказал:

– Интересно, как молодой Валентайн объяснит инспектору свое вчерашнее поведение?

Я мгновенно насторожился.

– Какое поведение?

Мистер Ашер потер ладонью о ладонь, словно предчувствуя удовольствие.

– Насколько я понял, доктор Уэстлейк, мисс Вуд была убита вскоре после своего ухода с террасы прошлым вечером. Вы ведь тоже там были. Как и я. И вы не могли не заметить, как Валентайн последовал за ней в дюны.

– Он утверждает, что не пошел вслед, – возразил я. Мною овладело парадоксальное желание защитить Бака хотя бы от инсинуаций со стороны такого ничтожества, как Ашер, пусть даже я сам выступил точно с такими же прошлой ночью. – Он совершенно случайно вышел на прогулку почти сразу после нее. На пляже они не виделись.

– Валентайн сделал подобное заявление? – Мистер Ашер ослабилась. – В таком случае он скрывает правду. Да, уж это точно – скрывает, как все было на самом деле.

– Вам-то откуда знать? – удивленно спросил я.

– Откуда мне знать то, что видел собственными глазами? А мои глаза меня не подводят, доктор Уэстлейк. Так уж получилось... – Он закашлялся. – Так уж получилось, что после их ухода с террасы вскоре вышел и я сам. Чтобы подышать перед сном свежим воздухом.

Вот и еще один любитель свежего воздуха выискался!

– И я буквально натолкнулся на Бака Валентайна и мисс Вуд у самого подножия дюны. Нет никаких сомнений, что это были они, ведь луч моего фонарика уперся прямо в эту парочку. Без него рискованно отправляться гулять в темное время суток.

Я удивленно ждал продолжения.

– Да, доктор Уэстлейк, – промурлыкал похоронных дел художник, – я видел их совершенно отчетливо: молодого Валентайна и мисс Вуд.

И он фамильярно подмигнул мне.

– Она стояла, прижавшись к нему, доктор Уэстлейк. А он обнимал и горячо целовал ее.

Х

Я недоверчиво посмотрел на мистера Ашера, потом на группу, собравшуюся на пляже. Тот факт, что Бак целовал Нелли Вуд всего за полчаса до ее смерти, еще не означал, что убийцей был именно он. Тем не менее его поведение указывало на то, что спасатель мог солгать о происшедшем между ним и Нелли Вуд.

Мистер Ашер некоторое время шел молча явно для того, чтобы его рассказ успел оказать на меня необходимое воздействие. Потом он снова прервал молчание:

– Я... э-э-э... решил поделиться этой информацией с вами, доктор Уэстлейк, поскольку мне известно о вашем уговоре с полицией. Здесь возможна прямая связь с делом, и мне хотелось бы передать столь важные показания инспектору.

– Разумеется, вам следует сообщить об этом Суини.

Мистер Ашер заметно смутился.

– А не мог бы попросить вас, доктор Уэстлейк, лично информировать инспектора, не упоминая... э-э-э... моего имени? Мне не хочется лишней огласки. Я все-таки человек с хорошей репутацией в Халинге, понимаете?

Честно говоря, трудно уразуметь, каким образом репутация мистера Ашера могла пострадать и почему это его так заботило.

– Не стану даже рассматривать подобный вариант, – сказал я резко. – Если вам угодно дать полиции компрометирующие Бака показания, то придется сделать это самому.

Ашер занервничал.

– Но меня тревожит...

– Помните о своем долге перед обществом, – перебил его я не без иронии. А потом, поскольку уже был сыт по горло лицемерием Ашера, добавил: – На вашем месте следует тревожиться о другом. На основе таких показаний Бака могут признать виновным в убийстве и казнить на электрическом стуле. Не упустите еще одного клиента.

Мистер Ашер посмотрел на меня, испуганно и недоуменно моргая рыжими ресницами.

Ему моя шутка смешной не показалась.

Восстановив свое обычное ханжески смиренное чувство собственного достоинства, утраченное ненадолго, он вздернул подбородок и сложил ладони вместе.

– Что ж, пусть будет так, мистер Уэстлейк. Если вы не хотите войти в мое положение и помочь, то мне, естественно, придется обо всем рассказать инспектору самому.

И мы продолжили путь, отчетливо ощущая волну взаимной неприязни, пока не присоединились к общей группе.

Ее центром сейчас оказался Бак – огромный, похожий на первобытное существо с едва прикрытым плавками мускулистым телом. В туманном мраке прошлой ночи мне не удалось толком разглядеть инспектора Суини. Он оказался ниже ростом, чем мне представлялось, но его лицо полностью соответствовало резкому голосу – умное и вдумчивое, с яркими глазами и небольшими черными усиками на верхней губе, состояние которых, видимо, также отражало его настроение, как шерсть на загривке собаки. Он словно всегда находился в напряженной готовности действовать, неизменно был чем-то раздражен и слегка взвинчен.

Барнс – тощий, нескладный, остро ощущавший свой провинциальный статус, скромно держался с краю, зато солидная и респектабельная фигура Гилкрайста в полном соответствии с положением человека медицинской профессии заняла достойное место, слева от Бака.

При нашем с Ашером приближении все повернулась. Бак явно ощущал себя не в своей тарелке. Пристальный взгляд Суини вонзился сначала в Ашера, а потом в меня.

– Доброе утро, Ашер, доброе утро, Уэстлейк. В гостинице мне сказали, что вы на пляже. Мы вышли, чтобы разыскать вас.

Гилкрайст приветствовал меня наклоном головы. Некоторое время никто не начинал разговора. Потом Суини констатировал:

– Мы обсудили с Валентайном события прошлой ночи. Он признает, что у него был роман с Нелли Вуд. Впрочем, после того, как вы нашли разорванную фотографию, Валентайн в любом случае не смог бы этого отрицать. Но он клянется, что между ними уже давно все закончилось.

Стало быть, Бак упорно держался своей не слишком убедительной историей. Ашер снова взялся потирать руки. Я ожидал сейчас взрыв небольшой бомбы. Но ничего не последовало. С неприятным чувством осознал, что мне все-таки придется подтолкнуть его и заставить бомбу взорваться.

– Думаю, – торжественно сказал я, – и вы, Суини, и сам Бак с интересом должны выслушать показания мистера Ашера о том, что произошло вчера вечером.

На парафиновых щечках гробовщика проглянул намек на легкий румянец.

– Я... Мне предельно претит необходимость говорить об этом, инспектор. Я никому не желаю зла и хочу, чтобы вы понимали это. Но мистер Валентайн утверждает, что не встречался с мисс Вуд после того, как она ушла с террасы прошлым вечером. К сожалению, должен констатировать, что это не так, поскольку...

Он сделал неуместную паузу.

– Поскольку что? – рявкнул Суини.

– Поскольку, – продолжал Ашер, – я лично видел их вместе среди дюн через несколько минут после ухода мисс Вуд с террасы. Они держали друг друга в руках... То есть правильнее сказать: они обнимались.

Обнимались. Я знал, что именно это слово пустит для начала в ход Ашер. Но даже оно произвело тот эффект небольшой сенсации, какого он и желал. Плечи Бака поникли. Обветренное лицо Барнса посерьезнело. А Гилкрайст даже крикнул от удивления. Суини повернулся к спасателю:

– Мистеру Валентайну придется теперь многое объяснить нам. Не лучше ли будет вернуться в гостиницу?

И никого не дожидаясь, он направился по песку к отелю. За ним последовали Гилкрайст и Барнс. Туда же засеменял мистер Ашер, который, как показалось, сделался на несколько дюймов выше ростом.

О Баке словно забыли. Я прикоснулся к его руке.

– Пойдем, Бак. Лучше сразу покончить с этим.

Мое прикосновение помогло ему заметно расслабиться, и он пошел со мной.

– Не пора ли рассказать правду для разнообразия? – сказал я. – Ложь пока не слишком пошла тебе на пользу.

Он бросил на меня угрюмый взгляд, но промолчал.

Было ясно, что парень не слишком доверял моим советам.

Суини, Барнс и Гилкрайст уже в нетерпении ждали на террасе. Затем мы все перешли в вестибюль. Со стороны наша группа должна была производить внушительное впечатление.

По крайней мере именно так наш вид подействовал на Мэгги Хиллман. Она как раз выходила из столовой с пустым подносом в руке, когда появились мы. Мэгги встала как вкопанная, глядя на нас округлившимися, полными страха глазами. Поднос выскользнул из ее пальцев и с грохотом упал на голые доски пола.

Когда же она наклонилась, чтобы поднять его, я заметил два маленьких личика, наблюдавших за нами из-за балясин балюстрады лестницы. На лице Дон был написан живейший интерес. А Бобби имел свойственный ему извечно равнодушный вид. Они смотрели на нас подобно двум Чеширским котам, которые почему-то не улыбались.

Затем вдруг раздался хриплый и неожиданно громкий для такого малолетнего ребенка голос Бобби.

– Вот он опять появился, – произнес мальчик. – Тот глупый мужчина снова здесь.

Головы пропали за лестницей, донеслись звуки возни, а потом вскрик от боли. Это Дон встала на защиту отца, и Бобби досталось по первое число.

Показался мистер Митчелл, и Суини обратился к нему:

– Нам необходимо место для беседы, Митчелл. Как насчет вашего кабинета?

– Да, да, конечно, – Митчелл с опаской покосился на Бака, догадавшись, что именно из-за спасателя нам понадобилось его помещение, хотя эта идея вовсе не пришлась ему по нраву. – Пожалуйста, идите за мной.

Мы проследовали вдоль по коридору и набились в тесную комнату, служившую Митчеллу кабинетом. На полке в углу стояли книги по криминалистической психологии. Это был не совсем тот круг чтения, который можно считать подходящим для управляющего отелем. Впрочем, я сразу вспомнил о криминальном прошлом его сестры. По всей вероятности, Митчелл провел немало часов, изучая литературу, которая помогла бы понять, что заставило Кору встать на преступную дорожку.

Суини по-хозяйски опустился в кресло за письменным столом. Бак встал прямо напротив. Мистер Ашер, входя в роль «обвинителя», расположился с ним рядом. Гилкрайст, Митчелл, Барнс и я сам прислонились к подоконнику.

– Итак! – Голос инспектора Суини прозвучал, как удар линейки учителя по пальцам нерадивого ученика. – Нелли Вуд была убита около одиннадцати часов прошлым вечером. Вы видели, мистер Ашер, как Валентайн обнимал девушку. Когда это было?

Ашер самодовольно ухмыльнулся.

– Буквально через несколько минут после того, как они оба вышли с террасы. Я полагаю, примерно без двадцати одиннадцать.

– Без двадцати одиннадцать. – Суини вскинул взгляд на Бака. – За двадцать минут до убийства. Что вы на это скажете, Валентайн?

Но Бак – огромный, сильный, стоял совершенно растерянный. Потом он пожал плечами:

– Наверное, сваял дурака, когда пытался это скрыть. Я действительно встречался с Нелли прошлым вечером. У нас было с ней свидание в дюнах. Она сама назначила его. Бог свидетель, мне этого не хотелось. И я не был с ней даже пары минут, клянусь! – Он горько рассмеялся. – Если бы мистер Ашер шпионил за нами немного дольше, он увидел бы, как я ушел от нее.

Во всяком случае, в последовательности Баку невозможно было отказать. Каждый раз, когда появлялась новая информация, делавшая возможной его причастность к преступлению, он выдавливал из себя новое небольшое признание, продолжая отрицать главное.

– Значит, вы не хотели идти с ней на свидание? – переспросил Суини. – И пробыли вместе всего около двух минут.

– Да, это так.

– Для вас нормально обнимать и целовать девушку, с которой не хотите встречаться?

Бак выглядел еще более сбитым с толку.

– Не хочу сказать ничего плохого про девушку, которая умерла. Но никто из вас не знал Нелли Вуд, – его привлекательное лицо побавровело. – Я здесь работаю уже давно. Но никогда не встречал никого, подобного ей. Если она что-либо захотела, то непременно должна была это получить. Из кожи вон лезла, но добивалась своего. И сам не знаю почему, но я тоже оказался Нелли необходим.

Суини лукаво улыбнулся:

– Вы хотите сказать, что она вас соблазнила, мистер Валентайн?

Бак метнул в него сердитый взгляд.

– Вам это, по-моему, кажется забавным. Но вы бы испытали совсем другие чувства, если бы Нелли положила на вас глаз. Она преследовала меня днем и ночью. Атаковала, как пикирующий бомбардировщик. Признаю, я пару раз покувыркался с ней в постели. Не смог бы устоять при всем нежелании. Но она вызывала у меня неприязнь и даже отвращение. И недели две назад я сказал ей в лицо, что хочу расстаться раз и навсегда. Прямо заявил: не на того напала. Я не гожусь на роль случайного любовника для женщины, которая изменяет.

– Вы имеете в виду, что у нее был другой мужчина?

Я знал, что последует дальше.

Неловкость, которую испытывал Бак, стала еще более заметной.

– Вы мне просто руки выкручиваете, инспектор. Но раз уж мистер Ашер не считает зазорным наговаривать на меня, думаю, и мне не стоит стыдиться сказать кое-что дурное про других, чтобы оправдаться. Я послал Нелли куда подальше, потому что она одновременно спала с Фэншоу, а он сполна с ней за это расплачивался. Ежели мужчина готов выложить за женщину столько денег, то, наверное, ему было многое позволено за такую щедрость.

Мистер Ашер скорчил гримасу. Мистер Митчелл ухмыльнулся. Суини же напряг внимание, как терьер, почуявший запах дичи.

– То есть вы обвиняете Фэншоу...

– Я не обвиняю Фэншоу, – перебил его Бак. – Вообще никого и ни в чем не обвиняю. Вы потребовали от меня правды. И я вам говорю ее. С Нелли разорвал отношения. И, кажется, объяснил причину. И кое-как – а это было нелегко, уверяю вас, – сумел избавиться от внимания этой женщины почти на три недели. Но, как я понял, у нее было что-то типа девиза: «Никогда не принимай отказ за чистую монету». Вчера утром она заставила меня пообещать, что встречу с ней в дюнах в десять тридцать вечера. Заявила, что покончит с собой, если я не приду. Знакомый трюк, но безотказный.

Он сложил могучие руки на широкой груди. Стоя посреди кабинета в одних купальных трусах, он являл собой образ Флэша Гордона² в воображении многих юных девиц.

– И вчера вечером, в десять тридцать, Нелли спустилась из мастерской Фэншоу, где позировала ему. Я сидел на террасе, дожидаясь ее. Она вышла, я – за ней. Мы встретились среди дюн. Эта женщина начала валять передо мной дурочку. Пришлось грубовато сказать ей, чтобы шла к дьяволу и больше не приставала ко мне. Пригрозил, если не остановится, все рассказать Фэншоу. Это Нелли напугало. Она забеспокоилась и начала плакаться, какой Фэншоу ревнивый.

Бак прервался, когда до него дошло, что, сам того не желая, бросает серьезную тень подозрения на Фэншоу.

– Ну так вот. Кончилось тем, что она пообещала вести себя хорошо, но попросила в последний раз поцеловать ее. Как бы на прощание. – Бак переминался с ноги на ногу. – Я поцеловал Нелли. Должно быть, мистер Ашер как раз и застал эту трогательную прощальную сцену. Кстати, если уж вспоминать вчерашний вечер, то мне показалось, что видел проблеск света сквозь туман, но не придал ему значения. А потом, когда все было кончено, я расстался с Нелли. Клянусь! Развернулся и ушел. Больше ее не видел.

Лицо Суини приняло непроницаемое выражение.

– А что сделала Нелли, увидев, как вы уходите?

– Понятия не имею. Когда я в последний раз посмотрел на нее, она так и осталась стоять среди дюн.

– И вы сразу вернулись в гостиницу?

Бак ответил после легкого замешательства:

– Да.

– В таком случае ваш прощальный поцелуй редкостно затянулся, – сухо заметил Суини. – Я разговаривал с сотрудниками отеля. Повар видел, как вы вернулись ночью. Его комната рядом с

² Флэш Гордон – героический персонаж серии комиксов для подростков, впервые опубликованных в 1934 году.

черным ходом. А там висит фонарь, в свете которого он хорошо вас разглядел. По его словам, было уже за полночь.

Я смотрел на Бака. Изворотливой ловкостью парень не отличался. Каждый раз, как только он начинал лгать, находился кто-то, способный уличить его во лжи.

– Так что же? – Голос Суини теперь звучал по-настоящему сурово. – Вы расстались с Нелли без четверти одиннадцать и бросили ее в дюнах далековато от «Головы монаха», где было найдено тело. Чем же вы занимались до самой полуночи? Отправились поплавать?

Лицо Валентайна превратилось в жесткую и мрачную маску. Я заметил, что мистер Митчелл наблюдал за ним с беспокойством и волнением, а его эмоции, как мне показалось, выходили за рамки обычной тревоги босса за своего работника. Да я и сам ощущал, что чрезмерно нервничаю.

Глядя вниз, себе под ноги, Бак произнес:

– Из-за Нелли я чувствовал, что у меня душа не на месте. А торчать на террасе в гостинице до смерти надоело. И я... Я просто пошел пешком, чтобы ходьбой довести себя до утомления. А потом вернулся.

– Куда вы направились? В какую сторону?

– Мимо поста береговой охраны, – мгновенно ответил Бак, сам не понимая еще, что означают его слова.

Но Суини уловил суть на лету.

– Мимо поста береговой охраны? То есть и мимо «Головы монаха» тоже? Вы признаете, что пошли на прогулку прямо к месту, где было совершено убийство, а потом вернулись обратно, но ничего не заметили. Хотя китайский фонарь светил сквозь туман так ярко, что его лучи виднелись с расстояния в десятки ярдов.

– Не видел я никакого фонаря, – отозвался Бак. – И вообще ничего не видел.

Суини поднялся. В этот момент он напомнил мне миниатюрного и немолодого Давида, готового сразиться с Голиафом.

– Вся ваша история, Валентайн, насквозь лжива. Возможно, вы отчасти сказали нам правду о своих отношениях с Нелли Вуд. Вполне вероятно, что она действительно вам надоела. А потому не исключена ваша попытка избавиться от нее. Но если обычным способом это не удалось? Возникло убеждение, что она села вам на шею до конца жизни и придется жениться на ней. Тогда оставался один выход – убийство. Ответьте же, Валентайн, это вы убили Нелли Вуд?

Бак рассмеялся. Но очень злым смехом.

– И вы что же, всерьез рассчитываете услышать от меня ответ «да, это я»?

– Нет, не рассчитываю.

– Тогда к чему задавать мне такие идиотские вопросы?

На наших глазах разговор перерастал в подлинную драму.

Бак и Суини продолжали пристально вглядываться друг в друга, как два боксера, оценивающие силу противника перед гонгом первого раунда поединка.

Внезапно Бак сказал:

– Вы мне ясно дали понять, что у вас на уме. Не уведомите ли теперь, каковы планы ваших действий?

Глаза Суини сверкнули яростью.

– Я заберу вас с собой в участок и буду держать там, пока не добьюсь правды.

Губы Бака скривились в улыбке:

– Так и знал. Тупому полицейскому обязательно нужно кого-то арестовать, чтобы спасти честь мундира. И свое лицо.

Суини стремительно обошел стол вокруг.

– Все. С меня довольно ваших бредней. Вы прямо сейчас поедете со мной...

Он осекся и резко повернулся к двери. Как и все мы. Потому что дверь очень осторожно приоткрылась, и на пороге возникла Мэгги Хиллман.

На ней по-прежнему были сильно полинявшие платье и фартук официантки, в которых она обслуживала нас за завтраком. Ее волосы не хотели лежать аккуратно, как она ни старалась. Щеки, лишенные всякой косметики, сильно покраснелись. И она явно собрала все свои силы, чтобы войти в комнату, где работала полиция.

– Мэгги! – громко и изумленно воскликнул мистер Митчелл.

Девушка рассеянно попыталась пригладить свою прическу.

– Я понимаю, как плохо подслушивать под дверь, но все равно не смогла удержаться. И знаю, что инспектор обвиняет Бака в убийстве той девушки, но только он этого не делал.

Бак смотрел на нее странным взглядом, в котором смешались смущение и озабоченность.

– Мэгги! – в свою очередь, воскликнул он.

Щелкая каблуками, она мелкими шажками подошла к инспектору.

– Прошу вас, выслушайте меня. Хотите знать, что делал Бак после того, как ушел от той девушки, и до возвращения в отель? Он сказал, что просто гулял один, но вы поняли обман. Верно, он пытался обмануть, но совсем не по той причине, как вам кажется. – Она сложила ладони вместе. – Он... Он солгал, чтобы у меня не возникло неприятностей с мистером Митчеллом. Бак действительно оставил Нелли одну в дюнах. В точности, как описал вам. А потом все время до возвращения в гостиницу он провел со мной.

Она стояла перед нами, дрожа от страха и волнения, но готовая защищаться и защищать Бака.

– С вами? – переспросили мы почти в один голос.

Теперь она осмелилась посмотреть на парня. На ее губах заиграла застенчивая улыбка.

– Тебе не нужно было их обманывать, Бак. Пусть мистер Митчелл меня уволит. Это самое плохое, что может случиться.

В этот момент резко и угрожающе прогремел голос Суини:

– Таким образом вы создаете для этого молодого человека алиби?

– Разумеется. Мы с Баком... Словом, мы с ним сошлись уже несколько недель назад. Три недели, если точнее. – Она сказала это с патетической интонацией, словно гордилась фактом, что была возлюбленной молодого красавца спасателя уже двадцать один день. – И потому Бака так раздражали приставания Нелли Вуд, которые никак не прекращались. Понимаете, она была ему не нужна. Верно я говорю, Бак? Уже ведь все сложилось у нас с ним. А зная, как мистер Митчелл относится к работающим в отеле девушкам, если они заводят себе парней, нам приходилось держать наши отношения в секрете. Мы обычно встречались на пляже с наступлением темноты.

Мне же вспомнилось лучшее платье, которое Мэгги надела вчера, а потом ее размазанный по лицу макияж.

– У нас с Баком было назначено свидание на десять тридцать вчера. Вот почему он не хотел видеть в это время Нелли. Но только она его заставила. Бак рассказал, ничего от меня скрывая. И потому я тоже пошла в дюны, где они встретились, и все видела. Даже как он поцеловал ее. Но только мне не стоило волноваться, потому что догадывалась – это она принудила его к поцелую. И мистера Ашера я тоже заметила, как он пытался шнырять вокруг. Так что все происходило у меня на глазах.

При слове «шнырять» Ашер болезненно сморщился.

– А потом, поцеловав на прощание, Бак ее оставил и спустился на пляж. Туда, где мы обычно сходились с ним. – Мэгги слегка замялась. – Правда, он не знал, что я подкралась и следила за ними, понимаете? Потом выждала еще пару минут, но Нелли не побежала ему вслед. И тогда я поспешила вниз, чтобы не разминуться с Баком. А затем мы все время были вместе, пока не заметили тот фонарь и...

– Мэгги! – хриплым возгласом перебил ее Бак. – Мэгги, ты не должна...

– Нет, я непременно должна рассказать, как все было. – Она снова обратилась к инспектору: – Вот вам правда, мистер полицейский. Мы возвращались по пляжу мимо «Головы монаха» и вдруг увидели свет фонаря. Потом подошли, чтобы рассмотреть его. Так мы нашли Нелли... Это был ужас какой-то! Но было нежелательно, чтобы все узнали о нас, и потому Бак предложил, чтобы я возвращалась в гостиницу. А сам собирался сделать вид, будто один обнаружил тело. Но меня тревожило, что люди знали об их с Нелли связи. Он мог попасть под подозрение. Вот почему убедила его идти домой, а сама позвонила доктору Гилкрайсту, словно со мной никого не было, сообщив, что наткнулась на мертвую Нелли. И правильно: повар действительно видел Бака при входе в отель примерно в то время, когда я добралась до поста береговой охраны и воспользовалась их телефоном.

Я вспомнил ее маленькую рыдающую фигурку, сидевшую на песке прошлой ночью – бедная Мэгги в своем лучшем платье, скрывавшая любовную связь с самым известным местным ловеласом. Следовало признать, она оказалась гораздо сильнее, чем я мог бы предположить.

– Вот все как на духу, – у нее начала дрожать нижняя губа. – Вы не должны больше подозревать Бака в убийстве, потому что он неотлучно был со мной. А мистер Митчелл может теперь выгнать меня с работы, если...

Последние слова уже застряли у нее в горле. Она импульсивно бросилась к Баку и прижалась к нему. Ее растрепанная головка едва достигала уровня его широченной обнаженной груди. Теперь спасатель устремил на Суини пристальный и чуть насмешливый взгляд.

– Вот ведь как получается, инспектор. Кажется, вам придется поискать для себя другого козла отпущения.

Инспектора же эта реплика только распалила. Он еще более резким голосом обратился к Мэгги:

– Вы готовы под присягой дать показания, что этот человек все время находился в вашем обществе с без четверти одиннадцать до полуночи? То есть с момента, когда расстался с Нелли, и до обнаружения вами ее тела?

Мэгги кивнула.

– Да, готова.

– Вы сказали, что видели, как он распрощался с Нелли и отправился на пляж к месту ваших обычных встреч.

– Именно так.

– А вы чуть задержались для проверки, не отправится ли она вслед?

– Да.

Суини призадумался.

– Тогда есть еще вопрос, – продолжил он. – Скажите, мисс Хиллман, – я ведь правильно произношу вашу фамилию? – Что делала Нелли Вуд, когда и вы уже собрались уходить оттуда?

– Она оставалась на месте.

– Одна?

– Нет, не одна. – Мэгги отвернулась от Бака, сложила руки на груди, и ее взгляд переместился на мистера Ашера. – Она пробыла в одиночестве совсем недолго, а потом в темноте я заметила, как к ней приблизился какой-то другой мужчина. Я ушла, а они стояли там вдвоем.

– Еще один мужчина? – встрепнулся Суини. – Вы видели другого человека рядом с ней?

– Да. – Мэгги теперь в упор смотрела на мистера Ашера. – Я заметила вас там раньше, – обратилась она к нему, – когда подглядывали за поцелуем Бака и Нелли. Вот почему я подумала, что к ней подошли именно вы, мистер Ашер.

Эта реплика полностью обескуражила Ашера.

– Я?! Вы утверждаете, что... Что я подошел к мисс Вуд? Но это неправда. Просто даже возмутительно! Заявлять такое...

Мэгги пожала плечами:

– Не могу с уверенностью сказать. В темноте и тумане плохо видно, да я особенно и не присматривалась. Если это были не вы, тогда остается только одна возможная кандидатура.

Мы все уставились на нее с напряженным вниманием. Оно и понятно, здесь мог крыться ключ к разгадке всего дела. А именно – в том, кто был тем мужчиной, который встретился с Нелли Вуд после того, как Бак оставил ее одну. Ее вполне вероятный убийца.

– В самом деле? – заинтересованно воскликнул Суини. – Вы считаете, что это мог быть только один и совершенно определенный человек? Кто же конкретно?

Мэгги машинально потерла себе кончик носа.

– Ну, как я уже сказала, мне не удалось разглядеть его, и потому не могу ничего утверждать определенно. Но если правда все, что Нелли рассказывала Баку, то в таком случае... это мог быть только мистер Фэншоу.

XI

Совещание в кабинете мистера Митчелла закончилось. Ашер поспешил удалиться в неизвестном направлении. Мэгги стояла и смотрела на хозяина с покорной отстраненностью, ожидая, что ее, несомненно, уволят. Но мистер Митчелл просто сиял, глядя на нее. Его радость, что с Бака были сняты подозрения, явно перевесила возмущение интимными отношениями между работниками гостиницы.

И сам Бак на глазах изменился, приосанившись, распрямив плечи, и снова вытянулся во весь свой громадный рост – шесть футов и четыре дюйма. Внимательный наблюдатель не мог бы не отметить, что Мэгги Хиллман едва ли играла главную роль в его сложной личной жизни. Но она только что очень пригодилась ему, избавив от возможного обвинения в убийстве.

И благодарно понимая это, он обнял ее за хрупкие плечи своими широкими ладонями. Потом он, Мэгги и Митчелл тоже ушли.

Настроение Суини оставляло желать много лучшего.

– Похоже, я выставил себя полнейшим тупицей. Но только при условии, что девушка говорит правду.

Сержант Барнс почесал затылок.

– Вы думаете, что она, возможно, все выдумала только для того, чтобы дать парню алиби?

– Едва ли, – вмешался я, рассказав им о лучшем платье и размазанной по лицу косметике. – Мэгги совершенно точно отправилась вчера вечером на любовное свидание, а Бак – единственный, с кем она могла здесь встречаться.

Инспектор провел пальцем по своим ставшим предельно жесткими усам.

– Как бы там ни было, но нам необходимо поговорить с Фэншоу. Похоже, он основательно увяз в этом деле. Гилкрайст, Барнс, вам лучше будет пойти со мной. Не желаете присоединиться, Уэстлейк?

У меня возникло искушение согласиться, но Дон с Бобби Фэншоу и так слишком долго оставались без присмотра.

– Мне нужно проверить, как там дети, – ответил я. – Но буду все время в гостинице. Быть может, вы сообщите мне, что скажет Фэншоу, когда закончите с ним?

Затем я достаточно быстро нашел Дон и Бобби. Оба сидели на террасе и вели себя подозрительно смирно. Пристроившись на полу в уголке, они держались за руки, а Дон вслух читала какую-то небольшую черную книжку.

Я опустил в кресло и стал от нечего делать слушать монотонно-напевный голос своей дочери, гадая, какое произведение литературы могло настолько завладеть вниманием детей. Мне представлялось, что это либо описание смелых подвигов Тарзана, либо какая-то выдумка о покорении Дикого Запада.

Но вместо этого услышал:

«...Арфаксад жил тридцать пять лет и родил Салу. По рождении Салы Арфаксад жил четыреста три года и родил сынов и дочерей. А Сала жил тридцать лет и родил Евера...»

Они сумели стащить Библию мистера Ашера и странным образом получали удовольствие от самых скучных глав книги Бытия.

Воистину о вкусах не спорят.

И бесконечная генеалогическая опись продолжалась.

«...Когда Пелегу было тридцать лет, у него родился сын Реу...»

Лицо Бобби приняло выражение почти полного экстаза. Он обнял Дон за талию, не сводя своих выразительных черных глаз с ее лица.

Внезапно своим непривычно низким голосом спросил:

– Что значит «родил»?

Дон посмотрела на него свысока и не менее громко объяснила:

– То, что папа сделал со мной.

Меня тихо затрясло от смеха, а она как ни в чем не бывало продолжала чтение:

«...Когда Тераху было семьдесят лет, у него родились сыновья Аврам, Нахор и Аран...»

Они все еще не переставали смешить меня, увлеченно занятые чтением, когда примерно через полчаса на террасу спустились Суини, Гилкрайст и Барнс. Я велел детям отправляться в комнату Дон. Они поднялись и, по-прежнему держась за руки, не отрываясь от книги, вышли в вестибюль.

Я еще успел услышать голос Дон, постепенно удалявшийся, а потом пропавший.

«...Первенец Измаилов Наваиоф, за ним Кедар, Адбеел, Мивсам, Мишма, Дума, Масса, Хадад, Фема, Иетур, Нафиш...»

Суини и Гилкрайст расположились в креслах рядом со мной. Сержант Барнс предпочел встать у застекленной двери, глядя сквозь нее на дюны и больше напоминая рыбака, чем полицейского. Уже по выражению лица инспектора мне стало ясно, что беседа с Фэншоу не принесла должного удовлетворения.

– Ну и... – вопросительно посмотрел на него я.

Инспектор усмехнулся.

– Фэншоу отрицает, что встречался с Нелли в дюнах. Этого и следовало ожидать. Рассказывает немудреную историю. Когда закончил писать вчера вечером, вышел подышать воздухом. Пошел по пляжу в противоположную от «Головы монаха» сторону, в направлении городка. По дороге никого не встретил. Почувствовав усталость, вернулся.

– А что его жена? – спросил я, вспомнив загадочное и бледное лицо Мэрион Фэншоу.

– С ней нам побеседовать не удалось, – вставил слово Гилкрайст. – Фэншоу сказал, она плохо себя чувствует и не встает с постели.

– Гилкрайст, как врач, предложил осмотреть ее, – сказал Суини, – но Фэншоу побелел как привидение и даже слышать об этом не захотел. Есть в их семейных отношениях что-то не вполне нормальное, если вам интересно мое мнение.

Я не мог с ним не согласиться.

– Скажу больше, – продолжал инспектор, – мне все здесь кажется несколько странным. Лжет либо Валентайн, либо Фэншоу. Тот вообще категорически не признает какой-либо своей связи с Нелли Вуд. Отрицает, что подарил ей кольцо. Она всего лишь занималась ребенком и позировала для его безумных картин. Ничего сверх этого, утверждает Фэншоу. – Инспектор пожал плечами. – Но кто мог ожидать от него иных показаний?

– Причем лично мне не показалось, что он лжет, – заметил Гилкрайст.

– Такое же впечатление на вас произвел Валентайн, – напомнил Суини.

– Но ведь есть вероятность, что оба говорят правду, – сказал я. – Возможно, у Фэншоу действительно ничего с Нелли не было, а Валентайн уверил себя в обратном. Быть может, она лгала, бахвалясь влюбленностью в себя Фэншоу, чтобы заставить Бака ревновать и подхлестнуть увлеченность собой.

Суини удостоил меня теперь более пристальным взглядом, словно впервые услышал из моих уст нечто разумное.

Гилкрайст положил пухлые руки на свои округлые колени. Это был характерный для него жест, предвещавший, что сейчас он выскажет некое веское мнение. Я уже успел привыкнуть к нему с тех времен, когда мы вместе проводили вечера за кружкой пива, плачась друг другу о прискорбной участи способных врачей, приговоренных практиковать в маленьких провинциальных городах.

– Мне кажется, вы напрасно тратите время, Суини, пытаюсь разобраться в подробностях личной жизни Нелли Вуд. Назовите меня профаном, но я считаю, что она стала жертвой маньяка, которого прежде в глаза не видела.

Суини снова передернул плечами:

– А кто сказал, что я с вами не согласен? Подобная версия не отвергнута. Но полицейский должен тщательно выполнять свою работу. Нельзя игнорировать ни одну из существующих вероятностей. – Он поднялся порывистым и легким движением птицы, взлетающей с ветки. – Мне надо идти, дел по горло. Нужно организовать проверку некоторых местных жителей в Мысе Талисман, выяснить, не появлялись ли чужаки в окрестностях прошлым вечером, установить всех, кто покупал здесь в последнее время китайские фонари. Это и многое другое. Барнс, мне очень понадобится ваша помощь.

Гилкрайст тоже встал.

– И мне пора бежать. Я уже опоздал к приему в своей клинике, как и с визитом в тюрьму. – Он повернулся ко мне: – Между прочим, Уэстлейк, Суини рассказал вашу диковатую историю о могиле на старом погосте. Хочет, чтобы я определил, чье это захоронение. Без труда могу навести справки. У нас есть подробный план кладбища в помещении управления здравоохранения. Ближе к вечеру я закончу с основной работой, и мы сможем отправиться туда, чтобы вы показали, чей именно прах был потревожен. Договорились?

– Конечно.

Суини раздраженно фыркнул.

– Девушек убивают маньяки, а по ночам кто-то разрывает могилы. Это место напоминает какой-то сумасшедший дом. А всеми уважаемый полицейский должен во всем разобраться, чего от него ожидают все. Пойдемте, Гилкрайст. За мной, Барнс.

И все трое поспешили удалиться.

Моя и без того достаточно тонкая связь с расследованием убийства после их ухода окончательно оборвалась. И, несмотря на все еще не удовлетворенное любопытство, я был только рад получить передышку. Отправившись в свою комнату, облачился в купальные трусы и захватил удочку для ловли рыбы с берега. Продолжался прилив, и я мог пару часов порыбачить до самого обеда.

Затем прошел по коридору до номера дочери, чтобы забрать двух своих подопечных. К этому моменту Дон и Бобби уже забыли о Библии и занялись какой-то особой разновидностью борьбы. Я застал их на полу с раскрасневшимися лицами, сцепившимися в схватке.

– Пойдемте, ребята, – сказал я. – Мы возвращаемся на пляж.

Оба тут же вскочили на ноги. Дон тяжело дышала, но смеялась. Бобби, хотя его щеки и побагровели, выглядел по своему обыкновению серьезным. Он посмотрел на меня своим пристальным взглядом и выдал:

– Он шмотритша еще глупее в своих купальных трусах.

Насколько я знал, Бобби Фэншоу никогда прежде не пришепетывал.

Час от часу не легче!

Сохраняя чувство собственного достоинства, я вышел из комнаты. Они последовали за мной. Скоро я уже стоял в полосе прибоя, с непобедимым оптимизмом ожидая поклевки, которой так и не случилось. Дети вернулись к своей замысловатой игре в «черный бриллиант».

Они играли до обеда и продолжили после еды. Гилкрайст пока не появлялся. Несмотря на напряженную атмосферу в гостинице и несколько встревоженные, бледные лица некоторых ее обитателей, это мог быть обычный, окрашенный в золотисто-синие тона день на мысе Талисман, похожий на все другие, которые очаровывали меня своей размеренностью.

Приближался вечер. Небо на западе приобрело темно-красный оттенок, и его ласкающая глаз красота словно согрела своим сиянием океанский простор у горизонта. Я отправил детей переодеться, сам сменил одежду, а поскольку долго стоял по колено в воде, слегка продрог и решил перед ужином быстрым шагом пройтись по дюнам.

В этот предвечерний час пустынный пейзаж с песчаными холмами и травой, растущей ключьями, подобной жестким зеленым волосам, начинал приобретать какие-то почти неземные признаки. Все очертания стали смутными, и четко выделялся только силуэт старой церкви, одиноко

возвышавшейся на мысе вдаль – единственное творение рук человека на фоне песка и скудной растительности.

Но я даже не предполагал, что сумерки могут навеять пугающие мысли, пока вдруг не заметил впереди чью-то фигуру. В этом странном освещении она показалась мне необычайно крупной. Находилась между мной и самым краем церковного двора, держась неподвижно и очень прямо, словно вырезанная из серой замши, на которую теперь было похоже небо.

Передо мной открылся крутой склон впадины в дюнах. Подчиняясь какому-то безотчетному первобытному инстинкту, я укрылся в ней и продолжал наблюдать поверх кромки следующей дюны.

С такого расстояния было трудно рассмотреть, кто это. Я пока не мог даже определить, мужчина передо мной или женщина. Но было в очертаниях этой особы нечто загадочное. Лишь потом я понял, что именно – необычная толщина силуэта посередине, казавшаяся необъяснимой. Чуть позже я сообразил, что человек попросту что-то держит в руках.

Обернувшись назад, в сторону отеля, заметил другую фигуру – небольшую и совсем темную в потускневшем свете.

Она находилась совсем недалеко от меня, и в отличие от первой двигалась, даже бежала, неуклюже увязая в песке, направляясь в мою сторону.

Тишина, которую только подчеркивали звуки прибоя, доносившиеся издали, придавала всей этой сцене неясное значение и важность. Маленькая фигурка неуклонно приближалась. Она почти поравнялась с моим укрытием – невысокая и хрупкая девушка со светлыми волосами, обрамлявшими бледное лицо. Я уже мог слышать ее дыхание – неглубокое и прерывистое.

А когда она пробежала мимо, я узнал Мэрион Фэншоу.

Она же меня не замечала. В этом я не сомневался. Ее взгляд был устремлен вперед на другую фигуру, казавшуюся теперь еще более темной и зловещей, которая продолжала неподвижно стоять между мной и церковным погостом.

Теперь, когда мне удалось узнать по крайней мере одну из скитавшихся по дюнам персон, во мне разыграло любопытство.

Официально Мэрион Фэншоу была нездорова и весь день прикована к постели. Так почему же сейчас она бежала в отчаянной спешке через неровную песчаную поверхность дюн? Зачем? На какое свидание?

Плотнее прильнув к склону, я продолжал наблюдать, как миссис Фэншоу торопится успеть на свидание.

И вот они встретились. Света уже было совершенно недостаточно, чтобы ясно разглядеть происшедшее между ними. Я мог только заключить, что Мэрион подбежала к ожидавшему ее человеку, какое-то время они стояли вместе, но уже очень скоро миссис Фэншоу снова бросилась бежать назад. Причем опять в мою сторону.

Я выждал, чтобы она оказалась от меня всего в нескольких десятках ярдов. А затем встал и небрежно пошел с таким видом, словно только что поднялся сюда со стороны берега.

Она, возможно, могла и не заметить меня вообще, если бы мы практически не столкнулись. Мэрион резко остановилась и издала негромкий вскрик. Даже в сумерках ее лицо напоминало белую маску с отчетливо заметным страхом в чертах.

– Боже мой, кто...

– Добрый вечер, миссис Фэншоу, – приветливо сказал я. – Боюсь, что напугал вас. Вот, знаете ли, решил уйти с пляжа и немного погулять в дюнах.

– О... – в этом похожем на вздох звуке прозвучало самое невероятное облегчение. – О, это вы, доктор Уэстлейк. А я думала...

В первую же секунду нашей встречи я заметил, что миссис Фэншоу держит в руках нечто большое и серое, но не сразу распознал огромный букет из веток восковницы.

– Рад видеть вас в добром здравии, – продолжал я. – Насколько понял, с утра вы неважно себя чувствовали.

Она ответила с поспешной готовностью:

– Да, так и было. Мне недомогало. Пережила глубокий шок прошлой ночью от того, что произошло с Нелли. Все дело в нервах, как вы понимаете. Вам должны были рассказать, что я очень нервная. Вирджил вечно твердит об этом. Очень удобно иметь жену с чувствительной

нервной системой, не правда ли? Тебе все начинают сочувствовать буквально на пустом месте. «Ах, бедный художник. Он так измучился со своей полоумной женой!»

Она рассмеялась резко и с язвительной иронией. Причем этот взрыв смеха встревожил меня даже больше, чем тот, что прервал наш ночной разговор с ее мужем.

Чувствуя себя глупо, я не нашел лучшего продолжения нашей беседы, чем ответить пустой репликой:

– Как я вижу, вы тоже решили немного прогуляться перед ужином, верно?

Миссис Фэншоу прижала призрачно-серый букет к груди.

– Да, доктор Уэстлейк. Прошлась по дюнам, чтобы набрать этих веток. Они так радуют глаз, и очень живописные, вам не кажется? Я подумала: а ведь славно будет поставить их в своей комнате.

Она еще немного постояла рядом со мной, а потом вдруг стремительно рванулась через дюны к гостинице.

Я же остался один, совершенно сбитый с толку, зная, что не она собрала восковницу. На это у нее попросту не было времени – я наблюдал за каждым ее движением. Это означало только одно. Она в безумной спешке примчалась на встречу с кем-то, кто приготовил для нее этот букет.

Почему?

И где я раньше слышал почти такую же фразу, какую употребила сейчас она?

«Какая красота эта восковница! Такая отрада для глаз. И насколько это живописно».

Разумеется, я сразу же все вспомнил. Это ведь было всего лишь прошлым вечером. Мы с Барнсом спускались после беседы с Баком Валентайном. И в вестибюле встретили мисс Хейвуд. Она тоже держала в руках букет восковницы и одарила нас своей странной улыбкой одних только губ, от которой не потревожилась ни единая складка кожи на ее лице.

«Такая отрада для глаз. И насколько это живописно».

Преисполненный внезапной решимости, я направился по дюнам в противоположную от отеля сторону к тому месту, где видел вторую, застывшую в ожидании фигуру. Если честно, то я не питал особой надежды застать на месте того, кто вручил Мэрион Фэншоу столь восхитивший ее букет.

Однако уже скоро я заметил высокий и темный силуэт, который теперь шел мне навстречу.

Мгновением позже мы пересеклись. Оба остановились, всматриваясь друг в друга в окончательно наступивших сумерках. Раздался голос – низкий, но мелодичный, слегка манерный:

– А, доктор Уэстлейк! Как я вижу, вас тоже покорила красота этого чудесного вечера.

Смутная фигура передо мной предстала в виде мисс Хейвуд. И теперь, конечно же, у нее в руках уже ничего не оказалось.

– Добрый вечер, мисс Хейвуд.

– Вы только посмотрите на краски неба! Смотрите сейчас, чтобы уловить их последние отблески. Это какое-то перевернутое малиновое озеро! Природа вечно остается прекрасной, сколько бы зла ни творили люди, доктор Уэстлейк. Кто может сейчас себе представить, что только прошлой ночью поблизости было совершено ужасающее убийство? Еще утром я хотела немедленно уехать. Меня не назовешь храброй женщиной. Но инспектор пока никого не отпускает, и я в какой-то степени даже рада этому. Мне был дарован восхитительный вечер!

Меня же не оставляло ощущение, что восприятие прекрасного в мисс Хейвуд было несколько гипертрофировано. Надеюсь слегка встряхнуть ее, я внезапно спросил:

– Как продвигается ваша живопись? Вы начали натюрморт с восковницей?

– Восковницей? – повторила она эхом за мной.

– Да, мисс Хейвуд. Прошлым вечером вы, помнится, собирались сделать набросок с веток восковницы.

– Ах да, да. – В ее голосе снова зазвучали восторженные нотки. – Но только боюсь, эта ужасная трагедия заставила меня на время забыть об искусстве.

Мы недолго стояли молча, разглядывая друг друга, если только можно было разглядывать кого-то, ставшего почти неразличимым.

Мисс Хейвуд тихо и очень эстетично вздохнула.

– Вероятно, начну писать завтра. И, как я надеюсь, погружение в живопись поможет забыть эту... Этот ужас.

На ней было надето что-то вроде артистического и свободного балахона с множеством внутренних потайных карманов. Она долго рылась в них, прежде чем достала и очередным изысканным жестом поднесла к губам тончайший белый носовой платок. При этом я краем глаза уловил, как нечто серое и плоское скользнуло на песок. Поднял упавшее.

Это была купюра в пятьдесят долларов.

Мне показалось довольно странным, что мисс Хейвуд вот так запросто носит с собой пятидесятидолларовую банкноту³.

– Кажется, это выпало из вашего кармана, мисс Хейвуд, – сказал я.

Сначала она в недоумении вытаращила на меня глаза, но потом поспешным движением выхватила бумажку из моей руки и сунула на прежнее место.

– Да, спасибо, доктор Уэстлейк. Вы очень любезны. Большое спасибо.

Затем она оставила меня в одиночестве, поспешно направившись в сторону гостиницы.

Мэрион Фэншоу с букетом восковницы, который собрала не она сама. Мисс Хейвуд с пятидесятидолларовой купюрой в кармане. Очень странно. Более чем странно...

XII

Уже на подходе к отелю я заметил еще одного мужчину, который шел со стороны пляжа, запустив руки в карманы брюк. У двери на террасу мы оказались одновременно. Это был Вирджил Фэншоу.

– Привет, Уэстлейк, – сказал он. – Ходил прогуляться. А то весь день просидел с Мэрион. Но потом она сама настояла, чтобы я вышел и подышал свежим воздухом.

– Ваша жена все еще нездорова? – осторожно поинтересовался я.

Его грустные, немного рассеянные глаза всмотрелись в мое лицо.

– Боюсь, что да. Нервы, знаете ли. Принесу ей ужин из столовой на подносе. Надеюсь, она хоть что-нибудь съест. С ней все будет в порядке, как только я смогу увезти ее отсюда. Я это прекрасно понимаю.

Теперь и я сам многое прекрасно понимал. Мэрион умышленно выбрала время для свидания так, чтобы под любым предлогом отослать мужа из гостиницы, а ее первоначальный испуг при столкновении со мной в дюнах был вызван опасением, что она невольно встретится там с Вирджилом.

Воистину они представляли собой необычную пару – супруги Фэншоу.

– Очень мило с вашей стороны позаботиться о Бобби, – продолжал между тем Фэншоу. – Как вы думаете, ему можно будет поспать сегодня ночью в комнате Дон? Я не слишком ловок в обращении с детьми, а когда Мэрион нездорова, Бобби плохо действует на ее нервную систему.

Я заверил его, что Дон будет только счастлива поиграть в няню пятилетнего Бобби. Он еще раз поблагодарил меня и отправился разыскать повара и попросить его накрыть ужин на подносе.

Поднявшись наверх, я понял, что и Дон тоже обнаружила все достоинства трапезы в номере. В ее комнате уже установили дополнительную раскладушку, и Бобби, сидя на ней в пестрой полосатой пижаме, поедал овсяные хлопья с молоком. Дон пристроилась за столом и наслаждалась куда как более обильным ужином, состоявшим из жареного цыпленка и огромного шара мороженого на десерт.

– Не волнуйся за Бобби, папочка, – сказала она небрежно. – Как только покончим с едой, мы еще немного поиграем в «черный бриллиант». А потом он уляжется спать. – Она расправилась с цыпленком и набросилась на мороженое. – Думаю, я тоже тогда отправлюсь в постель.

Никогда прежде Дон не высказывала добровольного желания лечь спать вовремя. Ее опека над Бобби явно имела свои положительные стороны. И я поспешил уйти, пока она не успела передумать.

³ Достаточно большие деньги для 30-х годов прошлого века, когда происходит действие романа.

Гилкрайста внизу по-прежнему еще не было. Я пошел в столовую. Там, помимо Ашера, сидела только загадочная мисс Хейвуд, и можно было занимать любой из других столов. Мэгги Хиллман, обычно обслуживавшая меня, не появилась, и мне подала ужин другая официантка. Я предположил, что Мэгги сейчас вместе с Баком находится в более романтическом месте, чем гостиничная столовая, если сам мистер Митчелл так неожиданно благословил их близость.

После ужина и мистер Ашер, и мисс Хейвуд удалились, а я в одиночестве выкурил трубку на террасе, глядя сквозь окно на темный пляж. Эта ночь в значительной степени отличалась от предыдущей. Море не окутывал туман. Небо оставалось ясным, усыпанным теперь яркими звездами.

Это была ночь, не внушавшая страхов. Ночь для любви. Не для убийств.

Уже почти пробило десять, когда массивная фигура доктора Гилкрайста появилась на террасе. Его обычно цветущее лицо прорезали морщины, а глаза выглядели усталыми.

– Ну, доложу я вам, Уэстлейк, мне выдалась нелегкая работенка в Халинге. Думал, что уже не вырвусь оттуда сегодня. Но все же удалось, как видите. Только прежде чем продолжить, мне необходима доза спиртного.

Я отправился в бар и вернулся с двумя высокими стаканами с виски и содовой. Гилкрайст взял свой стакан и сделал большой глоток.

– Так-то оно намного лучше. – Он поставил напиток на ручку кресла. – Суини горит желанием выяснить, чью могилу вскрывали. Если вы не против, можем отправиться туда сразу, как только покончим с виски. У меня есть фонарик. Проблем возникнуть не должно. То место мне отлично знакомо.

Я сказал, что с большой охотой пойду вместе с ним.

Гилкрайст сдвинул брови.

– Суини может быть очень хорош, если по-настоящему увлечется, Уэстлейк. Я оставил его в полицейском участке Халинга, и он начал раскручивать это расследование на всю катушку.

Я отхлебнул из своего стакана.

– Вы принимали участие во вскрытии, верно? Обнаружили что-то интересное?

– Ничего, о чем не знали бы раньше. Убийство путем удушения без попытки изнасилования. Они протестировали вещество, с помощью которого нанесли алый круг на ее щеке. Как я и предсказывал, это губная помада.

– Губная помада?

– Да, но вот только не той марки, какой пользовалась сама Нелли Вуд. Убийца, по всей видимости, специально принес ее с собой. – Гилкрайст склонился вперед, упершись по привычке руками в колени. – Не слишком приятная деталь, а?

– Да уж, – усмехнулся я. – Если представить, что мы имеем дело с маньяком-убийцей, который одержим родинками и любит подсвечивать место преступления. Так все выглядит, согласны?

Гилкрайст еще раз основательно приложился к виски.

– Честно говоря, Уэстлейк, меня сильно занимает этот случай. Впервые за много лет в нашей дыре произошло что-то необычное, достойное серьезного дознания. И я пытаюсь вообразить, что за тип этот убийца, как выглядит, какова его мотивация. Быть может, он прежде был влюблен в девушку с родинкой на щеке, а она его отвергла. Вот вам и возможная первопричина всего. Или существует другая вероятность. Это может уходить корнями в более смутные и отдаленные времена его детства: няня, жестоко обращавшаяся с ребенком, другая девочка, которая издевалась над ним. Он мог копить в себе ненависть, пока не превратился в своего рода фетишиста, и его ненависть обратилась уже не на конкретного человека в целом, а только на его родинку. Потом и на всякого с родинкой на щеке. Я могу представить вскипевшую в нем одержимость, если он встретил Нелли Вуд на улице в Мысе Талисман, заметил ее родинку и внезапно стал испытывать неудержимое стремление расправиться с девушкой.

– Параноики часто воспринимают объект своей ненависти как всеобщее зло. Наш преступник, вполне возможно, считал, что, убивая девушку с родинкой, он карает порок. Вот почему он обвел родинку кругом – своего рода послание миру о том, что свершилась высшая справедливость.

– Именно так. И фонарь тоже вписывается в подобную картину. Он установил источник света в том месте, потому что гордился своим поступком и хотел побыстрее привлечь к нему внимание. А

еще руки, сложенные на груди, – намеренная попытка придать труп умиротворенный вид. Тем самым продемонстрировано, что зло уничтожено и порядок воцарился вновь.

Гилкрайст допил свой стакан с виски до дна.

– Но если быть уж совсем откровенным, Уэстлейк, то мне страшно. Я старался вдолбить это Суини, пока мы ехали в Халинг. Преступника необходимо найти как можно скорее, или убийство случится снова. Помяните мое слово.

Ему не было нужды убеждать меня в своей правоте. Я полностью разделял его мнение. И все равно, пока мы сидели на террасе, глядя на пустынный и темный пляж, высказанная вслух мысль вызвала ощущение озноба во всем теле.

Это случится снова.

Потом я спросил:

– А что вы думаете о происшествии на погосте? Как оно вписывается в этот случай?

Гилкрайст достал свою трубку и принялся утрамбовывать в ней табак широким большим пальцем.

– Не уверен, что вижу здесь прямую связь, Уэстлейк. Знаю, вы видели на погосте другой китайский фонарь, и вроде бы просматривается нечто общее. Но я склоняюсь к мысли, что вы натолкнулись на нечто совершенно иное, никак не связанное с убийством.

– Да, но на что другое?

Он пожал плечами:

– Вы совершенно не знаете народ, который живет в Мысе Талисман. Зато их хорошо знаю я. Прожил бок о бок с ними шестнадцать лет. Некоторые из жителей – особенно те, кто постарше, – остаются такими же простыми и суеверными, какими были их невежественные предки – рыбаки, перебравшиеся сюда из Европы. Между прочим, здесь много выходцев из Португалии. Когда ураган обрушился на старое кладбище, их всех уведомили, что с разрешения управления здравоохранения они могут перенести могилы родственников в более безопасное место. Но никто этого не сделал. Кому-то может показаться, что им просто на все наплевать. А вот я думаю, они испытывают страх перед облаченными в форму службистами из органов здравоохранения. И меня отнюдь не удивит, если в городке найдется чудака с головой, забитой дедовскими поверьями, который все же захочет перенести прах, но только без ведома властей. Таково мое мнение, Уэстлейк.

Он раскурил трубку.

– Но давайте отправимся туда сейчас же, а то не соберемся вообще. Быть может, когда узнаем, в чьей именно могиле копались, получим обо всем более ясное представление.

Ручка фонарика торчала у него из кармана. Я поднялся наверх, чтобы взять свой. А потом мы вместе вышли из гостиницы в темноту на подсвеченный звездами пляж.

Ночь выдалась на редкость красивой, способной довести до экстаза такую артистическую натуру, как мисс Хейвуд. Звездное небо давало достаточно света, и нам даже не понадобились фонарики. Вокруг нас шелестели под легким ветром заросли травы. Волны мелодично накатывались на берег. По временам попадались кусты восковницы, серо-черные на фоне чуть отливавшего синевой темного неба.

Кругом не было ни души. Весь тихий и мирный берег моря принадлежал сейчас нам одним.

Пока мы шли, я стал размышлять об истории, которую накануне поведал мне Барнс, – о сестре мистера Митчелла с криминальными наклонностями. И просто для поддержания разговора спросил Гилкрайста, известно ли ему что-либо об этом.

– Вы имеете в виду Кору Митчелл? – переспросил он. – Разумеется, я о ней знаю. Можно сказать, она одна и сделала Мыс Талисман на какое-то время известным. Но тому минуло уже двадцать лет.

– Она, вроде бы, занималась кражей драгоценностей, не так ли? И была арестована в этом самом городке?

– Все верно, – Гилкрайст рассмеялся. – Это случилось еще до моего появления здесь, но Кора наделала среди обитателей Талисмана больше переполоха, чем кто-либо другой за всю историю этого места. Они до сих пор порой вспоминают о ней, когда хотят почесать языками. Особенно любит эту историю сержант Барнс. Он арестовал Кору, и все никак не может забыть, как тогда атаковала его пресса.

– А в чем заключалась суть истории? – спросил я. – Должно быть, она была достаточно сенсационной, чтобы народ так долго помнил о ней.

– О, да. Это стало настоящей сенсацией. Кора и Джон – это имя Митчелла, который ныне владеет отелем, – были детьми старого Митчелла, местного рыбака. Джон всегда считал себя выше остальных жителей Талисмана и еще совсем молодым сбежал в Нью-Йорк, где преуспел в гостиничном бизнесе. Кора же безумно любила отца, но имела слишком необузданный и непоседливый нрав. Ей тоже скоро наскучило в городке, и она уехала. Добралась до того же Нью-Йорка, но связалась с дурной компанией. Она вышла замуж за парня, который был настоящим преступником, и они с еще одним типом, втроем, стали заниматься крупными похищениями драгоценностей. Им удалось несколько больших дел, на которых они сколотили приличные состояния. Так продолжалось несколько лет, и никто не мог их поймать. Не было известно даже, как они выглядят. Полиция не имела никакой достоверной информации. А потом они пошли на самое крупное дело – ограбление дома баснословно богатого стального магната, жившего на Лонг-Айленде, по фамилии Хоган. В коллекции его жены был очень известный камень – черный бриллиант. Кажется, чуть ли не единственный в мире, хотя я могу ошибаться. За него можно было потребовать поистине королевский выкуп.

Черный бриллиант! Так вот откуда взялась идея загадочной игры, затеянной Дон!

– И они завладели черным бриллиантом? – спросил я.

– Да. Но вот только их план не совсем сработал. Хоган неожиданно вернулся, когда воры все еще находились в его доме. Застрелив хозяина, она сбежали оттуда. Хоган умер, но перед смертью успел подробно описать полиции их внешность. После этого началась одна из самых крупных поисковых операций в истории. Полицейские сумели выследить и арестовать обоих мужчин. Но до самой Кору не добрались, преступники крепко держались на допросах и ее не выдали. Одновременно бесследно пропал бриллиант. Вероятно, они успели его продать.

– А Кору все-таки схватили здесь, в Мысе Талисман?

– Да. Она попала в ловушку, расставленную Суини. Как раз в то время старик Митчелл сильно занемог. А Суини знал, как привязана к нему дочь. Он дал во все газеты объявление якобы от брата. С таким текстом: «Папа при смерти. Приезжай скорее, Кора». И подпись: Джон. Суини сам считал, что хитрость немудреная. Но она сработала. Однажды ночью Кора пробралась в город и направилась напрямик в дом к старому Митчеллу. Разумеется, Суини и его люди держали там все под наблюдением. Барнс как раз дежурил за старшего. Он в итоге и арестовал ее. Сами понимаете, какая аппетитная тема для газетчиков: знаменитая похитительница драгоценностей поймана при попытке посетить смертельно больного отца! Причем отмечалась и вовсе душераздирающая деталь, потому что старый Митчелл отдал богу душу за день до ее появления.

История оказалась воистину впечатляющей. Неудивительно, что элегантный мистер Митчелл занялся изучением литературы по криминалистической психологии, чтобы разобраться в случае со своей сестрой.

– Тех двоих мужчин усадили на электрический стул за убийство Хогана, – продолжал Гилкрайст. – А Кора избежала смертного приговора благодаря какой-то юридической уловке. Ее приговорили к пожизненному заключению и отправили в тюрьму Халинга. Она умерла буквально пару недель назад. – Он усмехнулся. – Мыс Талисман редко попадает в сферу внимания прессы, но уж если попадает, то по-крупному. Сначала Кора Митчелл. А теперь такое убийство.

Мне пришлось оставить размышления о сестре мистера Митчелла, поскольку мы как раз достигли края кладбища. Кора ушла в прошлое. Нам же следовало жить днем настоящим, когда таинственным образом оскверняются могилы и разгуливают маниакальные убийцы женщин с родинками.

Перед нами сумрачной тенью на фоне покрытого звездами неба возвышалась громада заброшенной церкви. Но сейчас она потеряла зловещий облик, ту атмосферу богом проклятого места, которая присутствовала еще прошлой ночью. Наоборот, в ее силуэте виделось сегодня какое-то умиротворение – старая, никому ненужная церковь в окружении полуразвалившихся надгробий, доживающая свой век под тихий шум морских волн. Кладбища могут не только пугать, но и оказывать успокаивающее воздействие. Все зависит от конкретного момента посещения и настроения.

С Гилкрайстом, тяжело топающим рядом, я прошел уже знакомым путем сквозь ряды могильных холмиков. Мимо нас пролетел крупный белый мотылек. Где-то вдали выводили свои трели лягушки. Но в целом вокруг царил полный покой.

– Вы точно узнаете место, Уэстлейк? – усиленный тишиной голос Гилкрайста показался мне оглушительно громким.

– Конечно. Она прямо впереди. Рядом с деревом.

И почти в ту же секунду я различил елку. Она тоже отчетливо была видна при свете звезд. Я взял Гилкрайста за руку и повел за собой.

– Вот, – указал я. – Это здесь.

Гилкрайст достал из кармана фонарик, включил и направил луч вниз. Я сделал то же самое. В более ярком свете стала видна не совсем ровная линия между могилами, надгробья с которых уже унесло морем.

Мы повели фонариками влево и осветили ту могилу, которую нашли с Барнсом прошлым вечером. По-прежнему можно было отчетливо разглядеть, что слой почвы на ней более рыхлый, чем на соседних захоронениях.

– Значит, это она и есть? – пробормотал Гилкрайст.

– Да. Была разрыта так глубоко, что стала видна почти половина крышки гроба.

Какое-то время Гилкрайст стоял молча. Потом буркнул себе под нос:

– Так. Теперь постараюсь вспомнить.

Он указал на третий холмик от могилы, рядом с которой мы стояли.

– Там лежит старая миссис де Сильва. В этом я уверен. Точно, де Сильва. Потом Фэншоу – это отец Вирджила Фэншоу. Следующая могила числится за семейством Митчеллов.

– Митчеллов! – возбужденно воскликнул я. – Вы же говорите не о Коре Митчелл?

– Нет, естественно. Это могила старика Митчелла. Ее отца. Хорошо! Теперь уже ошибиться невозможно. Могила Митчелла – отличный ориентир. Де Сильва – Фэншоу – Митчелл, а потом...

Луч его фонарика снова переместился на потревоженную могилу и остановился на ней.

– А потом Кейси. Ирен Кейси. Да, Уэстлейк, все правильно. В могиле, которую вы видели раскопанной позапрошлой ночью, покоятся останки Ирен Кейси.

Я внутренне напрягся, когда он называл фамилии Фэншоу и Митчелл. Но Кейси... Мне никогда прежде не доводилось слышать о ней.

– Ирен Кейси? – на всякий случай переспросил я. – Кем она была? И какое отношение могла иметь к нашему делу?

– Насколько я могу судить, никакого, – задумчиво ответил Гилкрайст. – Ирен Кейси. Смутно припоминаю ее. Она умерла достаточно давно. Прошло уже лет тринадцать. Я тогда пробыл здесь совсем недолго, и являлся ее врачом. Она скончалась, можно сказать, у меня на руках, причем совсем еще молодая и вполне привлекательная женщина. Ее погубило воспаление легких.

– Но кем она была? Местная жительница?

– Нет. Она приходилась кузиной или еще какой-то родственницей людям, уехавшим из Талисмана несколько лет назад. Да, так и было. Приехала к ним погостить. Но потом заболела, а через пару месяцев здесь и умерла.

Звучало не слишком многообещающе – чья-то дальняя родственница, приехавшая погостить в Мыс Талисман тринадцать лет назад.

– И вам не припоминается о ней ничего более интересного? – спросил я. – Должна же быть причина, чтобы кто-то захотел разрыть ее могилу.

– Нет, не припоминаю такого. Но я сейчас стал яснее представлять себе, как она выглядела. Хорошенькая. Очень миловидная. Высокая блондинка, а еще... – он вдруг осекся. – Боже мой, Уэстлейк! – воскликнул он с внезапной дрожью в голосе.

– Что такое, Гилкрайст? Говорите же!

– Только что пришло на память, – массивная рука Гилкрайста вцепилась мне в запястье и сжала его. – Я представляю ее лицо, словно видел только вчера. У нее на левой щеке была большая, бросающаяся в глаза родинка!

Мы в полном изумлении уставились друг на друга.

Вот и обнаружилась совершенно безумная связь между убийством и осквернением могилы. Тринадцать лет назад умерла девушка с родинкой на лице и теперь, буквально накануне, все повторилось, только смерть была насильственной.

Я заметил, как невольно начинаю представлять себе человека, который постепенно сходит с ума в течение тринадцати лет, одержимый покойной Ирен Кейси, его сознание постоянно наполнено мыслями о ней, переходящие в ненависть. И так месяц за месяцем, год за годом до самой вчерашней ночи на пляже...

Погост мгновенно лишился всяких признаков умиротворения. Подсвеченный звездами мрак снова стал казаться зловещим, населенным ожившими тенями, которых только что не было и в помине. Накренившееся надгробие, минуту назад представлявшееся всего лишь глыбой камня с надписью, стало символом грядущей катастрофы. Потрескивание веток елки, тершихся друг о друга под порывами ветра, зазвучало как клацанье беззубых челюстей скелетов. Откуда-то из темноты с монотонным гудением прилетел жук и глухо ударился в меня.

Я вздрогнул.

– Мне кажется, это все, что нам следовало узнать, Уэстлейк. Теперь можем выбираться отсюда. – По голосу Гилкрайста я понял, что он испытывал примерно те же чувства, рисовал себе те же абсурдные картины, что виделась мне самому, и испытывал не менее сильное желание поскорее уйти с кладбища. – Идемте же! Надо спуститься к пляжу. Так получится быстрее.

Мы отвернулись от могил, от черневшего силуэта церкви и поспешными шагами направились к краю погоста, где начинались дюны. Гилкрайст несколько опередил меня. Он раньше подошел к границе кладбища и вдруг встал, глядя на простиравшуюся в отдалении гладь океана.

Я не сразу понял, почему Гилкрайст остановился столь резко, отчего пристально вглядывался в сторону океана.

Затем до меня донесся его голос. Он звучал необычно, был тонкий почти до визга.

– Смотрите, Уэстлейк!

От беспричинной, казалось бы, тревоги я буквально одним прыжком поравнялся с коллегой и встал рядом. Он поднял заметно дрожавшую руку и указал через пляж на морскую поверхность.

Несколько мгновений я непонимающе смотрел в указанном мне направлении. Поначалу мне виделась лишь звездное небо и безграничный океан с почти потерявшейся в темноте ночи линией горизонта, отделявшей водную стихию от воздушной.

– Да глядите же! – уже почти истерично выкрикнул Гилкрайст.

И я увидел то, что первым заметил он. Панический страх моментально охватил меня тоже.

На черном бархате водной глади покачивался и мерцал тусклый, но различимый свет. Источник его находился на некотором расстоянии от берега, на едва видимой маленькой лодочке.

– Боже милостивый! Этого не может... – Я буквально лишился дара речи. – Это же... никак невозможно.

Но свет был несомненно реален, имел розовую окраску и весело поблескивал посреди окружавшей тьмы.

Светить подобным образом мог только дешевый бумажный китайский фонарь.

XIII

Это было хуже любого кошмара, какие порой посещают нас чуть ли не каждую ночь. Я хрипло сказал, сам себе не веря:

– Быть может, просто кто-то возвращается с поздней вечерней рыбалки?

– С рыбалки? На рыбалку никто не отправляется с бумажным китайским фонарем. Идемте, Уэстлейк. У меня в гавани пришвартован катер. Нам надо взять его и добраться до этого фонаря.

Нескладная фигура Гилкрайста устремилась по дюнам вниз. Я едва поспевал за ним. И мы побежали по пустынному пляжу в сторону городка.

И все время, пока двигались туда, мерцающий зловещий свет в таинственной темноте океана сопровождал нас, словно двигаясь параллельно.

До маленькой гавани было всего полмили. Вскоре серые и призрачные мачты шхун рыбаков из Мыса Талисман показались в отдалении под звездным небом. Еще дальше протянулся сам городок, где там и здесь виднелись освещенные окна среди скопления домишек.

Мы добежали до деревянного пирса и застучали каблуками по его доскам, минувя слегка покачивавшиеся на волне мелкие одномачтовые суда.

– Вот он, мой катер, – сказал Гилкрайст и прыгнул на борт окрашенного белой краской суденышка, пришвартованного в дальнем конце пирса. Я последовал за ним.

Вокруг по-прежнему не было ни души. Жители Мыса Талисман, как представлялось, уже мирно улеглись спать, несмотря на непоздний час.

При свете карманного фонарика Гилкрайст повозился с мотором, после чего раздалось натужное механическое пыхтение.

– Отвяжите швартовы, Уэстлейк.

Я пробрался на нос катера и снял трос с кнехта на причале.

– Если мы найдем лодку, нам придется взять ее на буксир и подтащить к берегу. У меня есть веревка где-то на корме. – Гилкрайсту пришлось повысить голос, чтобы перекричать усилившийся шум двигателя.

Катер рванулся вперед, послав дождь из брызг поверх борта. Я с трудом удержался на ногах. Мы покинули маленькую бухту и, рассекая черную гладь воды, взяли курс в сторону гостиницы.

В первые минуты я не мог различить впереди ничего в непроглядной темноте. Но затем снова появился свет – сначала тусклый, а потом все более яркий по мере того, как мы догоняли медленно дрейфовавшую лодочку. Да, то был тот же свет – розовый, пульсирующий, который теперь символизировал неизвестность, весь страх перед опасностью, которые укоренились с недавних пор в нашем немногочисленном сообществе.

– Он в лодке, Уэстлейк, – размышлял Гилкрайст. – Но почему он в лодке? Китайский фонарь в море. Это... Это безумие какое-то.

Верно. Другого определения и подобрать было бы невозможно.

С наступлением прилива в море поднялась волна. Наш катер переваливался с борта на борт, с носа на корму. Свет впереди постепенно становился ярче. Я видел его все яснее и яснее, как и белую лодочку, совершавшую свой бесцельный дрейф.

Гилкрайст тоже пристально всматривался вперед.

– Бог мой, Уэстлейк, лодка белая! Белый гребной ялик. Неужели это лодка из гостиницы, которой пользуется Валентайн?

Мы находились теперь достаточно близко, чтобы разглядеть абрис корпуса ялика – его необычно тонкий, вздернутый вверх нос и очень низко сидевшие над водой борта.

– Да, – воскликнул я. – Думаю, что лодка из отеля.

До этого момента наша тревога была смутной, походила на ночной кошмар. Новое открытие превратило ее в нечто вполне осязаемое и реальное. Если ялик принадлежал гостинице, а свет означал, что маньяк снова взялся за свое, то кто стал жертвой? Кого обнаружим мы в лодке? Наши знакомых? Кого-то из гостиницы?

На мгновение, совершенно лишившее меня равновесия, затмившее разум, я подумал о Дон. Но дочь была в безопасности, находясь в своей спальне вместе с Бобби. Они спали, и им снился, должно быть, манящий черный бриллиант. Разумеется, ничто не могло угрожать девочке!

До ялика оставались какие-то десять ярдов. При беглом осмотре даже весел не было видно, как и никаких признаков жизни. Ничего, кроме мерцавшего розового китайского фонаря.

Мы обогнули лодку и подплыли к ней со стороны моря.

– А теперь, Уэстлейк, осветите своим фонариком в сторону ялика! – крикнул мне Гилкрайст.

Я направил фонарик на раскачивавшийся ялик. Под его лучом черная вода заискрилась и заиграла прихотливыми отблесками. Затем осветил борт и зафиксировал фонарик подобно прожектору.

Да, это была лодка Валентайна. Я узнал сразу, но не это стало для меня главным. Все мое внимание привлекло то, что лежало внутри нее, подсвеченное розовым сиянием китайского фонаря, который каким-то образом прикрепили к поперечине центральной банки⁴.

Поначалу увиденное мной не укладывалось в сознание как нечто физически невозможное. Это выглядело поистине ужасающе. И даже хуже – картина представлялась непристойной.

Через деревянный борт, окунувшись пальцами в воду, до неприличия фривольно свисала обнаженная женская нога.

К этому моменту прилив приблизил нас к ялику почти вплотную. Гилкрайст заглушил мотор и присоединился ко мне. Луч его фонарика был направлен вниз на лодку спасателя и слегка колыхался в такт плавному покачиванию более тяжелого катера. Он скользнул по гладкой коже оголенной ноги и по задранной вверх юбке, вдоль тела, аккуратно уложенного под банками ялика. Руки были сложены на груди, так, как прежде у Нелли Вуд. Голова откинута назад, и бледное лицо выглядело так, словно женщина спала.

Я продолжал разглядывать тело, лежавшее в позе полнейшего покоя, оскверненное отвратительным изломом ноги в каком-то зловещем предсмертном танце.

И хотя лицо оказалось в тени, были различимы его черты, темно-русые волосы, зачесанные назад, и стало ясно, кто передо мной, еще до того, как я направил луч и склонился вперед, чтобы взглянуть в профиль. Но машинально все же проделал эти движения. Луч фонарика упал на белое лицо, на закрытые глаза, на узкий и чуть вздернутый нос.

Нос, который даже после смерти чуть поблескивал, как и при жизни.

Потому что девушкой, чей труп лежал на дне ялика, была Мэгги Хиллман. У меня стальным обручем сдавило сердце.

Мэгги Хиллман! Бедная маленькая Мэгги лежала в лодке под розовой подсветкой китайского фонаря. Убитая. Она стала второй жертвой наводившего ужас злодея, который, как мы и предсказывали, нанес снова удар.

Мысли у меня смешались, но потом я сосредоточился на одном очевидном факте, неизбежно приобретающем первостепенную важность. Нелли была девушкой Бака, и она умерла. Мэгги, другую его избранницу, постигла та же участь. А ее тело лежало в лодке спасателя, бесцельно пущенной плавать в море.

Импульсивно я дернулся вперед, словно для того, чтобы перебраться в ялик, но в темноте раздался резкий окрик Гилкрайста.

– Не надо втаскивать тело целиком на борт, Уэстлейк. Мы ни к чему не должны притрагиваться, пока не достигнем берега, где умершую сможет осмотреть Суини. Возьмите на корме длинную веревку с привязанным на конце камнем.

Я добрался до кормы, порылся в сваленных там вещах и нашел ее. Намотал на руку и поднял тяжелый камень. Подойдя к боковому борту катера, сумел забросить его в носовую часть лодки.

Гилкрайст вернулся к штурвалу. Мотор катера взревел, и нас обдали брызги. От соленой воды защипало глаза. Мы направились к берегу. До меня доносился скрипучий звук от трения натянутой веревки по дереву ялика, который тянули за собой.

Я взглянул назад и убедился, что лодочка на буксире движется вслед, позади буруна, оставляемого гребным винтом катера.

– Мы пристанем к берегу ближе к посту береговой охраны и «Голове монаха», Уэстлейк. – Голос Гилкрайста звучал до странности тонко. – Там на пляже нам никто не помешает, а с поста можно позвонить Суини, чтобы не переполошить жителей городка.

Мне никогда не забыть этого показавшегося бесконечным плавания, когда катер рвался вперед, вздымая по обеим сторонам тучи соленых брызг, а позади, подсвеченная розовым светом фонаря, тащилась белая лодка с наводившим ужас грузом.

Прошла вечность, прежде чем мы вошли наконец в небольшую бухту с причалом для судов береговой охраны. По мере того, как Гилкрайст подводил катер к пирсу, я вдруг заметил смутный свет фонарика, перемещавшийся вдоль пляжа. Гилкрайст причалил, и мы оба выбрались на пирс,

⁴ Банка – морской термин, обозначающий деревянные сиденья для гребцов и пассажиров в весельных лодках и шлюпках.

чтобы осторожно, взявшись за веревку, подтянуть к нему и ялик. Когда закончили с этим, я услышал тяжелые шаги по доскам позади нас.

Из темноты появилась фигура, направившая на нас луч фонарика – высокий и худой мужчина в плаще, блестящим от капель воды.

– Так это вы, док Гилкрайст и док Уэстлейк!

Я сначала по силуэту, а потом и по голосу понял, что это сержант Барнс.

– Что это у вас? – спросил он хрипло. – Опять какое-то происшествие?

Гилкрайст выпрямился во весь рост.

– А вас-то как сюда занесло, Барнс?

– Увидел свет в море – розовый свет – и подумал: что-то здесь не так. Добежал до гавани, но ваш катер уже успел отчалить. Другой лодки у меня не было. Вот и пришлось следовать за вами вдоль берега.

Один из моряков службы береговой охраны как раз спустился вниз. Он встал рядом с Барнсом, глядя на нас с любопытством.

– Произошло еще одно убийство, Барнс, – сказал я. – Подобное тому, что случилось прошлой ночью. На этот раз жертва – Мэгги Хиллман.

– Мэгги? – пораженно воскликнул Барнс.

– Попросите офицера подняться с вами на пост как можно быстрее и позвоните Суини. Скажите, пусть немедленно направляется сюда.

– Но...

– Немедленно! – оборвал его я.

После чего сержант и моряк поспешили исполнить указание с надлежащей быстротой и в полном молчании. Когда они удалились, мы с Гилкрайстом надежно привязали ялик к пристани. А потом стояли и смотрели на него, не говоря ни слова.

Нечто странное, смутное ощущение какого-то движения на берегу у нас за спинами заставило меня обернуться. Мне сразу же показалось, что я заметил шевеление в темноте, как будто у основания пирса кто-то пытался спрятаться.

– Эй, кто там? – крикнул я.

Ответа не последовало. И, внимательно взглядевшись в совершенно пустынный участок пляжа, я пришел к выводу, что со мной сыграло злую шутку разыгравшееся воображение.

Между тем Гилкрайст склонился ближе к фонарю, тщателью стараясь не прикоснуться к нему.

– Весьма изобретательно, – пробормотал коллега. – Его прибили гвоздями к банке, а внутри установили какую-то защиту вокруг свечи, чтобы при качке от ее пламени не вспыхнула бумага фонаря. – Он усмехнулся, и в его голосе зазвучали нотки почти профессионала. – Как я и предполагал, это убийство выглядит еще более демонстративным, чем первое. То же положение тела со сложенными руками и закрытыми глазами. Но на этот раз драматизма добавляет использование лодки, одиноко дрейфующей по морю.

– Но нога, – сказал я, – нога, свисающая через борт. За каким чертом ему это понадобилось? Еще одна деталь постановки? Новый театральный элемент?

Пока я говорил, Гилкрайст направил луч своего фонарика на обнаженную ногу Мэгги.

И мы оба сначала застыли в изумлении, а затем одновременно вскрикнули от ужаса. Потому что на ноге было видно нечто, чего посреди морской качки и окружавшего мрака поначалу не заметили.

Увы, но я оказался прав. Свешенная через борт нога оказалась столь необходимым убийце финальным элементом постановки, от которого мороз продирает по коже.

Мы могли бы догадываться о чем-то подобном, заподозрить это в первый же момент, когда увидели свет фонаря. И все равно оказались совершенно не готовыми к увиденному. И шок, к которому примешивались ужасающие воспоминания об убитой Нелли Вуд и о давно почившей миссис Кейси, оказался силен, как удар между глаз.

Гилкрайст указывал туда пальцем, хотя в жесте не было никакой нужды.

На голом бедре Мэгги, примерно в шести дюймах над коленом виднелась крупная круглая родинка.

И она была пугающе четко обведена почти правильным алым кругом.

XIV

Мы с Гилкрайстом продолжали стоять на небольшой пристани. Вскоре к нам присоединился Барнс с известием, что инспектор Суини уже находится в пути сюда из Халинга.

Безумие нового преступления было очевидным. Но я, привыкший воспринимать убийства как действия, имеющие свои причины, совершенно произвольно начал анализировать устрашающее событие в свете того, что нам было известно о бедняжке Мэгги.

Я снова отметил про себя, что и Нелли, и Мэгги числились в подружках Бака Валентайна. Быть может, неизвестный убийца избрал их своими жертвами не как случайных девушек, а потому что вынашивал ненависть к любым особам женского пола, связанным с Баком? Я вспомнил о странной озабоченности, проявленной мистером Митчеллом по поводу спасателя, и о его злобной, свойственной скорее старым девам, неприязни, полной яда и злобы, к любым проявлениям сексуальности со стороны подчиненных ему женщин. Это можно считать вопросом принципа, но уж очень экстравагантного.

Я подумал и о той роли, которую сыграла Мэгги в трагедии прошлой ночи, обеспечив Баку алиби. Не могла ли она солгать, потому что увлеклась спасателем и хотела защитить его? Что, если все-таки Бак убил Нелли и, зная ненадежность показаний Мэгги, опасаясь, что правда может открыться в ходе более тщательного расследования, решил избавиться от второй девушки тоже, пока Суини своими уловками не принудил ее признаться во лжи?

Наконец в темноте раздались голоса, и уже минуту спустя Суини с помощниками направились по пирсу в нашу сторону. Инспектор был резок и крайне взвинчен. Мы показали ему лодку с жертвой убийства, рассказав всю историю с самого начала. Он слушал с нескрываемым раздражением, бормоча себе под нос:

– Ради всего святого, почему мы не смогли предотвратить этого? Две девушки за две ночи. Две за две ночи!

Но и раздражительность, в которой ощущалось все же частичное признание собственной ответственности, не помешала ему взяться за дело с привычной эффективностью. Он раздал указания подчиненным, а сам стал напряженно наблюдать, пока судебный медицинский эксперт, Гилкрайст и я проводили осмотр тела.

Как и Нелли Вуд, Мэгги была задушена обрывком оконной веревки, брошенной на шею и с силой стянутой узлом. Она, по всей вероятности, тоже не имела возможности заметить напавшего на нее человека и попытаться бороться за жизнь.

Длительное пребывание тела на пропитанном солью морском воздухе затруднило точное определение времени наступления смерти. Мы сошлись на том, что это произошло полтора или четыре часа назад. Это означало, что убийство могло быть совершено сразу после ужина, или незадолго до того, как мы увидели свет в море с края старого погоста.

Я располагал информацией, что Бак имел обыкновение оставлять свою лодку в небольшом заливе, находившемся между выступом кладбища и «Головой монаха». Мэгги либо сама пришла туда, либо ее заманили в ловушку. Ее убили, тело поместили в лодку с фонарем, после чего пустили плыть по воле волн. Но и момент выбрали тоже не случайно. Случись отлив, и ялик унесло бы гораздо дальше в открытое море.

– Он сумасшедший, – сказал Суини. – Теперь в этом не приходится сомневаться. Уложить тело несчастной девушки в лодку, прибить фонарь к банке и пустить лодку по волнам так, чтобы свет еще долго был виден с берега на многие мили вокруг. Ни один человек в здравом уме не пошел бы ни на что подобное. Это настолько безумно, что пугает намного больше, чем рядовое убийство.

– А еще эти родинки, – добавил Гилкрайст.

И благодаря его краткой фразе мне вдруг пришло на ум нечто очевидное с самого начала.

Родинка Молли украшала ее щеку, и ее мог видеть каждый. Но вот у Мэгги родинка располагалась в шести дюймах над коленом. Насколько я знал, Мэгги не отличалась особой

спортивностью и никогда не выходила на пляж в купальнике. Кто мог знать о том, что у нее есть родинка на ноге? В самом деле, кто?

Только тот, кто был с ней по-настоящему близок. К примеру, любовник. Я снова вернулся к размышлениям о Баке.

Люди инспектора закончили осмотр лодки. Они собрались около командира и вели разговор о том, как лучше доставить труп в Халинг для вскрытия. Гилкрайст, естественно, отправлялся с ними. Поскольку Суини продолжал считать меня полуофициальным членом следственной бригады, он предложил и мне присоединиться ко всем. Но я отказался.

У меня сложилось убеждение, что гораздо больше шансов обнаружить нечто интересное не в море, а ближе к дому, на сравнительно коротком участке берега.

Группа мужчин двумя шеренгами двинулась по пирсу в сторону пляжа, неся белые носилки с останками несчастной Мэгги Хиллман. Пожелав им доброй ночи, я вышел на пляж, но повернул в направлении «Головы монаха», расположенной дальше гостиницы.

Я мог только представить себе, какая паника воцарится в Мысе Талисман, когда жители узнают о втором убийстве, значит, где-то рядом бродит на свободе смертельно опасный маньяк. Мне тоже было беспокойно, но волновался не за себя, разумеется, а только из-за Дон. Мне стало неприятно осознавать, что убийца Нелли и Мэгги мог находиться в близком окружении моей дочери. Вот уж поистине не та компания!

Я знал, что Суини захочет, чтобы мой отъезд был отложен до того, как дело будет раскрыто. Похоже, в таком случае не смогу сам увезти Дон отсюда. Но ей следовало непременно уехать. И я начал обдумывать возможные места, где моя девочка окажется в полной безопасности. У тетушки Мейбл, например. Конечно, она уже стара, одряхлела, у нее вздорный характер, и все же...

Я успел совершенно забыть о смутной фигуре, которую, как мне показалось, заметил в темноте на пляже рядом с пирсом поста береговой охраны. Но сейчас, когда подошел к «Голове монаха» и выступу берега вдалеке от отеля, какое-то шестое чувство подсказало мне, что сзади кто-то движется, ступая во мраке мягко и почти бесшумно.

Я резко развернулся. Теперь при свете звезд отчетливо видел мужчину, спешившего догнать меня.

– Кто и какого дьявола... – начал я.

Уже почти бегом мужчина приблизился вплотную.

– О, добрый вечер, доктор Уэстлейк. Мне так и показалось, что это вы.

Даже при тусклом освещении я не мог не узнать восковое лицо и по-женски покатые плечи мистера Ашера.

Не слишком дружелюбно заметил:

– То-то мне померещилось, что видел кого-то на берегу, когда мы только причалили. И вы что же, дожидались меня все это время?

– Да, да, я вас ждал. – Он пошел рядом, стараясь не отставать. – Я... Видите ли, мне хватило ума не влезать в ход официального расследования. Но меня снедало любопытство. Вот и затаился до того момента, когда у меня появится надежда поговорить с вами с глазу на глаз и расспросить.

– Расспросить о чем?

– Я разглядел свет в море, – даже от его шепота веяло чем-то замогильным. – И понял: что-то произошло. А потому поспешил к берегу. И наткнулся на... Ага, вот оно опять!

Он остановился и указал рукой на песок у себя под ногами. Я пригляделся и различил якорь с обрывком обрезанного троса на месте, где, должно быть, стояла лодка Бака и откуда убийца пустил в плавание зловещее дело своих рук.

– Я сразу все понял, конечно же, – сказал Ашер. – Лодки нет, а по морю плывет розовый фонарь. Странно, доктор Уэстлейк, очень странно.

– Вы очень наблюдательны, мистер Ашер.

– А потом видел, как вы притащили ялик на буксире. Даже сумел разглядеть, что в нем лежало. Еще одна девушка, доктор Уэстлейк, не так ли? И не говорите, что мне почудилось.

У меня сложилось впечатление, что ему очень хотелось потереть ладонью о ладонь своим характерным жестом.

– Мэгги Хиллман, – сказал я устало. – Теперь уже можно не хранить ее смерть в секрете. Завтра об этом все равно будут судачить обитатели побережья.

– Мэгги? Милая маленькая Мэгги? Какой ужас! Какой невыразимый ужас! – Он доверительно пошел рядом со мной. – С ней случилось то же самое, доктор Уэстлейк? Ее убили тем же способом? И оставили такой же знак на теле?

Меня быстро утомило ненасытное любопытство мистера Ашера. И потому я промолчал. Но не существовало способа заткнуть рот ему. Он продолжал скороговоркой:

– Мэгги была очень хорошей девушкой. Мне хотелось бы хоть что-то для нее сделать, – а затем уже более громко и уверенно добавил: – Насколько я знаю, у нее... э-э-э... не было близких родственников, доктор Уэстлейк. В таких случаях похороны устраивают самые скромные. Однако, как я уведомил вас вчера в связи с похоронами Нелли, и сейчас я готов взять все хлопоты на себя, организовать погребение по высшему разряду, за свой счет, разумеется.

Если бы у меня уже не выработался иммунитет в отношении мистера Ашера, я бы объяснил ему сразу, какое отвращение он вызывает. Но сдержался и позволил ему высказаться до конца:

– И еще, доктор. Если у Мэгги были какие-то родинки или иные дефекты, я могу удалить их без следа. Есть специальный крем, который восстанавливает кожный покров и скрывает шрам. Это делает тело покойного более красивым, более умиротворенным, чем...

Мое терпение иссякло.

– Ради бога, угомонитесь! – воскликнул я. – Все складывается достаточно плохо и без вашего назойливого вмешательства.

Я мог видеть, как он пытается в темноте всмотреться мне в лицо.

– Вероятно, мы с вами по-разному воспринимаем смерть, доктор Уэстлейк. Как медик, вы видите только ее страшную и болезненную сторону. А я соприкасаюсь с ней, когда боли больше нет. И умершая действительно может выглядеть красивой и умиротворенной. – Он снова перешел на шепот. – А моя задача усилить это впечатление. И тем самым дать близким покойного утешение, какое только возможно в таких случаях, а порой сделать после смерти красивым даже того, кто при жизни был уродлив и неприятен. Меня не случайно называют художником в своей профессии.

Вот она опять. Прежняя прилипчивая фраза!

Я швырнул окурок сигареты в мокрый песок и прикурил новую. Впереди уже виднелись тускло мерцавшие огни гостиницы. Сейчас меня немного могло обрадовать больше, чем их вид.

В отеле я избавился от общества Ашера простейшим способом: поднялся сразу к себе в комнату и закрыл дверь.

Моя одежда насквозь промокла после жуткого морского приключения. Я стащил ее с себя и надел свитер с другими джинсами. В мою дверь громко постучали, и нетерпеливый стук сопровождался нервным голосом мистера Митчелла:

– Доктор Уэстлейк? Могу я войти?

– Да, – отозвался я, и в мой номер буквально ворвался совершенно бледный управляющий. Его всегда невозмутимое лицо исказилось от пережитого шока. Руки под безукоризненно белыми манжетами сорочки не находили себе места и беспорядочно двигались, как две испуганные мыши.

– Это совершенно ужасно, доктор Уэстлейк! Мистер Ашер только что мне все рассказал. Мэгги убили. Еще одно убийство, связанное с моей гостиницей!

Мыши сцепились в отчаянно крепких объятиях.

– Да еще использовали принадлежащую отелю лодку. Пустили в море наш спасательный ялик. – Он сделал паузу. – Доктор, что же нам делать?

– Мы можем сделать все, что в наших силах, для поимки убийцы, мистер Митчелл, – ответил я. Он вцепился в мой рукав.

– Доктор Уэстлейк, вы должны знать: неужели полиция – этот инспектор – все еще думает, что Бака... Что он имеет хоть какое-то отношение к преступлениям?

Его снова слишком беспокоила судьба спасателя.

– Эту тему мы с Суини не обсуждали, – сказал я, но затем, чтобы дать ему пищу для размышлений, добавил: – Однако факт остается фактом. И Нелли, и Мэгги были девушками Бака, и его лодкой воспользовались...

Митчелл поспешил перебить меня:

– Инспектор никак не может подозревать Бака, потому что... Бак весь нынешний вечер провел со мной. Мною владела тревога, нервы расшалились. Мне нужно было как-то отвлечься от всего. И я пригласил Бака к себе в комнату поиграть в нарды. Он за все время ни разу не отлучался и ушел всего несколько минут назад.

Но это столь торопливо подготовленное алиби не только не развеяло смутных подозрений в отношении Бака, а в значительной степени усилило мой интерес к личности самого Митчелла. Владелец и менеджер отеля не достиг высот в искусстве обмана. У него в глазах отчетливо читалось, что весь рассказ – чистой воды фантазия. Чем бы оба ни занимались этим вечером, они совершенно точно не провели его тихо вдвоем за игрой в нарды.

Мы стояли и смотрели друг на друга. Причем мне уже пришла в голову занятная идея. Если только Митчелл не сумел каким-то образом узнать об убийстве до того, как ему сообщил о нем Ашер, у него пока не было времени для сговора со спасателем. Если я немедленно отправлюсь в комнату Бака, то получу шанс поговорить с ним до того, как управляющий отрететирует с молодым человеком общую для них версию. И окажись алиби выдумкой, я бы сразу опроверг его окончательно и бесповоротно.

Митчелл ждал, что я ему скажу. Я пробормотал невнятные извинения, протиснулся мимо него к двери и вышел в коридор, оставив его одного.

В считанные секунды я оказался перед номером Бака.

В щели над дверью виднелся свет. Это означало, что он был у себя и еще не спал. Я быстро постучал, и, посчитав, что соблюдение всех формальностей с Баком не обязательно, открыл дверь и вошел в комнату.

И мгновенно понял, что совершил непростительную бестактность. Бак действительно находился в своем номере, одетый, как обычно, в синий купальный халат. Его тело, достойное флорентийских фресок, вытянулось на кровати.

Но он был не один.

В ногах постели стояло кресло, где расположилась очень изящная и артистичная мисс Хейвуд, облаченная в свободного покроя платье.

Я искренне удивился при виде столь плохо сочетавшейся друг с другом пары.

Бак мгновенно вскочил на ноги. Недоумение и изумление отразились на его мужественном, молодом лице, но, как я понял сразу же, эти чувства вызвало не столько мое неожиданное появление, сколько предмет их с мисс Хейвуд разговора, прерванного моим вмешательством. Что же до лица мисс Хейвуд, то оно оставалось невозмутимым и выражало полное равнодушие. Ее скулы четко обрисовывались под туго натянутой кожей. Ясные глаза, вечно любезные, смотрели на меня с нескрываемым любопытством.

Хотя она была значительно старше Бака, мисс Хейвуд оставалась весьма привлекательной женщиной. А зная неразборчивость спасателя по части увлечения особами противоположного пола, я решил поначалу, что нехстати нарушил романтический тет-а-тет. Однако почти сразу понял, что у мисс Хейвуд происходило с Баком свидание далеко не романтического свойства, и она скорее всего принесла ему новость, которая совершенно нарушила его душевное равновесие.

Мисс Хейвуд тоже поднялась, подобрав подол своего серо-зеленого платья, и сказала:

– Я пыталась уговорить мистера Валентайна позировать мне, доктор Уэстлейк. Мною снова овладело жгучее желание писать, а мистер Валентайн, с моей точки зрения, представляет собой великолепную модель.

Она произнесла свою реплику весьма убедительно. Я мог бы даже поверить ей, но только опрокинутое лицо Бака красноречиво свидетельствовало, что женщина лжет.

И я сказал:

– Боюсь, мисс Хейвуд, завтра вряд ли будет подходящее настроение для занятий живописью. А у Бака едва ли найдется время вам позировать. Кое-что произошло. Я как раз пришел уведомить об этом. Совершено еще одно убийство.

Лицо Бака приобрело чрезвычайно изумленное выражение. Щеки мисс Хейвуд внезапно эстетично позеленели, и она окинула меня взглядом, в котором на мгновение промелькнул неприкрытый страх.

– Еще одно убийство? – хрипло выдавил из себя Бак. – Кто... Кого убили?

– Мэгги, – сказал я. – Мэгги Хиллман.

– Мэгги! – У Бака задрожали губы. – Бедняжка Мэгги мертва? Но это же непостижимо! Невозможно, чтобы...

– Гилкрайст и я обнаружили труп, – оборвал я его. – Он плавал в море в вашей лодке, Бак. И все напоминает первое преступление – китайский фонарь, родинка, обведенная алым кругом.

– Мэгги убита! Доктор...

Бак осекся, потому что мисс Хейвуд вдруг громко выкрикнула слово «родинка», схватилась за горло и рухнула обратно в кресло, закрыв ладонями лицо.

Несколько мгновений она сидела, превратившись в нечто бесформенное, но затем сумела овладеть собой и подняла голову. Проблески страха еще виднелись в ее глазах, но прежнее спокойствие почти полностью к ней вернулось.

– Простите меня, доктор, – сказала она. – Но такая новость повергла меня в полнейший шок. Эта бедная девочка, бедная девочка. Я никак не была готова...

Лицо Бака загорелось неистовым негодованием.

– Мы должны выяснить, кто совершил это, доктор Уэстлейк. Убить маленькую, ни в чем не повинную Мэгги! Она была очень хорошей девушкой. Никому и никогда не причиняла вреда. Надо добраться до убийцы!

– Вы совершенно правы, Бак, – сказал я. – Я как раз подумал, что лучше поставить вас в известность, раз уж скоро сюда прибудет Суини, чтобы снова допросить. Поскольку Мэгги была вашей девушкой, а тело нашли в вашей лодке, ему будет необходимо выяснить, как вы провели сегодняшний вечер.

Бак бросил искоса беглый взгляд на мисс Хейвуд и выпалил:

– Ничего страшного, доктор. В этот раз Суини не удастся бросить на меня даже тени подозрения. Весь вечер после ужина я провел здесь в обществе мисс Хейвуд.

Руки мисс Хейвуд, несколько грубоватые для столь утонченной леди, разглаживали смятые складки на платье.

Затем размеренным тоном она сказала:

– Бак говорит вам правду, доктор Уэстлейк. Я пришла к нему с просьбой позировать почти сразу после ужина. Как я выяснила, он позировал прежде нескольким живописцам, включая мистера Фэншоу. И мы провели время в увлекательной беседе о художниках и об искусстве. Причем разговор так меня захватил, что я совсем потеряла счет времени.

Я переводил взгляд поочередно с Бака на мисс Хейвуд.

В делах об убийствах подозреваемым обычно как раз не хватает самого главного – алиби. Но и положение Бака выглядело сейчас не менее сложным. Иметь два совершенно разных алиби – явный перебор. Бак едва ли мог провести вечер, играя в нарды с мистером Митчеллом, и одновременно наслаждаться беседой об искусстве с мисс Хейвуд. Не требовалось быть детективом высокого класса, чтобы понимать это.

XV

Именно этот момент мисс Хейвуд избрала для того, чтобы снова подняться с кресла. Улыбнувшись мне улыбкой, в которой отражались и женственность, и чувственность, она пробормотала:

– Все это ужасно, ужасно. Мне нужно прилечь. Голова так и кружится.

Она пересекла комнату. У самого порога задержалась, и на мгновение ее взгляд остановился на лице Бака. А потом исчезла.

Но меня ей одурачить не удалось. Этот последний взгляд на Бака был брошен в расчете, что я не обращаю на него внимания. Но я сразу понял его цель. Перед уходом мисс Хейвуд глазами о чем-то предупредила Бака. Но предостережение было мной перехвачено.

Молодой спасатель стоял рядом со мной, не замечая, что халат наполовину сполз с мощных плеч, и его поза привела бы в восторг любого скульптора. Снова и снова он твердил одно и то же

об убийстве Мэгги, подчеркивая ужасный характер преступления и настоятельную необходимость поймать виновного.

И хотя его сетования по поводу смерти девушки выглядели совершенно искренними, меня не оставляло чувство, что он преследует какие-то свои цели. Бак словно пытался выиграть время и при этом выжать из меня информацию, жизненно важную для него самого.

Внезапно он спросил:

– Вы с Гилкрайстом увидели тело в море?

– Да.

– Но где... Где находились вы сами?

– На старом кладбище.

– На дворе при старой церкви? – Голос Бака слегка дрогнул. – Ах да, я теперь вспоминаю, что собирались на старый погост. Найти чью-то могилу или что-то в этом роде, верно?

Я удивленно посмотрел на него, гадая, каким образом ему стало об этом известно. Конечно, мы с Гилкрайстом обсуждали наши намерения на террасе отеля вечером. Вероятно, он подслушал наш разговор. Да и Барнс, неисправимый провинциальный сплетник, мог запросто проговориться.

– Да, – ответил я. – Суини попросил идентифицировать одну могилу. Это оказалось захоронение некой Ирен Кейси. Слышали о ней что-нибудь?

– Кейси? – огорченное молодое лицо Бака не изменило своего выражения. – Нет, не думаю.

Он немного постоял рядом со мной в неловком молчании. Но вместо того, чтобы проявить естественное любопытство относительно нашей миссии, повернулся к каминной полке, взял из пачки сигарету и прикурил ее. Потом снова обратил лицо ко мне, пуская дым с нарочитой небрежностью.

– А вообще-то я много слышал об этом старом кладбище. Там, кажется, несколько могил уже смыло в море во время урагана?

– Похоже на то.

– Занятно. – Бак снял крошку табака, прилипшую к верхней губе. – Насколько мне известно, там похоронен отец мистера Фэншоу. И мистера Митчелла тоже.

– Так и есть, – отозвался я.

Бак грузно опустился на стул. Он вел себя сейчас настолько неестественно раскованно, что во мне окрепла уверенность – собирается задать вопрос, который имеет для него реальную важность.

– Странно, что Фэншоу и Митчелл до сих пор не позаботились о своих отцах, – сказал он. – Они давно могли бы перенести останки на новое кладбище. Гилкрайст случайно не показал вам, где расположены их могилы?

– Показал, – ответил я, недоумевая, зачем Баку это знать.

Бак пытался затушить сигарету и, не глядя на меня, спросил:

– И где же они расположены?

– Да там же, – сказал я. – Рядом с могилой Ирен Кейси. Соседствуют одна с другой.

Рука Бака, тушившая сигарету, задрожала. Я внимательно наблюдал за ним, ожидая, о чем еще он спросит. Но, очевидно, выяснив все, что требовалось, он поднялся со стула и сказал:

– Боже! Как подумаю о Мэгги... О несчастной маленькой Мэгги...

Он снова пытался напустить тумана и скрыть за ним свои истинные интересы. Мы еще немного поговорили о Мэгги. Когда же мне стало ясно, что дальнейший разговор не сулит ничего полезного или нового, я решил закончить его.

– Что ж, Бак, уже достаточно поздно. Думаю, пора отправляться спать.

Бак подошел к двери, чтобы открыть ее для меня.

Его рука потянулась к ручке, но внезапно застыла в воздухе. Он резко повернулся, вслед за ним и я.

Откуда-то из глубины отеля, с этажа прямо под нами донесся пронзительный, испуганный женский вопль.

– Уэстлейк, ведь это...

Крик раздался снова, громкий и визгливый.

– Быстро, – сказал я. – Спускаемся вниз.

Запахнув на себе халат, Бак открыл дверь. Мы оба выскочили в полутемный коридор и побежали к лестнице.

Нижний этаж, где располагались спальни большинства нынешних постояльцев гостиницы, был освещен совсем тускло. Я старался не отстать от Бака. А тонкий, ужасающе резавший уши крик донесся опять.

– Мисс Хейвуд! – воскликнул Бак. – Это из номера мисс Хейвуд.

Мы еще быстрее рванулись вперед, и Бак первым ворвался в номер, откуда раздавались столь устрашающие звуки.

Когда в комнате оказались мы оба, перед нами предстала поистине поразительная сцена. Вся растрепанная и взлохмаченная мисс Хейвуд растянулась на краю своей кровати. Она успела переодеться в белую ночную рубашку, которая сползла с одного из плеч и упала на пояс, обнажив еще более белую кожу. Ее взгляд был устремлен вверх, а лицо смертельно побледнело.

А над ней, склонившись, стоял, готовый схватить ее руками за горло, Вирджил Фэншоу, в глазах которого пылало почти бешеное пламя.

Несколько секунд после того, как мы вбежали в комнату, они не двигались с места. Могло сложиться впечатление, что женщина и мужчина позировали для иллюстрации к какой-то старинной мелодраме. Почти помимо воли я впитывал каждую деталь: измятую серую пижаму Фэншоу, порванную ночную сорочку мисс Хейвуд, ее крепкие девственные груди и остекленевшие, исполненные отчаяния глаза обоих.

Бак сделал шаг вперед, схватил Фэншоу огромной лапищей за плечо и отшвырнул в противоположный угол спальни.

По-прежнему никто не произнес ни слова. Нереальность происходившего только усугублялась наступившей тишиной.

А затем все постепенно приходило в норму, как будто действие пьесы закончилось, а актеры, сыграв свои роли, снова стали обыкновенными людьми. Фэншоу выпрямился у дальней стены, оправил на себе пижаму и уставился прямо перед собой уже лишенным всякой экспрессии взглядом. Только его лицо оставалось мрачным и словно потемневшим. Мисс Хейвуд поспешила прикрыться разорванной ночной рубашкой, провела рукой по прическе и несказанно удивила нас, улыбнувшись своей обычной, сдержанной и умной улыбкой.

Еще несколькими мгновениями позже в номер вошел мистер Митчелл с перекошенной от тревоги физиономией.

– Что такое? – скорее прокричал, чем спросил, он. – В чем дело? Я слышал шум.

Я сообщил ему, что увидели мы с Баком. Ни Фэншоу, ни мисс Хейвуд так ничего и не говорили. Казалось, оба лишились дара речи.

Митчелл строго оглядел их и спросил:

– Не молчите же, мисс Хейвуд. Хотите, я вызову полицию?

Мисс Хейвуд и Фэншоу обменялись быстрыми взглядами. Потом мисс Хейвуд очень медленно встала с постели, приняла исполненную изящества позу и удивленно сказала:

– Полицию? О боже, нет, конечно. Что за абсурдная идея? Ничего не произошло. Абсолютно. Все это сплошная и очень глупая ошибка.

– Ошибка? – эхом повторил я, все еще не оправившись от изумления.

– Да. Я задремала. И не узнала мистера Фэншоу. Испугалась, начала кричать. Такая нелепость с моей стороны. Ведь он всего лишь зашел, чтобы одолжить мазь от простуды для своей жены. Она куда-то положила свою и теперь не может найти.

Но даже после ее слов в комнате по-прежнему царил удивленный молчание. А затем Бак, который был явно поражен не меньше, чем я сам, простодушно выдал:

– Но мы же запомнили, каким был Фэншоу. Вы знаете, что видели. Он собирался чуть ли не задушить вас!

– Задушить меня! – мисс Хейвуд рассмеялась. – Мой милый мальчик, у вас слишком буйная фантазия. Это по-детски мило, но полная ерунда.

– В самом деле? – резко спросил мистер Митчелл и перевел взгляд на Фэншоу. – А у вас есть, что добавить к этому?

Лицо художника оставалось мрачным, но свой взгляд он уже полностью контролировал.

– Мисс Хейвуд, по-моему, достаточно ясно все объяснила.

Мисс Хейвуд между тем с чувством собственного достоинства подошла к своему туалетному столику. Я обратил внимание, что она с особой тщательностью уложила темные волосы вокруг ушей.

Через какое-то время она повернулась к нам вполоборота и улыбнулась, обнажив ослепительно белые, но острые зубы.

– Что ж, джентльмены, мне очень жаль, что так обеспокоила вас всех. Однако уже поздно. И если вы позволите...

Безмолвной шеренгой четверо мужчин один за другим вышли в коридор. Фэншоу сразу же удалился к себе в комнату. Мистер Митчелл поспешил спуститься вниз.

Мы остались вдвоем с Баком. Молодой человек испытующе посмотрел на меня.

– Ну, сумеете разгадать такую загадку? – поинтересовался он.

Мне нечего было ему ответить.

XVI

Расставшись с Баком, я направился по коридору от номера мисс Хейвуд в сторону своей комнаты. Проходя мимо двери спальни дочери, я непроизвольно открыл ее. Полоса тусклого света из коридора позволила различить часть раскладушки Бобби и его серьезное даже во сне лицо. Стала видна и кровать, в которой лежала, свернувшись калачиком, неподвижная фигурка Дон.

При виде этих двоих малышей, явно не ведавших, что творилось вокруг них, я испытал чувство облегчения, такое же успокаивающее и теплое, как и при глотке пунша в холодный день.

Ключ торчал в замке изнутри. Я вынул его и запер дверь снаружи. Если где-то рядом разгуливал опасный маньяк, непозволительно было рисковать, учитывая, что дети сами могут выйти наружу, либо кто-то проникнет к ним в комнату. Ключ я сунул в карман. Усталость овладела мной настолько, что не хотелось ни о чем думать, кроме одного – завалиться спать. Так я и поступил.

Хотя, если разобраться, время еще было не позднее – не пробило и полуночи. Как мне показалось, я немедленно заснул. И в мои намерения отнюдь не входило скоро встать.

Но я внезапно проснулся от странного ощущения, словно кто-то невидимый коснулся моего плеча. Какое-то время я сидел в постели, а мое сердцебиение без всякой видимой причины участилось. А затем я отчетливо услышал звук, который, должно быть, и разбудил меня.

Легкие шаги по коридору мимо моего номера. Я посмотрел на фосфоресцирующий циферблат своих часов. Было ровно три.

Вообще говоря, в самом факте, что кто-то шел по коридору отеля в три часа ночи, не было ничего необычного. Но, вспомнив загадочные и необъяснимые события вечера, я вдруг ощутил сильное любопытство.

Свитер и джинсы валялись на стуле рядом с постелью, куда я их небрежно побросал перед сном. Я включил свет, быстро оделся, снова выключил лампу и выскользнул в коридор.

Все это заняло у меня не больше минуты.

Стоя в темноте за порогом своей комнаты, я услышал звуки со стороны лестницы, ведущей в вестибюль. По-видимому, страдавший бессонницей постоялец решил спуститься вниз.

Я ждал, затаив дыхание. Скрип донесся со ступени, а потом с расположенной еще ниже. Вскоре ноги слегка шаркнули, и это означало, что человек, бродивший в ночи, добрался до фойе. Тогда я тоже двинулся в сторону главной лестницы отеля. В ее пролетах звуки отлично резонировали, и было слышно все, что происходило внизу.

Шаги стали удаляться к парадной двери гостиницы. Раздался негромкий скрежет отодвигаемого засова и скрип открываемой, а затем закрываемой двери.

Кто-то украдкой вышел наружу в дюны.

До этого момента у меня не было никакого плана собственных действий. Но теперь, совершенно не считая это странным, я решил пуститься в преследование. Возникшие

обстоятельства никак не могли считаться нормальными и принуждали к необычным поступкам – к таким, как тайная слежка за таинственной фигурой, крадущейся в ночи.

Теперь мне не нужно было прятаться, и я торопливо спустился по лестнице, осторожно пересек совершенно темный вестибюль и нашел входную дверь. Стараясь шуметь как можно меньше, я открыл ее и оказался среди окутанного мраком пространства дюн.

Звезды сияли даже ярче, чем прежде, и после мрака внутри гостиницы казалось светло, почти как днем.

И я увидел ту особу, что первой вышла из отеля. Разглядел высокую и стройную фигуру, поспешно идущую через дюны в сторону церковного погоста.

Я узнал ее сразу. Такие, как она, легко распознавались по силуэту. Это была мисс Хейвуд. Мое любопытство стократно усилилось.

Мисс Хейвуд вечером в дюнах сделала Мэрион Фэншоу необычный подарок в виде букета из веток восковницы. Провела несколько послеобеденных часов, беседуя об искусстве с таким его тонким знатоком, как Бак Валентайн, причем в его спальне. Она, чуть не убитая Вирджилом Фэншоу, сделавшим затем вид, что всего лишь зашел одолжить мазь от простуды!

И именно мисс Хейвуд сейчас с неутомимой энергией, столь характерной для нее, буквально неслась по дюнам в сторону старого кладбища в три часа ночи.

Преследовать ее незаметно оказалось легко, потому что на ней был надет какой-то воздушный наряд в призрачно серо-белых тонах, а на мне была хорошо маскирующая темно-синяя одежда. И женщина, совершенно очевидно, не могла предположить, что ее уход из гостиницы не остался незамеченным.

Вскоре, по мере того как я шел за ней, впереди показались темные очертания старой церкви. Мисс Хейвуд еще более ускорила шаги. Было что-то наводившее страх в ее манере почти скользить по песку. Она действительно отчасти напоминала привидение. Достигнув границы погоста, задержалась на мгновение в нерешительности, но затем двинулась дальше.

Женщина направлялась напрямик к той ели, под которой находилась загадочная могила Ирен Кейси.

Найти укрытие для меня не составило труда. Среди дюн то и дело попадались углубления, и я успевал быст ро перемещаться из одной в другую. Так постепенно добрался до края погоста. На несколько секунд я потерял мисс Хейвуд из вида. Но потом она внезапно вновь возникла впереди меня.

Женщина стояла рядом с елью и была теперь не одна. Буквально ниоткуда вдруг возникла рослая мужская фигура и встала рядом с ней. Я нырнул под защиту накренившегося надгробия. Выглянув из-за него, заметил, что мужчина держит в руках нечто темное и длинное.

Присмотревшись внимательно, узнал Бака Валентайна, в руках он держал обыкновенную лопату. Мне вспомнился тот напряженный интерес, казавшийся лишненным смысла, с которым Бак ранее, тем вечером, расспрашивал о расположении могил.

«Захоронение старого мистера Фэншоу... Захоронение старого мистера Митчелла...»

Мне вовсе не казалось глупым лежать, спрятавшись за древним надгробием, и не было по-настоящему страшно. Мною владело лишь одно любопытство. И я мог видеть, как Бак взял лопату и принялся копать. Мисс Хейвуд взволнованно расхаживала рядом, демонстрируя все признаки предвкушения желаемого.

С разделявшего нас расстояния мне было трудно определить, где в точности велись раскопки. Но не приходилось сомневаться, что вскрывалась одна из могил. И хотя на первый взгляд это выглядело совершенно невероятным, тайный акт, совершаемый в ночи, со всей очевидностью указывал, что передо мной находилась сейчас та же парочка, которая две ночи назад осквернила захоронение Ирен Кейси, когда завершить дело помешало наше с Дон неожиданное появление. Я вспомнил о старой женщине из Мыса Талисман, жаловавшейся Барнсу, что по старому кладбищу разгуливает серое привидение.

Серое привидение! Мисс Хейвуд в ее сером, призрачном балахоне!

Не знаю, долго ли пролежал, ощущая, как влага с травы пропитывает мои колени, как все больше и больше затекают мышцы шеи. Я обдумывал, стоит ли заявить о своем присутствии и потребовать от них объяснений. Но как только собрался с духом, чтобы выйти из своего укрытия,

Бак вдруг перестал копать. Два силуэта замерли. До меня донеслось негромкое, резкое и взволнованное восклицание мисс Хейвуд.

А потом они оба внезапно исчезли, словно растворились в прохладном ночном воздухе.

Я поднялся с неудобного ложа за камнем и подбежал к месту, где они вели раскопки. У меня в памяти четко запечатлелся порядок расположения захоронений, описанный мне Гилкрайстом ранее этим вечером. И я в самом деле снова увидел разрытую могилу. С нее сняли слой земли до глубины примерно в два фута.

Но это была не могила неизвестной мне Ирен Кейси. Теперь осквернили место упокоения отца Вирджила Фэншоу.

Я стоял там, вглядываясь в черноту ямы, вырытой уже над другим гробом. До этого момента мне не приходило в голову задуматься, что заставило осквернителей могил так поспешно бросить свое занятие и стремительно исчезнуть. Но теперь, подняв взгляд, я заметил в отдалении другую фигуру – темный, чуть сутулый мужской силуэт, который шел прямо в мою сторону между рядами могильных холмиков. И это был не Бак Валентайн.

Я метнулся под тень ели, стараясь спрятаться как можно быстрее. Третий скиталец в ночи, похоже, не успел заметить меня, но не потому, что я так ловко и спешно укрылся. Он, казалось, был полностью сосредоточен на своих, никому неизвестных размышлениях.

Этот человек приближался. Плечи его поникли, ноги буквально волочились по земле, он шел странной походкой то ли слепца, то ли лунатика. Остановился у той могилы, которую только что потревожили, не далее чем в пяти футах от меня. Какое-то время просто стоял, полностью погруженный в не слишком веселые мысли, в созерцание открывшейся ему картины.

В его позе отчетливо читались отчаяние и одиночество, грусть, выдерживать которую он больше не мог. Очень медленно опустился на холмик могилы отца мистера Митчелла, расположенной рядом. И сидел, спрятав бледное лицо в ладонях.

Но за мгновение до этого, при свете звезд я узнал его – Вирджила Фэншоу.

Редко доводилось мне видеть людей, которые настолько не обращали внимания на то, что их окружает. Он продолжал сидеть, сгорбившись, уткнувшись лицом в ладони.

А я стоял совсем рядом. Так близко, что мог сделать всего лишь шаг, чтобы утешить его, обняв за плечи. И хотел действительно сделать это, если бы не услышал звук. Поначалу раздался едва слышный всхлип, который затем перешел в отчетливые и безутешные рыдания.

Вирджил Фэншоу сидел в одиночестве на церковном погосте в три часа ночи и плакал так, словно его снедала нестерпимая душевная мука.

И, конечно же, теперь я уже не мог дать ему знать, что вижу его в таком состоянии, совершенно беззащитным и уязвимым. Я бы не посмел в подобный момент приблизиться ни к кому.

Очень тихо мелкими шагами я попятился от ели, развернулся и покинул погост, оставив Вирджила Фэншоу в одиночестве переживать свои тайные горести.

XVII

Когда я проснулся на следующее утро, в окно снова ярко светили солнечные лучи. А потом до меня донеслись приглушенные стуки и смутные голоса, исполненные возмущения.

– Папа! Папа!

И я тут же вспомнил, как накануне вечером запер в соседней комнате Дон и Бобби. Причина столь яростных возгласов стала очевидна.

Вскочив с постели, схватил халат, нашел в кармане ключ от другого номера и все еще полусонный поторопился через залитый солнцем коридор на выручку к своей дочери. При звуке моих шагов раздраженные вопли сделались громче. Я повернул ключ в замке, открыл дверь и сразу же столкнулся с раскрасневшейся, разгоряченной Дон. Ее светлые волосы после сна были растрепаны, но куда более растерзанной выглядела полосатая пижама.

Поверх ее головы я бросил взгляд на раскладушку Бобби. Вполне невозмутимый, сохранивший аккуратную темную прическу, обрамлявшую его кукольное личико, Бобби очень прямо сидел в постели. Маленькие ручки, вполне как у взрослого, были скрещены на груди, а черные глаза наблюдали за мной с нескрываемым презрением.

– Папа, папа! – воскликнула Дон. – Нас кто-то запер. Мы стучали и стучали в дверь. То есть это я стучала.

Бобби воздел обвиняющий перст прямо в мою сторону.

– Это он нас запер, – объявил он своим всегда таким неожиданным басом. – Он запер дверь на ключ. Я точно знаю. Глупый человек.

Дон повернулась к Бобби, готовая встать на защиту отца, но потом вспомнила, насколько возмущена сама, и вновь обратилась ко мне:

– Это правда, папа? Но ведь просто ужасно с твоей стороны сажать нас под замок. Бобби проснулся, ему захотелось в туалет, но он не смог выйти и...

– Ему ничто не мешает пойти туда сейчас, – заметил я.

Бобби ухмыльнулся почти до непристойности цинично.

– Вот дурак! Теперь уже поздно.

Следовало отдать Бобби должное. Последнее слово всегда оставалось за ним.

Но я тем не менее не стал заострять проблему с туалетом, глядя на побагровевшее лицо Дон с вопрошающим выражением. Моя дочь отличалась сообразительностью, она поняла теперь, что я сам запер их на ночь. Ей стало совершенно очевидно: у меня имелись на то весьма веские причины.

Пока Бобби тихо исходил злостью на своей раскладушке, я обнял дочь за плечи и сказал:

– Послушай меня, милая. Прошлой ночью кое-что произошло. Еще один человек умер. Вот почему я вас запер в спальне. Мне нужно было обеспечить вашу безопасность. И по той же причине ты сейчас же соберешь свои вещи, чтобы уехать отсюда.

– Уехать? – повторила Дон с откровенным огорчением. – Как это? Но, папа, нам же еще рано уезжать. Ты обещал устроить пикник в дюнах, а еще хотел...

– Извини, но ничего не получится. Здесь теперь не самое подходящее место для детей. Я отправляю тебя отсюда немедленно.

– Меня? Ты хочешь сказать, что сам со мной не уедешь?

– Нет, дорогая моя. Я не смогу. По крайней мере еще дня два. Я дал слово инспектору, что задержусь здесь. Он нуждается в моей помощи при расследовании и в любом другом содействии.

Нижняя губа Дон угрожающе выпятилась. Все ее маленькое тельце напряглось и сжалось, как будто она ожидала, что к ней применят грубую силу, и стремилась врати ногами в пол.

– Я никуда не уеду без тебя, папа. Не поеду! Не поеду! Не поеду! Знаю, ты собираешься отправить меня к тете Мейбл, – губа оттопырилась еще заметнее. – К тете Мейбл! – повторила она с нескрываемым отвращением. – К тете Мейбл с ее противным старым псом Пьеро, который кусается. В ее старый и мрачный дом, – ее голос перешел почти в визг. – И сама тетя Мейбл... Она давно из ума выжила.

Я понимал, что она нарочно подобрала самое неприятное определение, какое только смогла найти, чтобы описать мою скучную, но вполне безобидную тетушку. Родительский долг повелевал мне отчитать ее за столь неуместные слова. Но ситуация сложилась так, что мне было не до педагогики.

Нижняя губа Дон, столь упрямо жесткая еще минуту назад, теперь заметно задрожала.

– Нет, папочка, я не могу уехать к тете Мейбл, оставив тебя одного. Что бы ты мне ни внушал, и кто бы там ни умер. Я не уеду, ведь до сих пор не нашла черного бриллианта! – Из ее глаз покатались слезы. – Черный бриллиант, – простонала она. – Я не могу все бросить. И не уеду, пока не найду его.

Она перешла на обыкновенное нытье, а потом в голос зарыдала. И Бобби, до этого момента хранивший бесстрастное молчание, внезапно стал обезьянничать и тоже захлюпал носом.

– Черный бриллиант. Черный бриллиант.

Слезы показались в его глазах. Прежде мне ни разу не приходилось иметь дело с двумя плачущими детьми одновременно.

А поскольку нет ничего хуже, чем плачущий ребенок перед завтраком, решил на время оставить эту тему и в раздражении вышел из комнаты.

Я почти вошел в собственный номер, когда еще одна дверь в коридоре открылась, и из нее показалась хрупкая фигура Мэрион Фэншоу. На ней был только легкий белый пеньюар.

– Доктор Уэстлейк. – Она подбежала, нервно заламывая свои тонкие руки. – Доктор Уэстлейк, мне необходимо поговорить с вами.

Я все еще не до конца проснулся и был слишком озабочен другими проблемами, чтобы испытывать желание именно сейчас беседовать с дамой. Однако Мэрион Фэншоу так редко обращалась ко мне и представлялась личностью столь значительной, что я не мог ей отказать во внимании.

– Слушаю вас, что случилось?

Ее похожее своим разрезом на лепестки цветка глаза, что роднило ее внешность с Бобби, смотрели на меня с мучительной серьезностью.

– Доктор Уэстлейк, мой муж ни о чем мне не рассказывает. Ни о чем. Мои нервы для него лишь предлог. Твердит, что плохие новости вредно подействуют на мою нервную систему. Но прошлой ночью снова что-то произошло, верно? Я знаю. У меня дурные предчувствия. Кого-то еще убили. Пожалуйста, скажите, не скрывая.

Я всегда придерживался мнения, что правда не может никому повредить. И уж меньше всего тому, кто ее говорит.

– Да, – ответил я. – Боюсь, произошло еще одно убийство. Это Мэгги Хиллман. Ее обнаружили мертвой прошлым вечером.

– Мэгги! – выкрикнула миссис Фэншоу сдавленным голосом. – Мэгги! Это какое-то проклятое, ужасное место. Вирджилю пришло в голову, что мы должны непременно приехать сюда. Да, идея целиком принадлежала ему. А теперь нам нужно срочно уехать. Необходимо...

Она стояла чуть в стороне от меня и вдруг прервалась, а ее взгляд с моего лица переместился куда-то дальше вдоль коридора мне за спину. И было немного жутковато заметить, как выражение ее глаз, только что встревоженных и взволнованных, отразило неприкрытую физическую неприязнь.

Я уже видел однажды подобное выражение в ее глазах, когда она смотрела на мужа. И повернулся, ожидая увидеть мрачную, трагичную фигуру Вирджила Фэншоу, идущего по коридору.

Как же я ошибся!

В коридоре показался Бобби. Он выскочил из комнаты Дон и в распахнувшейся пижаме топал босыми ногами прямо к нам. Мальчик обогнул меня и вцепился маленькими ручками в пеньюар матери.

– Доктор Уэстлейк плохой человек, мама, – пробасил он. – Он хочет увезти Дон отсюда до того, как мы найдем черный бриллиант. Ты должна помешать ему. Вели ему не увозить Дон.

Мэрион Фэншоу продолжала стоять на месте, не сводя какого-то зачарованно изумленного взгляда с сына.

– Мамочка, пусть Дон останется, пока мы не отыщем...

Внезапно Мэрион Фэншоу словно вновь ожила. Ее губы скривились в гримасе отвращения. Она резким движением вырвала край пеньюара из пальцев сына, а другой рукой оттолкнула его от себя как нечто для нее глубоко омерзительное.

– Не прикасайся ко мне, – сказала она. – Уходи. Не смей прикасаться ко мне!

Ее красивое лицо болезненно сморщилось и стало маловыразительным. Она громко всхлипнула. Явно уже ничего не видя перед собой, метнулась к себе в номер, захлопнула дверь, закрыла ее на ключ.

По всем законам детской психологии, у Бобби должна была развиться глубокая душевная травма от такого грубого обращения собственной матери с собой. Но если она и имела место, мальчик умел очень хорошо скрывать ее.

Его лицо, подобное фарфоровому лицу японской куклы, оставалось совершенно невозмутимым. Он лишь сунул большой палец в свой маленький краснотелый рот и принялся сосать его.

Затем, вынув палец изо рта, объявил:

– Мама глупая. – Его угольно-черные глаза сверкнули, встретившись с моим взглядом. – Мама тоже глупая.

Не приходилось сомневаться, что это «тоже» относилось ко мне.

Абсолютно спокойно он развернулся, прошлепал назад по коридору и исчез в комнате Дон.

Воистину семейство Фэншоу не переставало удивлять стороннего наблюдателя.

Вернувшись к себе в номер, я оделся и спустился вниз в расчете на завтрак. Зная, что дети тоже могут спуститься в любую минуту и желая немного отдохнуть от них, я намеренно не стал заходить на террасу, где они любили проводить время перед трапезами, а двинулся дальше по коридору первого этажа мимо кабинета Митчелла к выходу на задний двор.

И я как раз проходил мимо двери кабинета, когда изнутри донеслись два мужских голоса, по-видимому, происходил ожесточенный спор. Я чуть задержался и узнал сначала нервное покашливание самого мистера Митчелла, а потом монотонное гудение из односложных слов, которые мог произносить только Бак.

Я не любитель подслушивать, но моя вовлеченность в расследование убийств на сей раз служила веским оправданием этому. Я подошел ближе к закрытой двери. Голоса продолжали звучать слишком невнятно, чтобы разобрать содержание разговора. По крайней мере так было, когда свою реплику произносил Митчелл.

Но затем Бак внезапно оборвал фразу хозяина грубоватым, сердитым и достаточно громким тоном:

– Но мы не можем оставить ее там! Разве ты сам не понимаешь? Ее тело нужно куда-то переместить.

Ее тело? Чье же? Неужто Ирен Кейси?

Прошлой ночью при непосредственном участии мисс Хейвуд Бак копался в могиле старого мистера Фэншоу. А теперь скандалил с Митчеллом по поводу необходимости перенести труп женщины.

Во что я ухитрился влипнуть? В сообщество вурдалаков и упырей? Я немного подождал, ожидая услышать что-то еще, столь же умопомрачительное, но внезапно кто-то за спиной меня окликнул. Я повернулся в сторону вестибюля и увидел инспектора Суини в компании доктора Гилкрайста. Оба только что вошли в отель через парадную дверь.

Они не могли выбрать для своего появления более неудачного времени. Но Суини позвал меня снова, и мне пришлось оставить, быть может, самую интересную беседу, когда-либо происходившую в стенах «Талисман-инн».

Когда я присоединился к ним, и Суини и Гилкрайст выглядели усталыми и раздраженными. Маленькие усики инспектора щетинились особенно жестко. Я понял, что этим утром многие его подчиненные предпочли бы не попадаться ему на глаза.

– Привет, Уэстлейк, – сказал он. – Вы поступили очень мудро, отказавшись вчера поехать с нами в морг. Мы провели там много часов, дожидаясь результатов официального вскрытия этой Хиллман. И оно ничего нам не дало. Ни малейшей зацепки.

– Выяснили только одно, – вставил слово Гилкрайст. – Помада, которой обвели родинку, той же марки, что использовали в случае с Нелли Вуд.

– А мы ничего другого и не ожидали, – ухмыльнулся инспектор. – Да, доложу я вам, Уэстлейк, это что-то невообразимое, когда приходится иметь дело с маньяком. Мои люди прочесали всю округу в поисках чужаков, но никто незнакомцев не замечал. Наводили справки и в самом Талисмানে, стараясь быть осторожными, но теперь это бесполезно. Правда уже известна каждому. Где-то рядом на свободе разгуливает опасный сумасшедший. Городок в панике. Многие пытаются на время уехать. Девушки боятся отойти на три шага от дома даже днем, если с ними нет сопровождающих. И все винят меня! – Он хмыкнул. – А как дела у сыщика-любителя? Есть для нас информация?

Я вообще-то собирался рассказать инспектору обо всем, с чем мне пришлось столкнуться. Но сейчас, когда он стоял передо мной и ждал, я подумал о поразительном разговоре, происходившем в кабинете управляющего.

Суини был очень хорошим человеком и эффективным работником. Но полицейский всегда остается им же. Даже лучшие из них, особенно в провинции, страдают излишней прямолинейностью. Ни мисс Хейвуд, ни Бак Валентайн не знали, что я выследил их прошлой

ночью. Ни Бак, ни Митчелл не подозревали, что я подслушал важную фразу из их разговора. Ни мистер, ни миссис Фэншоу не ведали, что я видел на ночном кладбище.

Если бы я поделился с инспектором своей информацией, он бы непременно допросил всех этих людей с фактами на руках, пытаясь заставить говорить правду.

Но я слишком хорошо успел их узнать, чтобы не осознавать – такая тактика обречена на провал. Существовал только один способ добиться истины от скользких личностей, подобных мисс Хейвуд и иже с нею – дать им почувствовать себя в полной безопасности, позволить действовать дальше.

Такое решение представлялось мне правильным, учитывая перспективу дальнейшего расследования. Мне нужно было немного больше времени, прежде чем выложить все Суини.

И потому я совершенно безыскусно ответил:

– Нет, инспектор. Не думаю, что располагаю чем-то для вас полезным.

Суини не выглядел при этом ни удивленным, ни разочарованным.

– Жаль, конечно, Уэстлейк. Но продолжайте работать. Не вздумайте уезжать или прятаться. Никогда не знаешь, что может произойти. Вам может попасться что-то очень важное для следствия.

Но уже по его тону я со всей очевидностью понял: хотя он настаивал на необходимости моего сотрудничества, больших надежд с дилетантом в роли детектива профессиональный сыщик не связывал.

Он пожал плечами:

– Что ж, я прибыл сюда, чтобы разобраться с этим юнцом Валентайном. Да, преступления выглядят как дело рук сумасшедшего. Но я рассуждаю просто. Свихнуться может любой. И даже вы, доктора, не сразу установите это. Вот почему не стоит делать ставку на какого-то определенного подозреваемого, совершенно очевидного маньяка. Сейчас я собираюсь детально выяснить у Валентайна, где он был и чем занимался.

Когда он направился к лестнице вместе с Гилкрайстом, я невольно отметил про себя, что Валентайн побывал в столь необычных местах и занимался такими делами, какие инспектору и не снились. И едва ли реальные действия Бака можно будет установить в ходе краткого полицейского допроса.

Ко мне присоединились двое угрюмых детей с заплаканными лицами, и мы пошли завтракать. Мистер Ашер уже сидел за своим столиком, излучая нормальную для себя ауру набожности и безрадостности, отчего мог померкнуть любой самый солнечный день. Рядом расположилась мисс Хейвуд, безмятежно потягивая апельсиновый сок. Мне оставалось только поражаться. Она могла провести на ногах всю ночь, играя роль персонажа из фильма ужасов, но к завтраку явиться вовремя.

Этим утром ей хватило дерзости с добрейшей улыбкой кивнуть мне в знак приветствия и потрепать по головке проходившего мимо Бобби, пробормотав:

– Какой милый мальчик!

Словом, мисс Хейвуд быстро приобретала в моих глазах статус идеальной злодейки.

Я, как мог, торопил детей с завершением завтрака. Мне хотелось поскорее оказаться под солнцем на пляже, где у меня, вероятно, появится возможность хорошенько все обдумать. Поэтому уже достаточно скоро они облачились в свои потешные купальные костюмы, и мы втроем вышли на песок.

Удовольствия от жаркого сентябрьского утра у моря почти мгновенно заставили детей забыть о тревогах, связанных с возможным отъездом Дон. Их игра в черный бриллиант приняла новые формы. Теперь Дон подбирала с песка раковину или камушек и заявляла, что нашла черный бриллиант. А Бобби начинал бегать за ней на не слишком твердых ножках, издавая звуки, отдаленно напоминавшие автоматные очереди. Дон отвечала стрельбой из пальца.

Игра приняла весьма кровавый характер.

Они, воображая схватку, увлеченно носились друг за другом. Через некоторое время я заметил высокую, но, как всегда, немного бесформенную фигуру мисс Хейвуд, которая словно скользила по пляжу в нашу сторону. В руке она несла большой полотняный портплед в полоску и, миновав нас, нашла для себя местечко ярдах в пятидесяти дальше. Из портпледа она извлекла нечто, похожее на альбом для рисования и коробку акварельных красок.

Положив альбом на колени, она, как казалось со стороны, начала воспроизводить на бумаге прелести утреннего вида на океан.

Я не мог упустить такой прекрасной возможности. Дети находились в безопасности, полностью поглощенные бурной перестрелкой, изображая смерть и вновь оживая. Я поднялся с песка и пошел вдоль пляжа в сторону мисс Хейвуд.

Она уже наметила линию горизонта и упорно работала над передним планом, где морские волны накатывались на берег. Причем все в ее рисунке выдавало совершенно неопытную руку.

Мисс Хейвуд повернулась и посмотрела на меня с непроницаемой улыбкой.

– Еще раз доброе утро, доктор. Вот, делаю беглые наброски. Я уже давно обнаружила – ничто так не успокаивает нервную систему, как рисование.

Я не мог не отметить про себя, насколько мало нервная система мисс Хейвуд нуждалась в успокоении из всех известных мне людей.

– Не мог бы я недолго посидеть и посмотреть на вашу работу? – спросил я. – Дети сегодня ведут себя очень шумно. Мне бы хотелось отдохнуть от их буйства.

– Конечно, присоединяйтесь. Буду только рада.

Мисс Хейвуд зажала кисточку в зубах и приглашающим жестом похлопала ладонью по песку рядом с собой. Я присел на корточки, краем глаза наблюдая за ней. Она была, как уже отмечалось, вполне привлекательной женщиной. Волосы насыщенного черного цвета, стянутые в узел, закрывали уши. Глубоко посаженные глаза ярко блестели, как и алые губы. Но я опять обратил внимание на странную скованность лица, подобного маске сфинкса. Кожа туго обтягивала скулы, и создавалось ощущение, стоит женщине пошире открыть рот, и кожный покров лопнет. Меня интриговал ее возраст, но определить его, как я уже понял, было совершенно невозможно.

Мне стало ясно с самого начала, что общаться с ней нужно с чрезвычайной осторожностью и деликатностью. И я сказал:

– Надеюсь, столкновение с Фэншоу вчера вечером не доставило слишком больших неприятностей? Мне показалось очень тактичным с вашей стороны сделать перед Митчеллом вид, будто ничего не случилось.

Она продолжала наносить синие мазки на свой рисунок там, где должно было плескаться море.

– Разумеется, доктор Уэстлейк. Мне совершенно не хотелось устраивать по этому поводу скандал. Бедняга! Боюсь, он был слегка пьян. Конечно, никакой женщине не может понравиться мужчина, который врывается к ней в спальню, чтобы... Чтобы заняться с ней любовью. Но ведь некоторые мужчины в этом смысле неисправимы, верно? – Она издала короткий звонкий смех. – Хотя в моем возрасте мне, наверное, должно льстить такое внимание.

Я несколько опешил. Стало быть, у нее теперь хватало наглости утверждать, что Фэншоу вовсе не собирался покушаться на ее жизнь, а всего лишь проник к ней в комнату, чтобы попытаться склонить к романтическим отношениям.

Она мягко положила ладонь мне на колено.

– Но прошу вас, доктор, давайте не будем больше возвращаться к этому нелепому маленькому инциденту. Мне все-таки было неприятно. И я бы предпочла как можно скорее все забыть.

Так она ненавязчиво закрыла одну из интересовавших меня тем. Но оставалась ее необъяснимая пока связь с Баком.

– Признаться, я несколько удивлен тем, что вы рисуете этим утром океан, мисс Хейвуд. После того, как узнал о ваших беседах об искусстве с Баком, он должен был бы сейчас послужить для вас моделью.

– О да, – кивнула она, а ее кисть положила откровенно неуместное пятно краски на белый гребень волны. – Я хотела сделать попытку изобразить мужскую фигуру. Но после второго ужасного убийства, совершенного прошлой ночью, понимала, что утром полиция наверняка захочет побеседовать с Баком. Не самый лучший день для него.

Она словно заготовила заранее ответы на любые вопросы.

Я какое-то время молча наблюдал ее работу над рисунком. Он выглядел настолько беспомощным и неумелым, что во мне окрепла уверенность: она едва ли когда-либо прежде брала в руки кисть и краски.

– Вы весьма многосторонняя художница, мисс Хейвуд. Пейзаж, фигура мужчины, натюрморт...
– Натюрморт? О нет, доктор, я едва ли когда-либо пробовала себя в жанре натюрморта. Милые цветы! Они так прекрасны сами по себе. Так зачем же пытаться заключить их живую красоту в тесные рамки живописного полотна?

Я никак не мог позволить себе оставить незамеченным это довольно-таки противоречивое эстетическое заявление.

– Но разве вы забыли о восковнице? Вы сказали мне, что собираетесь писать букет восковницы. Вам очень понравилась такая идея, насколько я помню, – и после паузы добавил: – Кстати, миссис Фэншоу тоже без ума от этого растения.

К этому даже она оказалась не готова. Все ее тело заметно напряглось. Она бросила на меня быстрый, но пристальный взгляд. А потом с легким пожатием плеч сказала:

– Маленькая добрая миссис Фэншоу. Значит, ей тоже нравится восковница? Впрочем, ничего удивительного. Столь многие...

Она резко оборвала фразу. Потом, хотя ее пейзаж был еще далек до завершения, сунула альбом и краски в портплед, поднялась, окутанная облаком своего наряда, невнятно попрощалась и быстрым шагом направилась вдоль пляжа в сторону «Головы монаха».

Все произошло столь стремительно, что поначалу я лишь уставился на нее, не двигаясь с места. Затем я перевел взгляд дальше, куда смотрела сама мисс Хейвуд, ожидая увидеть надвигающуюся на нас фигуру какого-то мифического монстра.

Но не узрел ничего чудовищного.

Ко мне поспешно приближались по пляжу трое. Два маленьких человечка – Дон и Бобби, при этом еще и весело подпрыгивали. А третья фигура, появление которой, по всей видимости, и оказало на мисс Хейвуд столь необычный эффект, тоже не выглядела устрашающе, поскольку принадлежала всего лишь доктору Гилкрайсту.

Вся троица подошла ко мне. Гилкрайст промокнул носовым платком пот со лба.

– Суини послал меня к вам, Уэстлейк, сообщить, что ему ничего не удалось добиться от Бака. – Он с любопытством посмотрел на удалявшуюся от нас все быстрее мисс Хейвуд. – Что, у вас новая подружка?

– Это мисс Хейвуд. Постоялица гостиницы.

– Куда же она так заторопилась?

– Я как раз тоже об этом задумался, – ответил я. – Мне показалось, что она очень не хотела встречаться с вами.

– Но почему? – В глазах Гилкрайста застыло вопросительное выражение. – Я ведь ее никогда прежде не видел, верно?

– Вы, быть может, и не видели, но мне почему-то кажется, что она где-то видела вас.

Теперь во мне окрепло убеждение: моя «новая подружка» уже встречалась с Гилкрайстом, но по странной причине сделала все, чтобы избежать возобновления знакомства.

XVIII

Когда я с детьми вернулся в отель к обеду, удрученный до крайности мистер Митчелл доложил, что инспектор до сих пор находится здесь, в обществе Вирджила Фэншоу.

Я воспринял его информацию без всякого интереса. На пляже успел принять лишь одно окончательное решение. Дон должна покинуть Мыс Талисман до наступления темноты, которая принесет еще одну потенциальную опасность. Одолжив у Митчелла расписание движения поездов, поторопил детей подняться наверх в номер Дон.

Теперь я стал непреклонен. Какие бы отрицательные эмоции ни вызывала тетя Мейбл у моей дочери, Дон отправлялась под защиту ее не слишком мягкого крыла. У тети Мейбл имелись крупные недостатки в характере, но зато жила она в Новой Англии, то есть совсем недалеко отсюда. Я выбрал поезд, отправлявшийся через несколько часов, и огласил мой план, ясно дав понять Дон, что это необратимое решение, и велел ей собирать вещи.

Я выслушал еще порцию нытья, посмотрелся на выпяченную нижнюю губу, но реальных возражений от дочери так и не дождался. Она только лишь сказала:

– Если я не могу остаться из-за опасностей и всего такого, тогда и Бобби нельзя оставлять здесь. Бобби должен поехать со мной. – Она бросила на меня лукавый взгляд. – Тетя Мейбл не будет такой сварливой, если я привезу Бобби.

Несмотря на все неприятности, которые подобный проект сулил тете Мейбл, я был склонен принять его при условии согласия всех заинтересованных сторон. Сами Фэншоу, насколько я знал, не могли пока никуда уехать, не нарушив распоряжения инспектора Суини. Однако после сцены с участием Мэрион, произошедшей этим утром в коридоре у меня на глазах, я не предполагал, что она откажется на время расстаться с Бобби.

Дон смотрела на меня, напряженно ожидая ответа.

– Так Бобби сможет поехать со мной, папа?

– Хорошо, – сказал я. – Начинай собираться, а я пойду и обсужу эту идею с миссис Фэншоу.

Дон послушно вытащила свой чемодан из-под кровати. Бобби вытянулся во весь рост, выдвинул ящик шкафа и достал оттуда кипу маленьких, но интимных предметов женского нижнего белья. Он почти донес их до чемодана, но на полпути им вдруг овладела скука, он все побросал на пол и сам уселся сверху.

Стало ясно, что помощи в доме от него ждать не придется.

Проходя по коридору, я вспомнил, что Вирджил пока оставался внизу с инспектором. Это означало еще одну возможность поговорить с Мэрион Фэншоу наедине.

На мой первый стук в дверь никто не отозвался. Как и на второй. Я сообразил, что Мэрион могла быть у себя в спальне с закрытой дверью, ведущей в мастерскую. В таком случае она не услышала моего стука. Я прошел к следующей двери – прямому входу в ее номер – и постучал снова.

Голос миссис Фэншоу донесся теперь сразу же, бодрый и жизнерадостный.

– Да, я вас слышу! Кто там?

– Доктор Уэстлейк. Не мог бы я войти ненадолго, чтобы переговорить с вами?

– Конечно. Входите.

Я открыл дверь и оказался в пустоватой, немного запущенной комнате, обставленной в полном соответствии с представлениями мистера Митчелла о сочетании простоты и элегантности. Мэрион Фэншоу в белом пеньюаре сидела на низком стульчике перед зеркалом туалетного столика. Она встала и пошла мне навстречу. Меня поразило редкое выражение оживления на ее прелестном лице. Щеки ее покраснелись, похожие на лепестки цветов глаза лучились, и, протягивая мне руку, она вглядывалась в мое лицо зрачками, сузившимся до размера булавочных головок, но выглядела счастливой почти до экстаза.

– Как же хорошо, когда кто-то навещает тебя, правда, доктор? Я как раз сидела перед зеркалом и думала, до чего же я хороша собой. – Она рассмеялась необычным птичьим смехом. – Подходящее занятие для женщины, которая считает себя интеллигентной, ничего не скажешь! – Она похлопала по покрывалу одной из двух стоявших в комнате кроватей. – Давайте присядем и поболтаем.

Я был чуть ошарашен. Передо мной предстала совсем не та Мэрион, видеть которую я уже привык – совершенно непохожая на себя. Эта жизнерадостность и чарующие манеры плохо вязались с гнетущей атмосферой в «Талисман-инн» после двух убийств.

Присаживаясь на отведенное мне место, я обратил внимание на прикроватную тумбочку. На ней рядом с фотографией в серебряной рамке, изображавшей идеализированного и отретушированного, но явно Бобби, стояла ваза. А в вазе – со вкусом аранжированный букет из веток восковницы.

Пятидесятидолларовый букет от мисс Хейвуд?

Между тем миссис Фэншоу трещала без умолку, не давая мне шанса объяснить цель своего визита. В какой-то момент она вспорхнула с постели, нашла сигарету и прикурила ее рукой, дрожавшей от недавнего ее внутреннего напряжения.

– Но что же это я, доктор? Все говорю и говорю, а вам приходится только слушать меня и молчать! Расскажите мне о себе? Чем вы сегодня занимались?

– Мне кажется, что в данный момент этот отель не самое подходящее место для детей, – поспешил сказать я. – Мной принято решение отправить Дон к нашей престарелой тетушке. Там дочка будет в безопасности. И еще я подумал о вашем слабом здоровье. Не будет ли и для вас лучше, если Бобби уедет вместе с Дон? Тогда вам не придется беспокоиться о нем.

– Бобби? – Она снова окинула меня пристальным, но полным жизнелюбией взглядом. – Ах да, Бобби. Я почти забыла о нем. Отправить его отсюда с вашей дочерью? – Она взмахнула сигаретой в воздухе. – Почему бы и нет? Мне кажется, это здравая мысль. Очень мило с вашей стороны. Вы необыкновенно добры. Надо отослать его немедленно.

Я следил за скованной, дрожавшей рукой, видел сияющие глаза с почти невидимыми зрачками, замечал легкое подергивание головы, и внезапно до меня стала доходить причина столь странного возбуждения, овладевшего миссис Фэншоу.

– Она очень красивая, эта восковница, – пробормотал я. – Ведь это тот букет, что вы нарвали в дюнах, когда я вас встретил вчера вечером, не так ли?

– Да, да, это он. – Мэрион Фэншоу снова поднялась на ноги, но теперь уже нервным и порывистым движением.

Я тоже встал и подошел к вазе. Она сразу же пристроилась рядом.

– Не хотите ли чего-нибудь выпить, доктор Уэстлейк? У Вирджила в мастерской, как мне кажется, есть...

Я приблизился вплотную к вазе и изучил пристально, насколько позволяли обстоятельства, жесткие серые ветки с серо-оранжевыми ягодами, торчавшие из пустой вазы.

– Как я заметил, в вазе нет воды, – сказал я. – Давайте, принесу немного из ванной.

– Нет, нет! – Мэрион Фэншоу почти выкрикнула эти слова и конвульсивно вцепилась в мой рукав. – Ей не нужна вода.

Формально она была права, но приходилось проявить некоторую светскую неучтивость для того, чтобы использовать единственную возможность прояснить проблему с восковницей.

– Уверяю вас. Вы ошибаетесь, миссис Фэншоу. Если не налить в вазу воды, ягоды увянут и отпадут.

Я зашел в ванную. Пустой кувшин стоял поверх шкафчика для туалетных принадлежностей. Я наполнил его и вернулся в комнату.

Меня ожидала поразительная картина. Мэрион Фэншоу вынула букет из вазы и прижимала его к груди. Сквозь серые ветки она смотрела на меня горящими, полными отчаяния глазами.

– Я не хочу, чтобы букет стоял в воде, – сказала она. – Не хочу, доктор Уэстлейк. В эту вазу не нужно наливать воду.

Я поставил графин на прикроватную тумбочку.

– Хорошо, миссис Фэншоу. Извините, если устроил переполох на пустом месте. Так Бобби может уехать?

– Да, конечно. Разумеется, может.

– Прекрасно. – Я прошел мимо нее к двери. – Я прослежу, чтобы его подготовили к отъезду. Спасибо, миссис Фэншоу.

Выйдя в коридор, я повернулся, чтобы закрыть за собой дверь. Она же осталась стоять совершенно неподвижно, страстно прижимая ветки к своему пеньюару.

Я захлопнул дверь. Теперь стало ясно, в чем заключалась болезнь Мэрион Фэншоу. Ее секрет оказался до жалости прост.

Но кое-что для меня прояснилось и по поводу мисс Хейвуд.

Мне осталось только поговорить с Вирджилом Фэншоу.

И стоило о нем подумать, как из вестибюля поднялся сам художник с потемневшим и унылым лицом. Его затравленные глаза встретились с моими, и он грустно улыбнулся.

– Должен сказать, Уэстлейк, ваш инспектор устроил мне веселую жизнь. Его явно раздражает мое нежелание признаваться, что я неверный супруг, маньяк и двойной убийца.

– У меня есть виски в номере. Не желаете немного выпить после допроса в инквизиции? Рекомендую как врач.

Его улыбка, оставаясь печальной, сделалась заметно шире.

– Вот таких докторов я люблю.

И он прошел за мной по коридору в мою комнату. Я достал бутылку, стаканы и воду. Смесь получилась теплой и не слишком приятной на вкус, но она сделала свое дело. Между нами установились неформально дружеские отношения, чего я и добивался, потому что собирался задать вопросы, с которыми обычно не обращаются к совершенно чужим людям.

Начал я с Бобби, повторив предложение отправить его с Дон к моей тетушке, пока все проблемы не уладятся и Фэншоу тоже разрешат покинуть отель.

– Это не особенно дальняя поездка, – объяснил я. – К тому же, Дон опытная путешественница. Она сумеет позаботиться о Бобби в поезде, а кто-то из дома тети встретит их на станции.

Он с благодарностью одобрил идею. Более того, оказался настолько доволен перспективой избавления от родительских обязанностей, что мне стало легче набраться смелости для продолжения разговора.

– Послушайте, Фэншоу. Я – врач. Но вы знаете также о моем полуофициальном участии в расследовании убийств. И в качестве доктора надеюсь вызвать вас на откровенность. А как у участника расследования (и вы не можете не понимать этого) моя задача заключается в том, чтобы проявлять с виду излишнее любопытство в отношении каждого.

Фэншоу только лишь пожал плечами:

– Вам все равно будет трудно состязаться в любопытстве с инспектором Суини. Что конкретно вы имеете в виду?

– К примеру, то, что в этом отеле происходит много загадочного, – ответил я. – И одни таинственные события могут иметь прямую связь с убийствами. А другие определенно не относятся к ним. Было бы очень полезно, если бы вы помогли мне найти ответы хотя бы на пару таких загадок и убедиться раз и навсегда, что они никак не приведут меня к маньяку-убийце, которого разыскивает Суини.

Он посмотрел на меня сначала с недоумением, потом с подозрительностью.

– Не думаю, что смогу...

– Я говорю о вашей жене, – перебил я его, но совершенно спокойным тоном. – Вы сказали, что она больна. Но только несколько минут назад впервые получил возможность пронаблюдать за ней. Я только что был у нее. Да, она больна. Но ведь это не какая-то обычная проблема со здоровьем, верно?

Он замялся.

– Послушайте, Уэстлейк...

– Я только что видел у нее все симптомы воздействия кокаина – сужившиеся зрачки, беспричинное веселье, дрожащие руки и прочее. Вот в чем заключается правда, не так ли? Ваша жена страдает пристрастием к кокаину, а мисс Хейвуд снабжает ее отравой.

Его лицо покрылось смертельной бледностью.

Я продолжал:

– Вы раскрыли истину или заподозрили ее. Вот почему были готовы убить мисс Хейвуд, когда вчера я вломился к ней в номер. И по той же причине, хотя вы ее жутко перепугали, она не посмела просить Митчелла вызвать полицию, опасаясь, что все станет известно властям. А вы, не в силах больше выносить этого, отправились в три часа ночи на старый церковный погост, где смогли предаться печали без помех.

Фэншоу резко поднялся. Он смотрел на меня с ужасом в глазах.

– Но откуда... Как вы узнали обо всем?

– Вот здесь нет никакой мистерики. Только что я своими глазами видел состояние вашей жены. А прошлой ночью случилось так, что я тоже оказался на кладбище и видел вас там. Тогда я не понимал, в чем суть проблемы. Теперь понимаю. Вы живете в подлинном аду. Только, пожалуйста, не злитесь, что я затронул эту тему. Мы с вами обсудим ее исключительно вдвоем. Никому больше знать не обязательно.

Но он думал не об этом.

– Как вы узнали о мисс Хейвуд, Уэстлейк? Откуда вам стало известно, что она снабжает Мэрион наркотиком? Я подозревал ее. Был почти уверен, но не располагал никакими доказательствами. Вот почему я пошел к ней в номер прошлым вечером. В стремлении заставить ее сказать правду.

Полные страдания темные глаза Фэншоу вглядывались в мое лицо.

– Я знаю, что мисс Хейвуд снабжает вашу жену, поскольку установил, как она это делает. Вчера вечером, когда Мэрион убедил вас отправиться на прогулку, у нее состоялось свидание с мисс Хейвуд в дюнах. Я наблюдал за их встречами. Мисс Хейвуд вручила ей букет восковницы, получив взамен купюру в пятьдесят долларов. Этот букет сейчас стоит у постели вашей жены. И я сыграл небольшой спектакль, притворившись наивным дурачком. Заявил, что восковницу надо непременно держать в воде. Даже принес воды, чтобы налить в вазу. Но ваша жена поторопилась вынуть из вазы букет и не позволила мне прикоснуться к нему. Тогда я все понял. Ей было наплевать, есть ли вода для растения. Ее перепугало, что спрятанный внутри него запас кокаина будет водой испорчен.

– Восковница! Так вот где она прячет его! – Лицо Фэншоу исказилось от возбуждения. – Ведь это... Это продолжается уже многие месяцы. И я стал подлинным экспертом в поиске ее тайников для этой гадости. Но искать в букетах восковницы как-то и в голову не приходило.

А мне-то представлялось, что мисс Хейвуд прибегает к слишком изощренному способу для доставки наркотика, едва ли оправданному. Теперь причина столь повышенной осторожности стала очевидна. Должно быть, сама Мэрион требовала особо тщательно прятать отраву, поскольку муж был достаточно умен, чтобы отыскивать ее в любых потайных местах.

Фэншоу повернулся к двери, но я мягко положил ладонь поверх его руки.

– Сейчас уже торопиться незачем, – сказал я. – Вы не хотите мне все рассказать? Поделиться вашей историей? Ведь Мэрион пережила какой-то очень сильный шок, верно? Случилось нечто, из-за чего у нее возникла неврастеническая ненависть к вам. И к Бобби тоже.

Фэншоу не сделал даже попытки стряхнуть мою ладонь с руки. После секундного колебания он снова опустился в кресло. Его глаза, в которых читалось столь глубокое страдание, вглядывались в мое лицо с напряженным вниманием, словно он пытался решить, может или нет довериться мне. И я видел, что ему хочется выговориться. Он слишком долго держал в себе эту трагическую историю, и мог бы испытать почти физическое облегчение, выразив ее наконец в словах.

– Хорошо, Уэстлейк, – он снова поднялся и принялся расхаживать по комнате. – Вы сохраните мою тайну. Знаю, что сохраните.

Я кивнул.

Он подошел ко мне, пристроившись на краю кровати.

– Это произошло два года назад. До того времени у нас все складывалось на редкость удачно. А затем... Был день Рождества. Бобби еще оставался совсем несмышленьшим, но у нас был другой сын – Мартин. Быть может, вы даже видели его фотографию. Мэрион всегда держит ее рядом со своей постелью.

Я действительно вспомнил большой снимок в серебряной рамке, который видел в ее спальне. Фото маленького мальчика, принятого мной за Бобби.

Фэншоу запустил пальцы в свою темную шевелюру.

– Шел снег, – хрипло заговорил он. – В то Рождество выпало много снега. Очень красиво. У нас был дом в штате Коннектикут. К нам собрались гости на коктейль перед рождественским ужином. Когда они уехали после ужина, я все еще был переполнен энергией, слегка пьян после нескольких martinis. И даже не столько пьян, сколько весел и возбужден. Мне показалось чудесной идеей сесть в машину и немного покататься по округе. Полюбоваться на рождественские убранства соседних домов, на заснеженные деревья и все такое. Мэрион почувствовала недомогание. Она прилегла наверху. Бобби был с ней. Но Мартин, а ему уже исполнилось шесть, оставался со мной. И я спросил: «А не прокатиться ли нам с тобой, Марти?» Он ответил: «Конечно, с удовольствием». И тогда вывел из гаража нашу машину-универсал.

Он сделал паузу, но выражение его глаз предсказывало страшное продолжение.

– И мы поехали. Я, как уже упоминал, был немного навеселе. Марти сидел рядом на пассажирском месте и не сводил взгляда с нарядно украшенных елок, снега и всей прочей окружавшей нас красоты. К тому времени ударил мороз, дороги покрылись наледью, но я не подозревал об этом и ехал достаточно быстро, потому что... Потому что был счастлив, предельно доволен жизнью. Путь проходил по склону холма, и машину внезапно занесло. Я полностью потерял управление и ничего уже не мог поделать. Нас выволокло на обочину, автомобиль перевернулся. Я слышал, как с треском полопались стекла в окнах. Все вокруг шло кругом. И до

меня донесся тонкий крик Марти. А потом я потерял сознание. Очнулся уже в больнице. Они сообщили мне обо всем. Так я узнал, что мальчик погиб.

Его лицо, как зеркало, отражало весь ужас того рождественского вечера.

– Видит бог, это стало для меня страшным ударом. Но и тогда я сразу же подумал о Мэрион. Потому что Мартин был для нее самым главным в жизни, единственной настоящей любовью и страстью. Ее первенец. Ее славный сынок. Она готова была целовать землю, по которой он ходил, и скорее согласилась бы увидеть мертвыми нас с Бобби, чем позволить хотя бы волоску упасть с головы Марти. А теперь получалось, что я его убил. Мэрион даже не пришла навестить меня в больницу. Мне сказали, что известие совершенно надломило ее. Она лежала дома в постели под наблюдением квалифицированной медсестры. И я не видел ее, пока сам не вернулся домой несколько недель спустя. Но перемена в ней уже произошла. Жена не разрешала мне входить к себе в комнату, считая виноватым во всем. Я стал для нее подлинным убийцей Марти, потому что сел за руль после того, как немного выпил. И к Бобби она тоже начала относиться иначе. Ведь Бобби остался жив, а ее несравненный Марти погиб. Этого Мэрион простить Бобби не смогла. Я прошел через адские муки. Для жены я превратился в убийцу, да и моя собственная совесть грызла меня как бешеный пес. Через какое-то время Мэрион достаточно пришла в себя, чтобы встать с постели, но жизнь словно навсегда покинула ее...

Он прервался.

– Какой смысл рассказывать, что было дальше? Становилось все хуже и хуже, пока не сделалось совершенно невыносимо. Она не бросила меня. Странно, но Мэрион не пожелала расстаться со мной, однако испытывала физическое отвращение при любом моем прикосновении к ней. И то же самое происходило у нее с Бобби. Она могла целыми днями сидеть и смотреть на фотографию Марти. Позже я обнаружил, что жена пристрастилась к кокаину. В стремлении забыть, стереть все из памяти.

Это была одна из самых печальных историй, которые мне доводилось слышать.

– Я положил Мэрион в лечебницу, где обещали излечить ее от наркомании. Она вернулась, и доктора клялись, что жена навсегда оставила свою привычку. Но жизнь потекла тем же чередом. Хотя Мэрион не хотела иметь физическую близость со мной, при этом стала обвинять меня в изменах. Я – художник. Мне надо было зарабатывать нам на жизнь. А для этого требовались натурщицы. Но каждый раз, как только я нанимал новую модель, повторялось одно и то же – саркастические замечания по поводу моей активной «сексуальной жизни», постоянная озлобленность, а под конец громкий скандал вынуждали натурщицу перестать работать со мной. Жизнь дома окончательно превратилась в кошмар. И тогда мне пришла в голову вздорная, совершенно безосновательная идея, что если я привезу ее в тихое место, где сам когда-то вырос, это сможет хоть как-то исправить ситуацию. С собой я взял Нелли Вуд, потому что нуждался в модели и кто-то должен был присматривать за Бобби. Представьте, первое время мне даже казалось, будто жизнь постепенно налаживается. Но вот несколько недель назад все пошло по прежнему замкнутому кругу.

Он снова ненадолго замолчал.

– Мэрион начала сначала намекать, а потом прямо обвинять нас с Нелли. Хотя между нами ничего не было. Абсолютно ничего. Но вы сами слышали ее в ту ночь, когда произошло убийство. Она пыталась убедить, что у нас с Нелли была интрижка и я пошел тогда за ней вслед в дюны. Но это, конечно же, ложь. Вот только Мэрион не в силах ничего с собой поделаться. В ней сидит какой-то ужасный, болезненный вирус, заставляющий причинять мне боль, продолжать карать меня за смерть Марти, но не позволяющий уйти от меня или прогнать от себя. И вдобавок ко всему я вдруг стал замечать, что она снова подседа на кокаин.

Я готов был поверить теперь, что он говорит мне правду о Нелли. Ни один человек не способен лгать в подобный момент. Кое-что все же окончательно прояснилось. Между Вирджилом и Нелли Вуд ничего не было. Вся эта история стала порождением больного воображения Мэрион и из-за стремления Нелли выглядеть в глазах Бака более важной птицей, чем была на самом деле.

Вирджил вцепился в спинку кровати с такой силой, что костяшки пальцев побелели и обрисовались рельефно под кожей.

– Остальное вы знаете. Постепенно, по некоторым признакам, я начал подозревать, что это мисс Хейвуд снабжает Мэрион зельем. Сначала такая мысль казалась невероятной. Ведь мисс Хейвуд менее всего похожа на торговку наркотиками. Но все продолжалось и продолжалось, пока вчера вечером я не убедил себя, что это правда. Но мой рассудок, вероятно, слегка помутился. Я, конечно, сваял большого дурака и вполне мог задушить эту женщину, если бы вы и Бак не подоспели вовремя.

Его руки бессильно упали вдоль тела. Он издал короткий сухой смех, от которого сердце могло разорваться на части.

– Вот вам очаровательная история счастливой семьи Фэншоу. Хотите верьте, хотите нет, но даже ужасающие убийства едва ли затронули мое сознание. Этим утром инспектор Суини терзал своими вопросами, подозревая меня в какой-то связи с преступлениями. Но это все представлялось совершенно нереальным. Я даже думать ни о чем толком не мог. Все мои мысли были заняты Мэрион.

У него задрожали губы.

– В этом заключена поистине горькая ирония судьбы, понимаете? Несмотря ни на что, вопреки злу, которое я причинил ей, наперекор ненависти Мэрион ко мне, я все равно продолжаю думать и заботиться о ней. Вероятно, в этом источник моих неизбывных проблем, Уэстлейк. Я все еще слишком люблю свою жену.

Больше добавить ему было нечего. Он стоял у моей кровати, и даже темное лицо заметно покраснело. Его, кажется, внезапно смутило, что я теперь знал о нем больше, чем ему самому хотелось бы. Я же всеми силами стремился придумать, как выразить свое сочувствие, но ничего не приходило в голову. Есть вещи, которые слова передать просто бессильны.

Мы какое-то время смотрели друг на друга, чувствуя возраставший дискомфорт. А затем, пробормотав что-то о необходимости увидеться с Мэрион, он вышел из комнаты.

За последние полчаса я многое узнал о семье Фэншоу, как и о мисс Хейвуд.

Мисс Хейвуд сбывала кокаин (по пятьдесят долларов за начиненный им букет). А еще мисс Хейвуд интересовали раскопки на кладбище. До этого момента я никак не мог найти разумного объяснения этим странным действиям. Но сейчас такое объяснение напрашивалось, пусть и несколько надуманное. Торговцам наркотиками необходимо где-то прятать свой товар. Быть может, мисс Хейвуд и облюбовала старый погост как уединенное, хотя несколько зловещее местечко для тайника, где хранился запас ценного груза? Или же какой-то другой наркоторговец организовал там свой склад, а предприимчивая дама, узнав об этом, вела поиски, чтобы присвоить чужое добро.

Если в моих догадках содержалась истина, то все странные события на погосте становились побочным делом, никак не связанным с убийствами. В таком случае приходилось соглашаться с мнением Гилкрайста – убийства стояли особняком, а преступником был маньяк, умалишенный, психопат, не имевший других мотивов, кроме патологической ненависти к женщинам с родинками.

Все так. Но ведь была еще Ирен Кейси. Как объяснить ее случай? Ирен Кейси с родинкой на лице покоилась на кладбище уже многие годы и оставалась последним звеном, которое связывало недавние убийства с осквернениями могил на погосте.

Словом, клубок загадок оставался по-прежнему сложно запутанным. Но мне предоставлялась возможность попробовать зацепиться за одну из явно заметных в нем нитей. Бак Валентайн помогал мисс Хейвуд в раскопках прошлой ночью. Стало быть, он был каким-то образом причастен к ее делам. А зная теперь, что его старшая подруга занималась сбытом наркотиков, я мог попытаться взять парня на испуг и вытянуть интересовавшую меня информацию.

Бак определенно становился моей следующей целью.

Если не считать другой миссии. Прежде чем продолжить работу, я был преисполнен решимости благополучно отправить Дон и Бобби к тетушке Мейбл.

Пришлось вернуться в комнату дочери. Дон и Бобби я застал сидевшими в одном кресле со спинкой из деревянных перекладин, перешептывающимися и улыбающимися друг другу с многозначительным видом заговорщиков. Мой приход заставил их притихнуть.

Я посмотрел на кровать. Чемодан был упакован и даже заперт. Вся лишняя одежда Дон находилась, по всей видимости, внутри. Вся, за исключением розовых рейтуз, которые торчали из-под платья и выглядели совершенно неуместными.

– Готовы? – спросил я. – Поезд отходит уже скоро. А мне нужно еще дать телеграмму тете Мейбл, чтобы кто-то приехал на станцию вас встречать. И, между прочим, Бобби разрешили уехать.

Они снова обменялись взглядами и дружно ухмыльнулись.

– Да, папа, мы готовы, – сказала Дон. – То есть будем готовы, когда соберет свои вещи Бобби.

Мне их покорность по-прежнему казалась весьма подозрительной. А потом Дон спросила меня строго, но с напускным равнодушием:

– Кстати, папочка, что, если нам с Бобби в поезде захочется пить, и мимо будет проходить разносчик колы и прочего? Или мы проголодаемся и захотим пирожных с орешками? Или нам станет скучно, и понадобятся детские журналы или игры? А у меня в кармане осталось только шесть центов от четвертака, который ты мне выдал давным-давно. Будет неправильно отправлять нас в дорогу совсем без денег, ведь так?

Она посмотрела на Бобби, который важно кивнул. Оба уставились на меня. Их план стал теперь совершенно прозрачным.

– Сколько же вам нужно? – спросил я.

Выражение лица Дон не претерпело ни малейшего изменения, когда она объявила приговор:

– Нам не обойтись без трех долларов и сорока пяти центов.

Бобби метнул в нее злобный взгляд.

– Нет, – сказал он своим обычным басом. – Нет. Это неверная сумма.

– Неверная? – переспросил я.

– Совершенно неверная. – Круглые глаза Бобби смотрели на меня с неприкрытым презрением. – Нам нужно три доллара и сорок шесть центов. – Он еще немного подумал и повторил: – Да. Ровно три доллара и сорок шесть центов.

А потом снова обратил уничижительный взор на Дон.

– Дурочка, – сказал он. – Ты просто дурочка.

Мне показалось, что в стремлении всегда оставлять последнее слово за собой Бобби на сей раз зашел слишком далеко.

XIX

Без особых осложнений я посадил Дон и Бобби на поезд, который должен был доставить их к тетушке Мейбл. Трудно описать, с каким чувством облегчения я помахал им рукой на прощание. На мне больше не висел груз ответственности. Теперь можно было отправиться в городок, чтобы провести свое небольшое побочное расследование. И хотя казалось, что оно уводит меня все дальше от разгадки убийств, по крайней мере я смогу добиться каких-то реальных результатов, пусть и не столь важных.

Когда я вернулся в отель, Суини уже снова был там и хмуро беседовал с Митчеллом в вестибюле. Его настроение, как мне показалось, лишь ухудшилось по сравнению с утренним, и по нескольким отрывистым репликам я понял причину – официальное расследование продвигалось недостаточно быстро.

– Я как раз проинформировал Митчелла, – прорычал он, – что отныне любой, кто выходит наружу после наступления темноты, делает это на свой страх и риск. Такое же заявление я распространил в городке. Барнс будет дежурить всю ночь, патрулируя пляж. Еще двое моих людей возьмут на себя городские улицы. Если произойдет третье убийство, – волосы его усов сильно топорщились, – мне остается только обмотать шею веревкой и сигануть с крыши здания городского совета. – Он хмыкнул. – Вас все еще интересует дело, Уэстлейк?

– Разумеется.

Он саркастически рассмеялся:

– Детектив-дилетант! Они-то обычно и раскрывают таинственные преступления, пока тупые копы хлопают ушами, не так ли?

– Такая уж сложилась традиция.

– Раскройте это, Уэстлейк, и получите от меня...

– Три доллара и сорок шесть центов, – сказал я. – Эта та сумма, в которую мне до сих пор обошлось участие в следствии.

Я оставил их и отправился на поиски Бака Валентайна. Спасателя в отеле не обнаружилось. Он оказался на пляже. Его крупный и загорелый торс был почти полностью открыт солнцу, за исключением того участка тела, который скрывали короткие белые плавки. Если парень и занимался спасением на воде, то особенно усердствовать ему не приходилось, поскольку купающихся не наблюдалось вообще.

Я присел на песок рядом с ним и поздоровался:

– Привет!

Молодое лицо выглядело мрачным и раздраженным.

– Привет, док! Жуткое утро, скажу я вам, пришлось мне провести с вашим приятелем инспектором. Он метал в меня свои вопросы как одержимый. Жаль, нет способа вдолбить ему в его упрямую башку, что я не знаю ничего для него интересного!

– Не знаешь?

– А откуда мне хоть что-то известно? Чем я могу ему помочь?

– Лично мне ты сможешь, если объяснишь, почему провел часть прошлой ночи, роаясь в могиле старого Фэншоу в компании торговли кокаином. Припомнив странный разговор между ним и Митчеллом, подслушанный этим утром, я без передышки добавил: – И чье тело тебе так не терпится перенести со старого погоста?

Бак выслушал все это с таким видом, словно его кувалдой огрели между глаз. Несколько секунд он мог издавать только нечленораздельные звуки. Потом сумел выдавить из себя:

– Торговки кокаином? Какой такой торговли? О чем это вы?

– Как? Тебе ничего неизвестно об этом маленьком бизнесе мисс Хейвуд?

Он поднялся, башней нависнув надо мной.

– Мисс Хейвуд?!

– Именно так, – и я решился на небольшой блеф. – Бессмысленно притворяться, будто ты ничего не знаешь об этом. Вы вдвоем рыли яму на старом кладбище, чтобы достать спрятанный запас наркотика, верно?

– Вы совсем спятили? – Голос его чуть сорвался.

– Так ты это отрицаешь?

– Разумеется, отрицаю. Наркотики? Каким боком я могу быть связан с наркотиками?

– Ты, стало быть, не признаешься и в том, что копался вместе с мисс Хейвуд на погосте, роаясь в могиле мистера Фэншоу?

– Само собой, не признаюсь. Я никогда не ходил на кладбище с мисс Хейвуд. Меня там давно и близко не было. Ни с ней, ни без нее.

И прежде чем я успел задать ему следующий вопрос, он резко развернулся и поспешил уйти от меня, вернувшись в отель.

Остаток второй половины дня прошел без особых событий. Я недолго и не вдаваясь в детали побеседовал с Суини и Гилкрайстом, заглянувшим в гостиницу мимоходом. Потом оба удалились, зато на террасе, где сидел я, показалась мисс Хейвуд, пристроившись в кресле с книгой, словно жизнь в маленьком курортном отеле продолжалась своим нормальным монотонным чередом.

Я даже не пытался сейчас взять ее в оборот, понимая, что все козыри до сих пор в руках у нее.

В отличие от мисс Хейвуд, остальные обитатели гостиницы все заметнее нервничали по мере того, как наступал вечер и тьма начала сгущаться за широким окном террасы. И сотрудники и постояльцы, появляясь и уходя, бросали опасливые взгляды в темноту, где мог таиться маньяк. Вполне вероятно, что как раз сейчас этот сумасшедший бродил среди окрестных дюн с не горящим пока китайским фонарем и обрывком оконной веревки, а владело им одно желание – убить и пометить мистической помадой третью, неизвестную еще жертву.

В отсутствие Дон я чувствовал себя одиноким и неприкаянным. Поскольку мне нечем было себя занять, кроме невеселых раздумий, я решил пораньше лечь спать. Как оказалось, другим

пришло в голову то же самое. Когда примерно в десять часов я поднимался в свою комнату, весь первый этаж гостиницы выглядел совершенно опустевшим.

Я заснул быстро, но спал очень тяжело. И потому, проснувшись от странного шума, с трудом сообразил, что низкий резонирующий гул не был продолжением одного из моих тревоживших душу сновидений, а раздавался на самом деле.

Ворочаясь в постели, я проклинал мыс Талисман, где мне не давали нормально выспаться уже третью ночь подряд, и сквозь дремоту пытался мысленно сосредоточиться на необычном звуке.

Колокол! Ну конечно, вот что это было. Где-то далеко в темноте звонил на одной протяжной ноте колокол, и звон, эхом прокатываясь по дюнам, затихал гудящим вздохом. Затем раздавался новый удар, новый звон, повторяясь после кратких пауз еще и еще раз.

Церковный колокол. Непонятным образом на заброшенной церкви он внезапно ожил. Но еще более невероятным казалось то, что звучал ритмичный набат, каким людей обычно созывали на похоронную службу по усопшему.

Я вскочил с постели и бросился к открытому окну. Но ничего не увидел. Как и не слышал больше ничего, кроме хлюпанья по песку волн начавшегося прибою. Воцарилась полнейшая, почти невыносимая тишина после того странного шума, который нарушал ее еще несколько секунд назад.

Ощувив внезапный прилив энергии, я натянул поверх пижамы свитер, сунул ноги в ботинки, выбежал в коридор и быстро спустился по лестнице. В пустом вестибюле под потолком горела люстра, а парадная дверь была распахнута настежь.

Я поспешил наружу и через дюны направился в сторону церкви. Поднялся ветер, сильные порывы которого с моря заставляли редкие заросли травы шелестеть, издавая меланхоличный шепот. Во мраке лишь при скудном свете ущербной луны местами виднелись темные силуэты кустов восковницы.

Я продолжил свой торопливый путь к погосту и неотчетливо видимой заброшенной церкви, ожидая в любой момент вновь услышать протяжный, траурный звон колокола. Но он теперь молчал.

За несколько минут добрался до граничившего с дюнами кладбища. Покосившиеся и полуразрушенные надгробия виднелись от меня слева и справа. А прямо передо мной высилась церковь, я различал смутные очертания небольшого и запущенного портика при входе.

Стремительно приближаясь к церкви, внезапно услышал какую-то возню, напоминавшую драку, доносившуюся из портика.

Я замедлил шаги и остановился. Изнутри теперь раздавались отдельные разборчивые звуки – тяжелое мужское дыхание, треск рвущейся ткани, злобное рычание и стоны.

Если кладбище луна еще хотя бы немного освещала слабым и бледным сиянием, то внутри портика царилась кромешная тьма. Я уже намеревался войти, чтобы разобраться в происходящем, когда борьба приняла еще более ожесточенный характер, показались чья-то рука, нога, и два сцепившихся мужских тела, перевалившись через порог, упали на песок при входе.

Поначалу я не мог узнать ни одного из участников бессловесной схватки, отчаянно и беспорядочно пытавшихся одолеть друг друга. Могло даже показаться, что я стал свидетелем сражения теней, потому что одежда на мужчинах была темной и совершенно неразличимой. Только белые лица мелькали порой да руки, тянувшиеся к глотке противника.

С громким криком кинулся вперед. Но еще до того, как я поравнялся с ними, один из дерущихся вырвался. Взлетел в воздух белый кулак и обрушился вниз, на что-то твердое. После чего вторая фигура обмякла и повалилась наземь.

Мне оставалось только подойти к победителю, стоявшему на коленях, чуть склонившись. Теперь даже в призрачном лунном свете я узнал мистера Митчелла.

– Митчелл? – удивленно воскликнул я, более всего пораженный тем фактом, что сублильный и элегантный владелец отеля оказался способным послать кого-то в нокаут. – В чем дело? Что, черт побери, здесь творится?

При звуке моего голоса хозяин-управляющий заметно вздрогнул. Потом выпрямился и откинул назад упавшие на лоб длинные, но уже реденеющие волосы.

– С ним все в порядке, доктор Уэстлейк?

Я присел на корточки рядом с распростертым телом.

– Кто это?

– Не знаю. Мы начали драться до того, как я сумел хоть что-то увидеть. Там, в портике такая темень, и вообще... Возьмите это.

Митчелл достал карманный фонарик. Я взял его, включил и направил луч на лицо лежавшего без сознания мужчины. При ярком свете смог разглядеть каждую деталь – восковую бледность щек, густую рыжую шевелюру и пухлые, а сейчас окровавленные губы мистера Ашера.

Митчелл засуетился у меня за спиной.

– Кровь, доктор Уэстлейк. У него пошла кровь. Он жив? И надо же – мистер Ашер! Если бы я только узнал его. Избить собственного постояльца!

Я прощупал у Ашера пульс. Он был четким. Полученные травмы явно не были серьезными.

– Помогите мне внести его обратно в портик, – распорядился я. – И не надо так волноваться. Он просто потерял сознание.

Митчелл ухватился за одну руку, я – за другую, и мы вместе по низким ступенькам втащили Ашера вверх и положили на растрескавшийся пол.

Я спросил:

– Как такое могло произойти?

Митчелл воспользовался паузой, чтобы поспешно привести в порядок одежду на себе. Все еще учащенно дыша, он начал свой рассказ:

– Я сидел у себя в комнате и читал. Услышал звон колокола. А после всех этих жутких преступлений постоянно боялся, что произойдет что-то еще. И понял: мне следует разобраться...

– Естественное желание.

– Я только дошел до портика и собирался войти внутрь, как на меня кто-то напал. Времени не оставалось, чтобы позвать на помощь или предпринять что-то еще. Мне пришлось защищаться. Я... На самом деле, я не слишком силен в кулачном бою. Но... Все же... Короче, необходимость обороняться заставила меня собрать все силы. И я его одолел. Он вырубился. Ей-богу, я даже не подозревал, что это мистер Ашер. Один из моих самых почетных гостей, и такой...

– Вы думаете, это Ашер звонил в колокол?

– О нет, только не мистер Ашер. – Митчелл произнес это так, словно упрекал меня в самом неприличном предположении. – Это известный владелец похоронной конторы в Халинге, очень уважаемый человек. Именно он занимался погребением моего бедного старика-отца, а для меня стал регулярным гостем.

– Но если это не он, – сказал я, – тогда нам лучше зайти внутрь немедленно и посмотреть, нет ли там кого-то другого.

Оставив художника похоронных дел без сознания при входе в церковь, мы открыли старые дубовые двери, которые вели в заброшенное помещение. Никто даже не побеспокоился запереть его на замок.

Мы медленно обшарили лучом фонарика голые стены. Все, что только можно было вынести отсюда, забрали, когда церковь решили оставить на произвол судьбы. Свет выхватывал потрескавшуюся штукатурку, просевшие деревянные балки, древнюю каменную купель и несколько сломанных скамей. На мгновение он отразился от витража одного из уцелевших окон с изображением ангела, несшего свою вечную стражу.

Воздух был спертый, пропитанным запахом плесени, и мы поспешили пройти вперед, поводя лучом то влево, то вправо. Миновав полуразвалившуюся кафедру проповедника, я определил место, где прежде располагался алтарь. Митчелл прошел левее и откинул пыльный занавес, казавшийся до странности неуместным в этом заброшенном здании.

– Веревка колокола за этой портьерой.

Я направил фонарик вперед. Мы увидели серую сетку паутины, покрывавшую стены, узкую прорезь окна. Потом переместил луч вверх и высоко на вершине башни над нами смог различить матово блестящий колокол. С него свисала сильно растрепанная веревка, конец которой касался пола.

Она слегка раскачивалась, словно рука звонившего только что оставила ее. Он в последний раз потянул за веревку и поторопился исчезнуть незадолго до того, как в эту небольшую нишу вошли мы.

– Как видно, этот человек успел сбежать, – сказал я. – Впрочем, никто и не ожидал, что нас тут кто-то будет встречать.

Митчелл промолчал. Когда я повернулся, он устремился за мной к выходу из покинутой церкви.

В портике я сразу решил проверить, в каком состоянии находится Ашер. Но первым издал удивленный возглас Митчелл:

– Его здесь нет! Как странно!

Я осмотрел с помощью фонарика портик, а потом пространство с надгробиями непосредственно перед церковью. Митчелл был прав. Видимо, нокаут не имел никаких серьезных последствий. За время нашего краткого отсутствия гробовщик, должно быть, очнулся и поспешил удалиться с церковного двора так же скрытно, как и появился здесь.

Мы встали вдвоем на ступеньках при входе, всматриваясь в окружавший нас мрак.

– Мистер Ашер должен все еще быть неподалеку, – прервал паузу Митчелл. – Где-то на погосте. Он, вероятно, пока не полностью оправился от удара. Нам надо найти его и проводить до отеля.

Только сейчас я вспомнил слова Суини о том, что Барнс собирался патрулировать пляж в течение всей ночи. Тогда где же, черт побери, носило сержанта? Он не мог не услышать звона колокола. И должен был бы уже присоединиться к нам.

– Мистер Ашер! Мистер Ашер! Вы здесь? С вами все хорошо? – звучал голос Митчелла, тщетно пытавшегося нарушить плотную завесу тишины.

Я описал лучом фонарика широкую дугу, но он доставал лишь до кромки дюн, а дальше в сторону пляжа приходилось лишь всматриваясь сквозь темноту. Митчелл стоял рядом.

Мы оба устремили взгляды в сторону гавани. Затем Митчелл инстинктивно обратил взор на свой отель, и тут же мои размышления прервал его голос, резкий и тревожный.

– Доктор Уэстлейк! Посмотрите на это!

Я развернулся и увидел то, на что он указывал. В объяснениях его испуг не нуждался. Причина оказалась слишком очевидной.

Покачиваясь и мерцая, словно прожигая дыру в темноте у берега, виднелся свет розового китайского фонаря.

И он становился все больше и больше, постепенно приближаясь к нам.

На мгновение у меня впервые возникло ощущение, что опасность сейчас угрожает мне лично. На мысе Талисман свет китайского фонаря стал прочно ассоциироваться с ужасом и смертью. Складывалось впечатление, как будто по песку дюн в нашу сторону двигалась сама Смерть – безмолвная, быстрая, неумолимая.

Велев Митчеллу следовать за собой, я спустился со ступенек на песчаную почву погоста и быстро направился навстречу этому наводившему ужас розовому свечению. Ветер разыгрался не на шутку. Его порывы временами внезапно бросали в меня пригоршни мягкого песка с поверхности дюн. Я перешел на бег.

Сейчас уже трудно вспомнить в деталях все самые невероятные и фантастические образы, возникавшие у меня во время стремительного кросса. Наверное, потому, что они оказались недолговечны. Митчелл с трудом поспевал за мной, когда впереди из темноты донесся знакомый грубоватый голос сержанта Барнса.

– Кто здесь? – в тревоге окликнул он.

– Не волнуйтесь. Это доктор Уэстлейк.

Через несколько секунд фонарь оказался прямо перед нами. Позади него я разглядел тощую фигуру Барнса и полного Гилкрайста.

– Уэстлейк! – воскликнул врач. – Вы-то что здесь делаете? И кто это с вами? Неужели Митчелл?

– Мы услышали колокол, – объяснил я. – Но где же были вы, Барнс? И откуда у вас этот фонарь?

– Я патрулировал пляж, доктор, и увидел свет у «Головы монаха». Пошел туда и обнаружил фонарь. Мне тоже был слышен колокол, но я не мог сразу уйти оттуда, не изучив обстановку. Хотя ничего не нашел и уже тогда поспешил направиться в эту сторону.

– Да, – сказал Гилкрайст, – я тоже услышал звон колокола. И натолкнулся на Барнса с этим фонарем, когда вышел на пляж. Что произошло, Уэстлейк? Новая трагедия?

– Вы хотите сказать, Барнс, что рядом с фонарем ничего не оказалось? – спросил я. – Там не было... трупа?

– Ничего подобного, док. Я облазил все вокруг. Ровным счетом ничего. Только фонарь у подножия «Головы монаха». Точно так же, как было в ту ночь, когда убили Нелли Вуд.

Страшно представить себе такое – китайский фонарь, ставший символом трагедии, бессмысленно горел в уединении рядом с громадой высокой скалы.

Впрочем, это служило подтверждением того, чего мы так опасались. Несмотря на принятые Суини меры предосторожности, вопреки всем препятствиям маньяк с мыса Талисман снова действовал.

Я рассказал им обо всем, что случилось на погосте и при входе в церковь.

В розовом свете я мог видеть выражения лиц своих собеседников – удивленное у Гилкрайста, мрачное, но почти равнодушное у Барнса, напряженное и взволнованное у Митчелла.

– Любопытно, – заметил Гилкрайст, – не тревожили ли этой ночью могил на погосте? Если этот сумасшедший поднял колокольный трезвон, то явно не без причины, Уэстлейк. Он хотел к чему-то привлечь наше внимание. К тому, что нам еще только предстоит обнаружить.

Мне пришла в голову примерно та же мысль.

– Так пойдете и посмотрим, – предложил я.

Барнс с китайским фонарем в руках возглавил шествие. Следом двигался я с электрическим фонариком. Мы достигли границы кладбища, но продолжали идти вдоль дюны, пока не добрались до места, откуда мы с Дон впервые увидели свет фонаря.

– Если здесь что-то и могло произойти, – сказал я, – то, вероятней всего, поблизости отсюда.

Барнс начал взбираться по склону дюны, и я тоже поднимался по осыпавшемуся под ногами песку, пока не достиг твердой почвы наверху. Перед нами простиралась темная, почти выровненная морем оконечность кладбища. Я был готов увидеть впереди другое свечение – такое же, как в ту первую туманную ночь. Но ничего подобного не было.

Слышал только, как сзади, тяжело дыша, взбираются по склону остальные. Вскоре мы все собрались тесной группой.

– Идемте дальше.

Гилкрайст выхватил фонарь из руки Барнса и устремился в темноту.

Я помню смутный силуэт ели, более мягкую землю под ногами, когда мы миновали могилы Ирен Кейси и мистера Фэншоу, обе оскверненные... Кем же? Мисс Хейвуд?

Перед мысленным взором встал образ мисс Хейвуд, какой видел я ее на пляже нынешним утром – грациозной, не слишком общительной, с непроницаемым выражением глаз и с лебединой шеей, склоненной в порыве трудолюбия над плохо удававшейся ей акварелью.

Свет фонаря пробежал по верхушкам могильных холмиков. Затем розовый шар вдруг замер, неподвижно зависнув в воздухе, и я услышал голос Гилкрайста, охрипший от ужаса:

– Взгляните сюда! Посмотрите!

Его полноватая фигура заслоняла мне вид, и я переместился поближе. Барнс и Митчелл не отставали. Я видел пораженное лицо сержанта, почувствовал, как Митчелл буквально протиснулся мимо меня.

Ухватившись за руку Гилкрайста, я посмотрел вниз на его находку. Фонарь располагался высоко, бросая лучи во все стороны, а потому я разглядел жуткую картину во всей ее пугающей полноте.

Мы стояли на краю только что разрытой могилы. В самые первые ужасающие секунды у меня в голове вертелся только один вопрос: чье захоронение потревожили теперь? Впрочем, копали на этот раз в большой спешке, беспорядочно сваливая землю по сторонам, и вырытая яма была не более чем в фут глубиной. Но в этой яме, с одной стороны которой стоял еще один, не зажженный китайский фонарь, а с другой стороны валялась лопата, лежало тело женщины.

И поза оказалась знакомой. Руки сложены на груди, подол платья тщательно расправлен, глаза закрыты. На бледном лице осталось выражение странной, почти экстатической улыбки.

Фонарь в руке Гилкрайста начал двигаться, опускаясь, пока не высветил лицо женщины. Хотя я узнал эту леди с первого же взгляда – длинное серое платье, немного грубоватые руки, туго натянутая кожа без единой морщины.

Образ мисс Хейвуд только что возник передо мной, но только теперь это было уже не в воображении.

Он стал предельно реальным.

В наспех вырытом углублении мисс Хейвуд лежала бледная, с бессмысленной улыбкой на губах. И мертвая. А вокруг ее шеи была отчетливо видна туго стянутая петлей неизбежная веревка.

Никто из нас не издал ни звука. Никто не шелохнулся. Барнс присел на корточки и склонился вперед, его поза выражала почти неправдоподобный страх. Гилкрайст держал фонарь крепко и неподвижно, словно его привязали к дереву. Митчелл стоял на коленях, глядя вниз, с лицом, окаменевшим наподобие маски.

Я обвел могилу взглядом, и мои глаза устали на мрачный без света китайский фонарь, установленный у изголовья трупа.

– Стало быть, все-таки фонарь у него был, – сказал я чуть слышно. – Он принес его сюда, но пламя, по всей видимости, задуло ветром.

Маньяк нанес новый удар. Нелли Вуд... Мэгги Хиллман... Мисс Хейвуд... Отсчет смертей продолжался, еще явно не достигнув своего окончательного итога.

Гилкрайст поставил свой фонарь на землю и, ступив одной ногой внутрь ямы, склонился ниже, всматриваясь в лицо. Я подошел ближе, чтобы осветить ему фонариком.

Волосы соскользнули, и я впервые отчетливо увидел открытое ухо. Нечто странное сразу привлекло мое внимание. Перегнувшись, пристально взгляделся в кожу под ухом.

– Смотрите, Гилкрайст!

Я указал ему на невероятно туго натянутую под ухом кожу. Гилкрайст теперь тоже заметил это.

И еще там виднелся аккуратный, тонкий, но явно свежий шрам. Я просунул руку под голову и повернул ее, чтобы мы смогли изучить другое ухо. И под ним точно в таком же месте остался недавно заживший надрез.

Долго гадать, что это такое, не приходилось. Надрезы отлично объясняли противоестественно натянутую и гладкую кожу на миловидном лице мисс Хейвуд, на что я постоянно обращал внимание.

– Видите, Гилкрайст? Понимаете, что это за шрамы? Вот почему она казалась... Казалась женщиной совершенно неопределенного возраста. Она сделала себе подтяжку. Причем совсем недавно.

Я бросил еще один взгляд на серое лицо мисс Хейвуд. Теперь, когда мы узнали о ней кое-что неожиданное, она рисовалась мне еще более мрачной и даже зловещей фигурой. Это жесткое, словно искусственное выражение лица, которое отличало ее при жизни, после смерти только усилило свой пугающий эффект. Она выглядела как манекен, снятый с витрины магазина.

Гилкрайст продолжал осматривать шрам, когда Барнс вслух озвучил упрямую мысль, которая лезла, уверен, в голову каждого из нас.

– Он убил ее. Этот умалишенный, который прежде расправился с Нелли и Мэгги. Да, убил. Но только где же все остальное – родинка, алый круг... Где?

– Видимо, на сей раз он обошелся без обычных фокусов, – угрюмо сказал я.

Митчелл хранил молчание после первого же взгляда на отталкивающее зрелище. Он сидел на корточках бледнее призрака. И только сейчас он издал какие-то звуки, похожие на сдавленный стон:

– Могила... – сказал он. – Труп лежит в могиле моего отца.

А ведь он был прав. Только я почему-то не сразу заметил это.

Ирен Кейси... Мистер Митчелл...

Я еще раз взгляделся в расплывшееся тело. Теперь, выпрямившись во весь рост, впервые смог отчетливо видеть края длинного серого платья мисс Хейвуд. В них тоже замечалась некоторая странность. Они выглядели неровными, местами топорщились. Я снова склонился к телу.

– Давайте перевернем ее, Гилкрайст.

Гилкрайст ухватился за одно плечо, я взялся за другое. Медленно и бережно мы перевернули труп лицом вниз.

Я сразу же понял, что было не так с платьем мисс Хейвуд. От плеч до пояса маньяк взрезал его одним лихим и бездумным ударом ножа.

Под налипшей коркой земли, перемешанной с песком, которую мы сняли, кожа оказалась нежной и белой.

Жесткими негнущимися пальцами я очистил спину от остатков песка. Кожа казалась очень холодной на ощупь. Гилкрайст сейчас уже стоял позади меня, направляя вниз свет фонарика, при котором нам открылась еще более страшная и невероятная вещь.

Голос Барнса, которым он произнес свою фразу всего несколько секунд назад, все еще эхом отдавался в моих ушах.

«Где же все остальное – родинка, алый круг... Где?»

Теперь мы это знали. По крайней мере нам открылся один из двух неперенных символов смерти.

На почти прозрачной бесцветной коже мисс Хейвуд, рядом с последним позвонком у шеи, чья-то рука начала выводить широкий алый круг. Но он остался незавершенным – окружность получалась практически идеально ровной, но, так и не замкнувшись, обрывалась.

А в центре этого разорванного круга, где, по всем безумным законам более ранних убийств, должна была расти родинка, не оказалось ничего.

Ничего абсолютно...

XX

Барнс удалился, чтобы вызвать Суини, который через некоторое время прибыл, сопровождаемый обычным эскортом подчиненных. Инспектор кипел паровым котлом, готовым взорваться, и обрушил весь свой гнев первым делом на Барнса.

– Вам была поставлена задача патрулировать берег, – орал он. – Хорошо же вы с ней справились! Позволили этому случиться прямо у себя под носом. Ведь вы считаете себя полицейским, не так ли? А с вашей миссией гораздо лучше справился бы какой-нибудь шестилетний мальчишка!

Несправедливость его обвинений представлялась очевидной нам всем. Было совершенно ясно, что сержанта обвели вокруг пальца. Убийца знал, что Барнсу поручено патрулировать пляж, и сделал так, чтобы его смертоносной встрече с мисс Хейвуд никто не помешал. Он оставил зажженный китайский фонарь у подножия «Головы монаха» как отвлекающий маневр, чтобы сосредоточить на нем внимание сержанта. А потом, когда преступление было совершено, устроил грандиозный набат церковным колоколом, привлекая всеобщее внимание к своей очередной сенсационной жертве.

Затем инспектор с неумным пылом и желанием действовать занялся уликами, засыпав нас вопросами по поводу незавершенного алого круга. Почему убийца избрал для него именно это место? Почему там нет родинки? Почему...

Впрочем, бросалось в глаза, что он не ждет от нас внятных ответов. С особо подчеркнутым равнодушием воспринимал мои слова. Ведь с самого начала расследования я еще не оказал ему никакой конструктивной помощи. Казалось, он давал мне понять, что отныне необходимость в моем участии полностью отпала. Когда пришло время для отправки тела в Халинг, он больше не пригласил поехать с собой.

Обиженный Барнс, Митчелл и я на некоторое время задержались у оскверненных могил мистера Фэншоу, мистера Митчелла и Ирен Кейси. Движимый мне самому неясным импульсом, я спросил:

– Вы ведь прожили в этих краях всю жизнь, Барнс, верно? Доводилось знать Ирен Кейси лично?

Долговязая фигура сержанта словно одеревенела. При свете фонарика я заметил и не мог не поразиться, как его глаза вдруг приобрели тоскливое и какое-то затравленное выражение. Уверен,

он хорошо расслышал мой вопрос, но вместо ответа лишь бросил небрежное «Доброй ночи!», развернулся и ушел.

Я раздумывал над столь странной реакцией, пока мы с Митчеллом брели по песку обратно в отель. Первым в вестибюле нас встретил, конечно же, мистер Ашер. Не без удовлетворения я отметил, что даже не слишком мощный кулак мистера Митчелла оставил на его лице заметную отметину. Под рыжей челкой Ашера один глаз оставался теперь полузакрытым из-за припухлого пурпурного синяка.

– А, наконец-то, мистер Митчелл, доктор Уэстлейк! Что случилось? Я услышал звон колокола, поспешил к старой церкви, откуда он доносился, а там в темноте... Словом, подвергся жестокому нападению и...

– Это Митчелл атаковал вас, – пояснил я. – Он принял вас во мраке за пресловутого маньяка.

Митчелл рассыпался в извинениях, а потом сообщил Ашеру новости. Последовал оживленный разговор, в котором оба скорбно качали головами и цокали языками по поводу еще одной трагедии. Гадая, будет ли мистер Ашер претендовать на организацию похорон мисс Хейвуд заодно с остальными жертвами, я оставил их и поднялся наверх.

Хотя лег спать не сразу. Сначала я на цыпочках прокрался по коридору этажом выше и прислушался к звукам, которые могли доноситься из-за закрытой двери комнаты Бака Валентайна. Но услышал только размеренное и тяжелое дыхание спящего человека. Молодой спасатель, ставший необычным напарником мисс Хейвуд при разорении чужих могил, либо действительно спал, либо очень хорошо притворялся, что погружен в глубокий сон. Так или иначе, но он находился в своем номере.

Не приобретя больше никакой ценной информации, я отправился к себе, разделся и улегся в постель.

Но и лежа в благодатном тепле под одеялом, продолжал лихорадочно размышлять. Если мисс Хейвуд оказалась всего лишь очередной случайной жертвой немотивированного маньяка, то ее собственные, не слишком приглядные делишки переставали иметь значение. Рассказать Суини все, что мне стало о ней известно, означало нарушить слово, данное мной Фэншоу, – хранить его секрет. Но, если эта таинственная особа сыграла в преступлениях какую-то другую роль, нежели ненароком убитой женщины, тогда она все еще остается ключевой фигурой во всем деле, и, значит, ее история могла помочь установить какие-то важные факты.

Выяснить бы мне точно, откуда она приехала, а главное – с какой целью! Подтяжка кожи лица... Грубоватые, мозолистые руки... И снова перед моим мысленным взором возник вчерашний образ мисс Хейвуд, торопливо убравшей в портплед краски и поспешившей удалиться, заведя издали приближавшегося Гилкрайста.

При этом в моем мозгу словно что-то щелкнуло. Ну разумеется, я знал, откуда появилась мисс Хейвуд. И почему не подумал об этом раньше?

Меня так приятно поразили собственные дедуктивные способности, что я почти тут же заснул с чистой совестью человека, за несколько минут выполнившего работу, на которую у другого могли бы уйти целые дни.

Утром я спустился к завтраку необычно рано. Все, кто еще оставался на рабочих местах из obsługi отеля, находились в состоянии, близком к паническому страху. Их трудно было за это винить, да они не слишком интересовали меня. Мною сейчас владело только одно желание: как можно скорее связаться с Суини.

Я уже собрался позвонить ему, когда неожиданно в вестибюле появился он сам, на ходу объясняя поникшему Митчеллу, что хочет поговорить с Ашером. Меня он приветствовал чуть заметным наклоном головы. Пришлось остановить его.

– Не могли бы вы оказать мне услугу, Суини?

Он выразительно посмотрел на часы.

– Не могу, если потребуются тратить время.

– У вас это не займет и минуты. Вы хорошо знаете начальство в женской тюрьме Халинга. Напишите короткую записку для них, чтобы со мной поделились информацией, которая может пригодиться.

Он изумленно уставился на меня.

– Записку в женскую исправительную колонию Халинга? Какого дьявола вам там понадобилось? Это как-то связано с убийствами?

– Может быть.

– Что ж, пора и вам заняться чем-то хотя бы с виду полезным. – Он достал из кармана свою визитную карточку и нацарапал на ней несколько слов. – Это поможет вам организовать встречу со старшей надзирательницей. Потрясающая женщина! Великолепно справляется с чисто мужской работой.

– Благодарю вас.

Суини улыбнулся, но в улыбке отчетливо читалось сочувствие и даже жалость.

– Не за что. Все равно толку не выйдет никакого.

Своей машины здесь у меня не было, но я уговорил Митчелла одолжить мне на утро гостиничный автомобиль и отправился по покрытой песком дороге в сторону Халинга.

Между тем с погодой начало происходить нечто странное. Солнце сияло, но не излучало тепла, словно замерзло, и установилось полнейшее безветрие. Облака на северо-западе начали выстраиваться в боевой порядок, не суливший ничего хорошего. Я знал, что в сентябре возможны настоящие бури. Именно в тот период обезумевший океан обрушил последнюю всесокрушающую атаку на старое кладбище.

По мере того, как я вел машину среди невзрачных пейзажей Новой Англии, тучи зловеще сгущались. Но это особо меня не занимало, все мои помыслы были сосредоточены на предстоявшем визите.

Расположенная в запущенном районе большого промышленного города женская тюрьма неприветливо грозной серой громадой возвышалась среди прочих зданий, полностью окруженная внушительной каменной стеной. Припарковав машину, я подошел к высоким, обитым сталью дверям. На мой звонок отозвался охранник-мужчина, которому я предъявил визитную карточку Суини. Он впустил меня, приоткрыв лишь одну из сторон двери.

Я вошел в сумрачный холл. Тяжелые стальные решетки закрывали проходы в коридоры, протянувшиеся отсюда во все стороны. Позади одной из них виднелся тюремный внутренний двор с зеленой лужайкой посередине. Я дождался под угрюмым наблюдением других охранников, пока не вернулся первый с сообщением, что начальница будет рада принять меня. Я последовал за ним через весь внутренний двор к приятному с виду отдельно стоявшему кирпичному дому. Старшая надзирательница ожидала меня в своей частной гостиной на первом этаже.

Это была высокая крупная дама с настороженными голубыми глазами, поседевшие волосы которой приобрели стальной оттенок.

– Доброе утро, доктор Уэстлейк. Буду рада оказать вам любую посильную помощь.

– Я пытаюсь разобраться в прошлом одной женщины, – объяснил я. – Ее настоящая фамилия мне неизвестна. Она была высокой, стройной, с выступающими скулами и зелеными глазами. Выдавала себя за леди, но на самом деле ею не была. По моим предположениям, она находилась здесь в заключении за торговлю наркотиками, а на свободу вышла буквально несколько недель или месяцев назад. И если бы вы смогли мне подсказать...

– О, это очень просто, – улыбнулась начальница. – Речь может идти только об одной женщине. О Лене Дарнелл. Она отбывала у нас срок по делу о сбыте наркотических веществ. И освободилась ровно месяц назад. Одна из действительно закоренелых преступниц, каких даже в этих стенах не так уж много.

Умозаключения, которые привели меня с визитом в тюрьму, не относились к разряду слишком сложных. Мисс Хейвуд выдавала себя за рафинированную светскую даму, но у нее были слишком грубые руки. Она сделала себе пластическую операцию на лице. Многие бывшие узницы тюрем, не желая быть узанными, прибегали к подтяжкам кожи лица. Но окончательно на эту мысль меня навело настойчивое стремление мисс Хейвуд избегать попадаться на глаза Гилкрайсту. Продолжив заниматься прежним преступным бизнесом, она, несмотря на изменения во внешности, не хотела рисковать быть узанной тюремным врачом.

– Я отведу вас в архив, – сказала старшая надзирательница. – Там есть фотография Дарнелл. По ней вы, вероятно, сможете понять, та ли это женщина, которая вам нужна.

Она снова провела меня через двор к небольшой башне, возвышавшейся в одном из углов здания. Я оказался в чисто конторском помещении, где за письменным столом сидела женщина в очках с роговой оправой. Все стены покрывали шкафы с ящиками для досье.

– Мисс Уэбб, – сказала начальница. – Наш гость доктор Уэстлейк хотел бы ознакомиться с документами на Лену Дарнелл.

Мисс Уэбб достала из шкафа две большие картонные карточки. К левому верхнему углу первой из них была приклеена фотография. Несмотря на несколько седых прядей, которые на свободе она покрасила, вопреки еще не подтянутой коже лица я увидел достаточно точный портрет мисс Хейвуд.

Под снимком на машинке было напечатано ЛЕНА ДАРНЕЛЛ, а ниже следовал солидный набор кличек и фальшивых имен, хотя Хейвуд среди них не числилось. Очевидно, Лене Дарнелл показалось, что эта фамилия звучит приятнее на слух, чем прежняя. Ознакомившись с карточкой, я получил любопытную информацию, что женщина отбыла три срока тюремного заключения, из которых следующий становился более длительным, нежели предыдущий, но в каждом случае приговор ей выносили за торговлю наркотиками. Выяснялось, что она отдала отраве большую и лучшую часть своей жизни.

Я обратился ко второй карточке. В ней содержалось краткое описание внешности этой дамы. Там упоминался цвет кожи, ее антропометрические данные, возраст.

Не без изумления я выяснил, что ей было сорок семь лет. Она воистину хорошо сохранилась.

Потом мой взгляд переместился в нижнюю часть карточки. И я невольно вздрогнул, дойдя до графы «Особые приметы», потому что среди них прочитал вот такую запись: «Крупная родинка рядом с верхней частью позвоночника».

В первую секунду я оказался совершенно сбит с толку. Но затем понял, что эта строчка может объяснить все. Я принялся мучительно обдумывать новую, совершенно невероятную версию, такую же опасную и скользкую, как гигантский осьминог.

Начальница наблюдала за мной.

– Ну, удалось найти то, что искали?

– Удалось ли мне найти... – начал я, но осекся, потому что в другом углу карточки увидел кое-что еще. И словно первого шока оказалось мало, накатила его вторая волна, повергшая меня в истинное потрясение. Потому что в противоположном углу карточки содержалась следующая информация: «Камера номер 3672. Сокамерница – Кора Ласки».

Я с нескрываемым изумлением повернулся к начальнице.

– Кора Ласки? – спросил я. – Это, случайно, не та знаменитая похитительница драгоценностей, более известная как Кора Митчелл?

– Так и есть. Ласки – фамилия Кору по мужу, хотя все ее знали как Кору Митчелл. Лену Дарнелл освободили почти сразу после смерти Кору Митчелл. Они содержались в одной камере, если не ошибаюсь, около трех лет.

Я сунул карточки в руки пораженной, видимо, моей грубостью мисс Уэбб. У меня же в мозгу сейчас творилось нечто невообразимое. Я спросил:

– А нельзя ли мне... Нет ли возможности поговорить с кем-нибудь о Коре Митчелл? О подробностях ее ареста и о прочих деталях.

У старшей надзирательницы на все имелся ответ, но теперь и она ненадолго призадумалась.

– У нас есть официальные документы по этому поводу, но, думаю, не они вам нужны. Я знаю одну заключенную, которая, быть может, окажется для вас полезна. Тюрьма ведь в известном смысле похожа на маленький городок. Она отсидела уже тридцать пять лет. И заниматься ей совершенно нечем, кроме как собирать слухи и сплетни о своих соседках по тюрьме. Желаете побеседовать с ней?

– Мне это просто необходимо.

Мисс Уэбб порылась в другом шкафу и достала еще пару карточек. Это было своего рода личное дело Кору Митчелл-Ласки. Я с особым вниманием взгляделся в фотографию. Ее сделали двадцать лет назад, и преступная сестра мистера Митчелла выглядела на ней молодой, несколько вульгарной женщиной с копной взъерошенных волос. В ее лице мне увиделись до боли знакомые черты, но я сразу понял, что поразило меня вовсе не сходство с братом. Нет, эти глаза, этот

упрямый, грубовато очерченный рот – ничего подобного во внешности мистера Митчелла не наблюдалось. Они напоминали... Кого же?

До меня донесся голос начальницы:

– Как только будете готовы, доктор, я отведу вас в нужную камеру.

Я вернул карточки мисс Уэбб и последовал за ней через другую дверь длинным темным проходом, который в противоположном конце упирался в стальную решетку. Сотрудница охраны открыла ее для нас, и мы вошли в коридор с многочисленными камерами вдоль обеих стен. Затем, миновав еще одну решетчатую дверь, оказались в просторном зале.

– Это самый центр тюрьмы, – объяснила старшая надзирательница. – Здание построено по принципу колеса, где коридоры с камерами образуют как бы спицы, а это – ось, к которой они сходятся. Видите эти зеркала? Они установлены так, чтобы охрана могла наблюдать за всеми коридорами одновременно.

Потом она показала мне рабочие помещения. Камеры, превращенные в парикмахерские, мастерские, где плели корзины, прачечную. Здесь всем управляли сами заключенные. Многие украшали свои камеры росписями отбывавших срок художниц-любительниц, которые разрисовывали целые стены роскошными изображениями садов или даже каналов Венеции с гондолами. Почти все женщины, которых я мог видеть, так или иначе занимались своей внешностью. Они смотрелись в зеркальца, расчесывали коротко стриженные волосы, подпиливали ногти или полировали обувь. И было что-то неизъяснимо гнетущее в этом бессмысленном нарциссизме.

– Между прочим, – заметила начальница, – та женщина, к которой я вас веду, – особа весьма примечательная. Ее зовут Рут Мэллори, и занятно, что родом она из небольшой деревни в окрестностях Мыса Талисман. Тридцать пять лет назад она отравила своего мужа ради его страховки в тысячу долларов. Причем преступление было совершено жестоко и совершенно хладнокровно.

Она остановилась перед одной из камер и, сильно толкнув, открыла массивную дверь. Я последовал за ней, ожидая встречи с самим воплощением зла. Но увидел лишь двух премилых старушек. Одна из них вязала, вторая вышивала подушечку для булавок. Задняя стена камеры была расписана в виде сельского сада с множеством роз, лилий и маков. Украшениями для других стен служили аккуратные вышивки.

– Доброе утро, Дорис. Доброе утро, Рут, – поздоровалась с ними начальница тюрьмы. – А к тебе, Рут, я привела посетителя.

Рут Мэллори – мужеубийца – оторвалась от вязания. Ее седые как снег волосы были собраны в пучок, как это было модно более тридцати лет назад. Лицо казалось румяным и даже не слишком морщинистым. Глядя на нас, она улыбнулась, напоминая несколько идеализированный портрет доброй бабушки.

– Это всегда такое удовольствие повидаться с кем-то, кто пришел с воли, – сказала она мягким, чуть дрожащим голосом.

– Я хочу, чтобы вы прошли в мой официальный кабинет, Рут, – распорядилась начальница. – Доктору Уэстлейку необходимо кое-что выяснить, и, как мне кажется, ты можешь ему помочь.

Старушка оживилась и заулыбалась, как маленькая девочка, получившая неожиданный подарок. Взяв с собой свое вязание, она нетвердо поднялась на ноги, помахала рукой своей подружке – такой же милой старой женщине (которая, возможно, зарубила топором собственную мать) – и последовала за нами в коридор.

Старшая надзирательница провела нас в просторную, но скудно обставленную комнату, куда вела дверь из центрального холла. Когда мы уселись в кресла, она предложила старушке сигарету.

Рут Мэллори была в шоке.

– Никогда в жизни не курила и не употребляла алкоголь, начальница, – сказала она с чувством собственного достоинства, а потом обратилась ко мне: – Сейчас я вяжу свитер для внука. На следующей неделе он женится. Это будет мой свадебный подарок.

– Прекрасно придумано, – сказал я с чувством неловкости, потому что ничего другого в голову не приходило.

– Так вот, Рут. Доктор Уэстлейк приехал из Мыса Талисман. Его интересуется Кора Митчелл. Верно я говорю, доктор?

– Меня особенно интересуют подробности ее ареста, – сказал я. – Значительная часть истории мне известна. Я знаю, что Кора, ее муж и еще один подельник похитили черный бриллиант Хогана и убили его. Мне известно, что мужчин схватили и казнили на электрическом стуле, а Кору взяли, когда она приехала навестить умирающего отца. Но вот детали ареста... Кто при нем присутствовал, как ее арестовали? Мне бы хотелось больше узнать об этом.

– Кора! – Рут Мэллори печально покачала головой. – Все они появляются здесь у меня на глазах, доктор Уэстлейк. А потом я с ними расстаюсь. И мне всегда доверяют. «Матушка Рут» – так они меня зовут. Некоторые попадают сюда, потому что им просто не повезло в жизни. Другие же – настоящие преступницы. Кора Митчелл принадлежала к числу неисправимых, – с вязальными спицами Рут обращалась как истинная мастерица. – Но при этом она была очень умна. Любила хвалиться, сколько успешных крупных ограблений они успели проверить с мужем, пока не случилась неприятность с Хоганом. И не думаю, чтобы она преувеличивала.

Старушка недолго помолчала.

– Да, и был, конечно, тот черный бриллиант. Как говорили, он один стоил целого состояния. И ей удалось от него избавиться, хотя полицейские считали, что бриллиант находился при ней во время ареста. Уж в уме и ловкости ей никак не откажешь. Она и нам намекала об этом. – Рут Мэллори снова покачала головой. – Хвастливая была девица и вконец испорченная. Как ни грустно это признавать, Кора Митчелл уже родилась с глубокой червоточиной. Ей суждено было встать на дурную дорожку.

Я считал за лучшее не перебивать ее и позволить старой женщине продолжить свой рассказ.

Она посмотрела на меня серьезными, добрыми глазами.

– Я сказала, что Кора Митчелл была совершенно испорченным человеком, но и в ней присутствовала одна положительная черта. Совершенно, казалось бы, неожиданная. Она безумно любила отца. О да! И оказалась готова рискнуть жизнью, чтобы увидеться с ним в последний раз перед его смертью.

– Но ведь она с ним так и не увиделась, верно? – все же вставил вопрос я. – Он умер за пару дней до того, когда она явилась в отцовский дом и была там арестована.

Взгляд Рут Мэллори устремился куда-то очень далеко.

– Старый Джон Митчелл. Он был рыбаком из Мыса Талисман. Его сестра вышла замуж за моего двоюродного брата. Я часто гостила у них. Кору запомнила еще совсем маленькой девочкой. И еще ее братца – смешного такого парнишку, который никогда не хотел играть с другими детьми. Мне потом рассказывали, что он заработал кучу денег, построив себе там отель. Но в мои времена никаких отелей в Мысе Талисман еще не было. Кучка домов да старая церковь. До меня дошел слух, что нынче ее забросили, потому что океан подобрался совсем близко. – Она вздохнула. – Смешная штука жизнь, не правда ли? Я не видела океана больше тридцати лет, а в молодости так любила его!

Она сделала еще одну паузу, потом словно встряхнулась.

– Да, но ведь вас интересует Кора. Конечно, конечно. Я много раз слышала эту историю из ее собственных уст. Она часто жаловалась на своего брата и очень сердилась на него. Понимаете, он ведь был там, когда она проникла в дом и попала в расставленную полицией ловушку. А арестовал ее этот Джо Барнс. Знала его еще совсем мальчишкой. Бездельник был еще тот. Вечно ходил ловить рыбу, все время пачкал свою одежду. Кора вошла с заднего двора через черный ход, а там-то ее и поджидал Джо Барнс с наручниками наготове.

– А отец к тому времени уже умер? – спросил я.

– Да. Это-то и разбило Коре сердце. Она всего на два дня опоздала. Гробовщик тоже там был, когда она явилась в родительский дом. Занимался телом наверху.

– Гробовщик! – воскликнул я. – А вы случайно не помните...

– Его звали мистер Ашер. Мы частенько и сейчас видим его здесь, в тюрьме. А тогда специально приезжал к Коре, чтобы она узнала, какие достойные похороны он собирался устроить ее отцу.

– Продолжайте, – взволнованно сказал я.

– Так вот... – Рут Мэллори наклонилась, чтобы подобрать упавший на пол клубок шерсти. – Кора при аресте умоляла позволить ей проститься с отцом, увидеть его тело хоть на минутку. Брат был решительно против, но у Джо Барнса доброе сердце. Он лично проводил ее наверх. Помню, в

глазах Кору всегда стояли слезы, когда она мне рассказывала об этом. Воистину грустно все получилось. Вот стоит она в наручниках, прикованная к Джо Барнсу, а рядом другой полицейский. Ей разрешили всего лишь раз склониться к гробу, чтобы поцеловать покойника в лоб, а потом увезли. Да, ведь она никогда не попала бы, если б не приехала повидаться с отцом перед его смертью. Мне даже жаль, что я назвала ее скверным человеком. Было в этой женщине и что-то хорошее. А теперь она тоже умерла. Нет ее больше с нами.

– Когда она умерла, – спросил я с напряженным вниманием, – вы находились с ней рядом?

– Нет. Только Лена. Доктор великодушно дал мне шанс проститься с ней, но я не люблю видеть, как люди умирают. А она уже тогда металась в бреду. Здешние девушки стали потом рассказывать, как это было. Такое впечатление, что она и в бреду все поминала об отце. Выкрикивала: «Мне суждено было только поцеловать его мертвое тело!» И другие страшные слова. Как же это ужасно, доктор Уэстлейк. А в своем преклонном возрасте я подумала, что не перенесу такого зрелища. – Она зябко поежилась. – А ведь был еще сын. Да, если вы не знали, у Кору остался сын. Бедный мальчик! Когда ее арестовали, какие-то люди усыновили его. Он никогда не видел свою мать, даже не знал о ней ничего. Зато она о нем помнила, хранила его фото – симпатичный светловолосый малыш, такой красавчик, каких мало. Несчастливая Кора. В предсмертном бреду она и его звала все время.

Я прикладывал все усилия, чтобы скрыть овладевшее мной чувство торжества. Эта очаровательная престарелая убийца в своем не слишком связном рассказе давала больше информации, чем я мог ожидать в самых смелых мечтах.

– Кора и Лена, – старушка положила вязание на колени, – они стали настоящими подругами. Не разлей вода. Обе не слишком хорошие женщины, но вот – поди ж ты! – буквально полюбили друг друга. Не разлучались ни днем, ни ночью. – Рут Мэллори с улыбкой посмотрела на начальницу тюрьмы. – Думаю, у вас из-за них возникало больше проблем, чем из-за всех остальных, вместе взятых. Что ж, теперь их здесь нет. Кора умерла, а Лена вышла на волю. Нам всем стало без них немного легче жить.

Мои мысли металась в стремительных размышлениях, и я лишь смутно расслышал голос старшей надзирательницы:

– У вас еще остались вопросы, доктор Уэстлейк?

– Да, но самый последний. Когда умерла Кора Митчелл, я полагаю, ее похоронили здесь же, на тюремном кладбище?

Начальница кивнула.

– Да. Родственники имели право затребовать тело, но почему-то никто этого не сделал. А в таких случаях погребение происходит здесь.

– Понятно. – Я поднялся. – Наверное, это все. Спасибо большое. И вам тоже, миссис Мэллори, я глубоко благодарен.

Старушка приняла благодарность как должное, тоже встала и протянула свое вязание, чтобы я смог разглядеть его.

– Хорошего цвета пряжу я подобрала для этого свитера, как вам кажется? Надеюсь, внуку он придется по душе.

– Уверен, так и будет.

Миссис Мэллори – этот вариант члена семейства Борджиа из Новой Англии – благосклонно улыбнулась мне и вышла из комнаты, чтобы вернуться в камеру, где уже провела тридцать пять лет жизни и где, несомненно, ей было суждено закончить свои земные дни.

XXI

Когда я покинул территорию женской тюрьмы, с погодой уже творилось нечто невероятное. Небо над крышами домов с северо-востока пульсировало черно-синими сполохами, а по улицам гулял яростный и устойчивый ветер.

Еще этим утром я был так же далек от раскрытия преступлений на мысе Талисман, как любой непосвященный в эти дела. Теперь совершенно невероятная схема, скрывавшаяся за ними, представилась мне абсолютно ясной. Направляя машину Митчелла через обшарпанные окраины Халинга, я ощутил приступ тщеславия. Мне представилось, какое выражение примет лицо инспектора, когда сообщу ему новости. Это будет воистину замечательное зрелище!

Я выехал на пустынную прибрежную равнину, которая отделяла Халинг от совсем уединенного захолустья, каким был Мыс Талисман. Ветер ударял в бок автомобиля, стремясь опрокинуть его, словно машину атаковало стадо невидимых, но агрессивно настроенных баранов. Тучи чернильным пятном расплылись теперь по всему прежде серому небу и пропитали его, как промокательную бумагу. Редкие деревья, растущие среди дюн, под напором ветра клонились почти до самой земли, их стволы гнулись, как тонкие прутья ивы. Но, несмотря на злобный вой ветра, побережье еще только готовилось к чему-то, ожидало гораздо более мощного разгула стихии.

А потом хлынул дождь. Под такой ливень я не попадал никогда в жизни. Небо словно раскололось, и вода обрушилась на землю сплошной стеной. Мне пришлось притормозить и вести машину со скоростью улитки. Видимости впереди едва хватало на фут. Но чем медленнее я ехал, тем заметнее становился напор обезумевшего ветра.

Кое-как я продвигался вперед и оказался, должно быть, в трех милях от Мыса Талисман. Но как раз в этот момент под особенно сильным порывом ветра машину стало заносить вбок. Я отчаянно вращал руль, но ничто не помогало. Несколько секунд спустя автомобиль мистера Митчелла прочно засел в глубоком кювете за обочиной. Теперь, чтобы вернуть его на дорогу, требовался хотя бы трактор.

Буря разыгралась неистово, и при обычных обстоятельствах можно было бы сдаться и попробовать переждать ее, сидя в машине. Но в том-то и дело, что я крайне остро осознавал лежавшую на мне ответственность как на единственном человеке, сумевшем раскрыть убийства, нашедшем ключ к разгадке тайны. Опасность все еще продолжала угрожать другим людям. Быстрота действий становилась для меня насущной необходимостью. Чтобы устранить угрозу, следовало как можно скорее добраться до «Талисман-инн».

На мне не было даже плаща, когда я бросился бежать сквозь дождь, преодолевая сопротивление ветра и прочие препятствия. Что и говорить, натерпелся при этом немало. Разумеется, ни одной другой машины на дороге так и не показалось. Я чудом избежал гибели, когда старый телеграфный столб не выдержал неравной борьбы с бурей и рухнул в каких-то трех футах от моей головы. Но в результате мне почти невообразимым образом удалось выйти к зданию гостиницы.

Входная дверь, как и следовало ожидать, оказалась заперта и на замок и на засов. Я принялся барабанить в нее. При этом сбил кулаки почти до крови. И лишь через продолжительное время изнутри донеслось восклицание, звук шагов и скрежет металла. Дверь резко распахнулась, и меня очередным порывом ветра внесло в вестибюль.

После чего Митчелл совместно с поваром, который меня и впустил, навалились на дверь, чтобы снова закрыть ее. Несмотря на полнейшее изнеможение, промокший до нитки, я тоже кинулся на помощь. Втроем нам удалось дожать дверь до положения, когда засов снова задвинулся. После чего я рухнул в одно из покрытых веселеньким кретоном кресел мистера Митчелла, хотя понимал, что обивку потом уже не восстановишь.

Но волнение мистера Митчелла достигло такого накала, что ему было уже не до сохранности мебели.

– Доктор Уэстлейк, вас все это время не было в отеле. – Он нервно сжимал свои ухоженные руки. – Слава небесам, вы невредимы! Это худшая буря за много лет. Вероятно, она получит наименование урагана. Океан подступил к самому порогу, а прилив все еще поднимается. – Он смотрел на меня глазами, полными отчаяния. – Боюсь, что отелю конец. Я опасюсь...

В этот момент почти бегом вернулся удалившийся в кухню повар с восклицанием:

– Крыша дала течь. Дождь залил комнату наверху, и вода теперь проникла в кухню. Мы подставили ведра. Но это ужасно, ужасно.

Митчелл, охая, ушел вместе с ним. Если бы я промок не так сильно, то подумал бы, вероятно, что нужно сначала сменить одежду и обсушиться. Но в нынешнем положении меня не занимали

столь тривиальные вещи. Мое сознание было полностью сконцентрировано на предстоявшей миссии. А на Митчелла я серьезно рассчитывал, когда планировал процесс завершения расследования. Поэтому мне пришлось подняться и поспешить вслед за ним.

В кухне воцарился полнейший хаос. Буря ревела так громко, словно бушевала уже в самой гостинице. Отчасти так оно и было. Вода струями лилась с потолка. Повар и Митчелл крутились, хватая любые емкости и подставляя под самые сильные протечки.

Я подошел к управляющему.

– Митчелл, – сказал я. – Мне нужно немедленно поговорить с вами. Об убийствах.

Дверь из коридора распахнулась, и в кухню ворвался Вирджил Фэншоу. Он буквально схватил повара за грудки.

– Вода заливает весь этаж. Видимо, сорвало часть крыши. Тащите ваши тазы и ведра наверх как можно быстрее.

Он сам схватил все, что попало под руку, повар сделал то же самое, и они вдвоем ринулись к лестнице. Митчелл остался со мной наедине.

– Об убийствах? – Он уловил мои последние слова. – Нет, только не сейчас, доктор Уэстлейк. У нас других забот по горло. Нужно столько...

– Нет ничего важнее этого. Вы должны сделать важное признание. Ведь Бак Валентайн – ваш племянник, верно?

Митчелл с грохотом уронил на пол противень.

– Но, доктор Уэстлейк, откуда же...

– Я только что вернулся из женской тюрьмы в Халинге. Мне сказали, что у Кору Митчелл остался сын. Я видел ее фотографию и сразу заметил сходство. Волосы, очертания рта, глаза. Бак – сын Кору Митчелл. Вот почему вы предоставили ему работу, хотя на самом деле не нуждаетесь в спасателе, и по той же причине так беспокоились за него, что придумали фальшивое алиби на время смерти Мэгги Хиллман. Он ваш племянник.

Большинство ведер и кастрюль уже заполнились до краев, и вода стала переливаться на пол. Но Митчелл больше не замечал этого. Он ловил ртом воздух, как выброшенная на берег рыба.

– Да, так и есть. Бак сын Кору. Он был совсем младенцем, когда его отца... Когда отец умер, а Кора оказалась за решеткой. Я не мог заставить себя простить сестру. Но малыш – совсем другое дело. Мне не хотелось, чтобы он вырос и весь мир знал, чей... Кем были его родители. И отдал его на усыновление. – Он слегка покраснел. – Удалось организовать все частным образом, чтобы он не узнал своего благодетеля и кто его настоящие мать и отец. Этим летом он остался без работы. И тогда я предложил поработать здесь, чтобы выручить. Естественно, я не объяснил ему своих истинных мотивов. Он должен был думать, что это обычный трудовой договор и...

Митчеллу пришлось прерваться, когда крупный кусок штукатурки внезапно оторвался от потолка и с грохотом обрушился вниз.

– Вы ничего не рассказывали Баку о родителях, – упрямо продолжал разговор я. – Но он сам все узнал, ведь так? И это случилось всего несколько дней назад.

– Да, да, но каким образом...

– Вчера я случайно подслушал разговор у вас в кабинете. Было похоже на ссору. Я слышал слова Бака: «Ее тело нужно куда-то переместить». И подумал, что речь идет о ком-то на старом погосте. Но он имел в виду Кору, верно? Когда она умерла, вы не подали прошения о выдаче тела, и ее похоронили рядом с тюрьмой. А Бак, когда ему стало известно, что она его мать, пожелал устроить для нее достойные похороны. Вот в чем суть, не так ли?

Глаза мистера Митчелла выглядели совершенно изумленными, словно я показывал ему магическое представление, предъявляя факты с их объяснением, возникавшие ниоткуда.

– Да, было такое, – выдавил он из себя. – И у нас с ним действительно вышла ссора по этому поводу. Видите ли, я не мог изменить годами сложившегося отношения к Коре. Но в Баке разыграли эмоции. Он только что узнал о своем с ней родстве, и потому...

– Здесь все естественно, – перебил его я. – Хорошо, Митчелл. Спасибо. Это все, что я хотел уточнить, – а потом спросил: – Где Бак сейчас?

– Бак? Где-то в отеле. Борется с бурей, как и мы все.

К Митчеллу мгновенно вернулась прежняя озабоченность за судьбу своей гостиницы.

Он отошел от меня, схватил очередную глубокую сковороду, а потом без особого толка поставил ее почти у моих ног. Я же поспешил выйти из кухни и отправился на поиски Бака.

После этой несколько сбивчивой беседы во мне укрепилась симпатия к отчаянно старавшемуся сохранять элегантность во всем мистеру Митчеллу. Его невозможно было винить за неприязненное отношение к такой темной личности, как Кора Митчелл-Ласки. Между тем все эти годы он втайне материально поддерживал Бака. И даже придумал для него работу, когда молодой человек остался не у дел. Но особенно тронула меня готовность Митчелла защищать его от подозрений, даже идти на откровенную ложь, с тех самых пор, как Бак попал на заметку полицейским в связи с убийствами.

Митчелл не был образцовым братом, но из него вышел дядя, достойный подражания.

Буря тем временем не только не утихала, но, казалось, набирала все большую силу. Странное это было ощущение – находиться в не слишком крепкой деревянной постройке, которая с трудом выстояла под напором предыдущего урагана, а перед нынешним почти капитулировала. В коридоре вода текла с потолка, как и в кухне. И хотя все окна и двери тщательно заперли, ветер играл с портьерами, вздымал край ковров и даже заставлял дрожать мебель, словно кто-то включил гигантский, но невидимый пылесос, а потом бросил его на произвол судьбы, позволив свободно перекатываться из комнаты в комнату.

Митчелл вполне мог оказаться прав. Если это продолжится немного дольше, все здание попросту рухнет нам на голову.

Поиски Бака среди помещений отеля, содрогавшихся от ударов стихии, ни к чему не привели. Но Вирджил Фэншоу, стоявший на коленях в собственной спальне и пытавшийся собирать воду с пола, сообщил, что видел спасателя на террасе. Я снова быстро спустился вниз. Дверь оказалась закрытой, но мощный порыв ветра помог распахнуть ее, чуть не отшвырнув меня назад в глубь вестибюля. Я с трудом проник на застекленную террасу, причем сумел вновь закрыть за собой дверь.

Бак был там. Он где-то нашел старые доски и делал безуспешную попытку приколотить их гвоздями вместо выбитого стекла, чтобы террасу окончательно не снесло ветром. Дождь хлестал в него беспрепятственно, а ветер плотно прижимая рубашку и брюки к мускулистому телу. Я с трудом пересек террасу, чтобы приблизиться к нему. И при этом сквозь обнажившийся оконный проем передо мной предстала новая картина разбушевавшейся снаружи бури.

Грохот прибоя заглушал даже вой ветра. Пораженный, я только сейчас понял, насколько реальную угрозу представлял для нас океан. Некоторые волны разбивались уже настолько близко к террасе, что их брызги проникали внутрь. Прибою – огромным и яростным океанским валам – оставалось до нее всего несколько ярдов.

Я подошел к Баку сзади и окликнул по имени, но он не услышал меня. Тогда потянул парня за рукав, он повернулся, и лицо его просветлело. Он что-то выкрикнул и протянул мне тяжелую доску. Я и оглянуться не успел, как принялся активно помогать.

Разговаривать было совершенно невозможно. Мне пришлось оставить все попытки, и мы вдвоем некоторое время старались создать препятствие на пути воды и ветра. Приложив сверхчеловеческие усилия, мы ухитрились закрыть почти половину террасы. Но в этом и крылась наша роковая ошибка. Мы сумели закупорить единственный путь для ветра наружу. Волны с каждой минутой накатывались все ближе. Когда особенно высокая ударила в стену террасы, Бак схватил меня за руку и потащил к другой двери. Мы выскочили через нее в общую гостиную отеля, сумев закрыть дверь за собой.

Пытаясь отдышаться, стояли, прислонившись к сотрясавшейся деревянной стене, когда с противоположной стороны донесся отчетливый грохот. Бак выглянул в окно и усмехнулся.

– Прощай, терраса!

Я встал рядом. Терраса, на которой тихими вечерами любил расположиться со своей Библией мистер Ашер, оказалась полностью сметена. Если бы мы с Баком задержались на ней лишнюю минуту, то кататься бы нам сейчас среди дюн.

Бак тем не менее ухмылялся с таким видом, словно ему нравился этот борцовский поединок с силами природы. Он утер капли воды со лба и опустил в кресло.

– Ух ты! Вот это буря так буря! А где были вы?

Я уселся в соседнее кресло. Это был уже второй предмет мебелировки, принадлежавшей мистеру Митчеллу, который я безнадежно портил.

– Только что вернулся из Халинга, – поведал ему я. – Посещал там женскую исправительную колонию.

Бак мгновенно насторожился.

– Вот оно как!

– Да. Послушай, Бак, мне теперь известна правда. Я знаю, что ты сын Кору Митчелл-Ласки.

Парень напрягся и чуть привстал из кресла.

– Тебе не о чем тревожиться, Бак. Я не собираюсь никому об этом рассказывать. Кстати, Митчелл все подтвердил. А мне лишь нужна твоя помощь. Это крайне важно для того, чтобы раскрыть убийства.

– Убийства? – воскликнул Бак. – Но каким образом это имеет отношение...

– В тот вечер, когда я вломился к тебе в комнату и застал мисс Хейвуд... Именно тогда она рассказала, что Кора приходилась тебе матерью, верно? Раньше ты и не подозревал об этом. Митчелл хранил секрет.

Бак кивнул, сразу же обмякнув.

– Да, так и случилось, но...

– А рассказала ли она, где познакомилась с твоей мамой? О том, как они делили камеру в женской тюрьме?

– Делили камеру? Нет, она не говорила мне ни о чем подобном. Сказала только, что была подружкой Кору, виделась с ней перед ее смертью, а потом... Потом посчитала своим долгом сообщить правду ее сыну. Так это звучало в изложении мисс Хейвуд.

– Понятно. – Я смотрел прямо в глаза молодому человеку, который под моим пристальным взглядом слегка поежился. – Вероятно, она обладала даром убеждения. Потому что каким-то образом заставила помогать ей копать на старом погосте. Вот это меня крайне интересует. К какой уловке она прибегла, чтобы заставить тебя участвовать в этом?

Бак провел растопыренной пятерней по растрепанным и мокрым волосам.

– Я был настолько поражен, Уэстлейк, что не знал, как мне быть, что делать дальше. Конечно же, мне было все известно о Коре Митчелл. В этой дыре о ней знает каждый. А потом как гром среди ясного неба... Оказывается, она была моей матерью. Вы сочтете меня ненормальным, но я даже обрадовался этой новости. Знать, кто твоя мать, – даже если она такая, как Кора Митчелл, – все же лучше, чем не знать ничего. А эта мисс Хейвуд только и делала, что твердила о том, как Митчелл отказался устроить для сестры достойные похороны. И еще... – Он осекся. – О последнем желании, высказанном Корой перед смертью.

– О последнем желании?

– Да. Это внушала мне мисс Хейвуд. Рассказывала, как сильно Кора любила своего отца, и хотела перед смертью, чтобы его прах перенесли со старого погоста на новое кладбище, где могиле ничто не будет угрожать. По ее словам, только Митчелл как сын старика мог все сделать через Гилкрайста и местный совет по здравоохранению, но отказался. Разумеется, если бы я был готов оповестить весь мир, что я сын Кору, то мог бы и лично получить разрешение. Но это создало бы ненужную шумиху и заняло слишком много времени. Так говорила мисс Хейвуд.

– И потом она предложила, чтобы вы вдвоем тайно и под покровом ночи перенесли гроб сами?

Бак покраснел.

– Да. Хотя уже тогда эта затея представлялась мне безумной, я оказался настолько сбит с толку, так во всем запутался, что согласился. Сказал, что помогу ей той же ночью. Мы собирались по крайней мере вырыть гроб и перезахоронить его подальше от края погоста, где-то в более безопасном месте, потом я мог попытаться уговорить Митчелла или кого-нибудь другого помочь уладить формальности. – Он пожал плечами. – Мисс Хейвуд сказала, что вы знаете точное расположение могилы. Сама она не была уверена. Посоветовала узнать у вас, и я попробовал это сделать, хотя получилось очень неуклюже, как мне показалось. Ночью тайком выбрались из отеля вместе. Как я понял, вы нас видели, верно? Мы начали копать, но потом кто-то появился и спугнул нас. Хотя, как оказалось, была разрыта не та могила, верно? Это было захоронение старика Фэншоу.

Стало быть, мисс Хейвуд сделала ставку на наивность молодого Бака и на его ошеломленное состояние после узанных новостей о своем происхождении. Она прибегла к сентиментальной лжи о последнем желании Кору, чтобы достичь своей цели. Парень был ей нужен, разумеется, по двум причинам: во-первых, как рабочая сила для проведения раскопок, а во-вторых, для того, чтобы выведать у меня точное расположение могилы.

Бак продолжал:

– А потом вы вчера наповал убили меня известием, что мисс Хейвуд была торговкой наркотиками. Я ведь и без того сильно сомневался в правильности того, чем мы с ней занимались. После же ваших слов решил не иметь с ней больше ничего общего. Прошлым вечером она снова стала просить о помощи. Я отказал ей. – Он слабо и смущенно улыбнулся. – И правильно сделал, не так ли. В противном случае меня бы точно заподозрили в ее убийстве. Повезло, ничего не скажешь.

Я не стал уточнять, повезло ему или нет в данном случае.

– В ту ночь, Уэстлейк, когда вы пришли ко мне и сообщили об убийстве Мэгги, вы, должно быть, решили, что имеете дело с редкостным мерзавцем и обманщиком. На самом же деле я тогда очень плохо соображал вообще. Мисс Хейвуд только что рассказала мне, что Кора Митчелл была моей матерью. Я не мог думать в тот момент ни о чем другом. – Он коротко и хрипло рассмеялся. – Отпрыск преступницы и убийцы! Наверное, со временем сумею с этим смириться. Пусть тогда все узнают правду. Но сейчас...

– Не переживай, Бак. Я все сохраню в тайне. Если кому-то и придется рассказать, то только инспектору Суини. Обещаю.

Теперь мне оставалось выяснить всего лишь одну подробность. Но это была самая важная деталь – от нее зависело, устоит мое обвинение против убийцы или развалится. Я был почти уверен, что моя версия верна. Но только один человек мог окончательно подтвердить это. Сержант Барнс. Найти его, задать единственный вопрос, а затем можно отправляться напрямиком к Суини. Вот как все выглядело просто на первый взгляд.

Но переполненный энтузиазма, я напрочь забыл, что снаружи бушует буря. При отсутствии телефонной связи и в условиях полной изоляции отеля мое желание найти Барнса и Суини оказалось трудно выполнимым.

Когда я встал, чтобы уйти, сверху раздался глухой стук, за которым последовал визгливый вскрик. И почти сразу темная фигура Бенджамина Ашера скатилась по лестнице прямо к нам.

– Это потолок в моей спальне, – задыхаясь, сказал гробовщик. – Он обрушился. Целиком. Я... Меня чуть не погребло под ним.

За ним следовал Фэншоу с закатанными рукавами своей рабочей куртки, со спутанными и мокрыми темными волосами.

– Половины крыши уже нет, – сказал он. – А штукатурка...

– Отель скоро совсем развалится, – простонал Ашер. – Нам нужно выбираться отсюда. Любым способом, но...

– До этого не дойдет. – Бак ободряюще похлопал похоронных дел мастера по плечу. – Дом достаточно крепкий. Здесь намного безопаснее, чем снаружи.

Он еще не успел закончить фразы, когда по лестнице неспешно спустилась Мэрион Фэншоу. Своего мужа она старательно избегала, не обратила внимания ни на кого из нас. Подойдя к окну, она с волнением стала наблюдать за накатывавшимися валами прибою.

Затем вдруг распахнулась дверь кухни. Единственная оставшаяся у мистера Митчелла официантка, вся промокшая и в перепачканной одежде, быстро подошла ко мне.

– О, доктор Уэстлейк! Мне только что сообщили, что вы вернулись. После вашего отъезда поступило вот это. – Она подала мне сильно помятую телеграмму. – Почтальон жаловался, что адрес дали неполный. Только: «Уэстлейку. Мыс Талисман». Телеграмму отправили еще прошлым вечером, но вас никак не могли найти.

Я вскрыл промокший конверт, чтобы достать листок с текстом. И стоило прочитать его, как все поплыло у меня перед глазами. Там значилось следующее:

Ужасно обеспокоена. Дети не прибыли указанным поездом. Что случилось?
Пожалуйста, ответь немедленно. Тетя Мейбл.

До меня смутно донесся голос Вирджила Фэншоу:

– Дурные новости, Уэстлейк?

Я постарался взять себя в руки. Ведь новости были такими же неприятными для Фэншоу, как и для меня самого.

– Дети, – ответил я. – Они не добрались до места.

Лицо Фэншоу сразу покрылось мертвенной бледностью.

– Как это – не добрались? Что вы имеете в виду?

Мэрион отвернулась от окна и пристально смотрела на меня.

– Даже... Даже не знаю, – промямлил я. – Мне ничего неизвестно. Только они не доехали до нужной станции. Что-то могло произойти по дороге. Какое-то непредвиденное...

– Но что могло произойти? Вы же лично посадили их на поезд.

– Да, конечно.

Воспоминания с бешеной скоростью крутились теперь у меня в голове. Упрямое изначальное нежелание Дон уезжать отсюда. Потом ее удивительная покорность и согласие. Пришло на память, как я застал детей, которые заговорщицки перешептывались в номере Дон. Невольно подумалось о странной сумме в три доллара и сорок шесть центов, которую они потребовали с меня. Она явно превышала количество денег, необходимых им в дороге.

Что, если Дон и Бобби решили тайно вернуться в Мыс Талисман? Дон была вполне способна придумать столь вздорный план. У меня мурашки пробежали по спине. Они могли сейчас находиться в любом месте, которое представлялось детскому уму надежным укрытием, а теперь охваченным свирепой бурей.

Темные глаза Фэншоу тоже наполнил нескрываемый ужас.

– Как мы могли отправить их на поезде одних? Почему? Положим, Суини желал, чтобы вы оставались здесь, Уэстлейк. Но ведь с ними мог поехать я сам. Отчего же...

Он не закончил фразы, но мне было понятно, что скрывалось в ее продолжении и какие черные мысли закрались ему в голову. Марти погиб отчасти по его вине. А теперь еще и Бобби пропал. И Вирджил понимал, что мог предотвратить это, если бы поступил иначе.

На Мэрион он не смотрел. И не думаю, что осмелился бы. Зато мне ничто не мешало. Она все так же стояла у окна, но под мягкой светлой челкой на ее лице читался неописуемый ужас.

Из мрачных размышлений меня вывел неожиданно громкий голос из вестибюля. Затем в гостиную вошел сержант Барнс в блестящем от влаги плаще-дождевике. Пять минут назад он был единственным человеком, которого мне срочно хотелось найти. А теперь я едва заметил его появление.

Барнс все еще стряхивал воду с плеч и с головы.

– Вот, с трудом добрался сюда из городка, – чуть отдышавшись, объяснил он. – Прямоком через старый церковный двор. На этот раз там уже точно не останется ничего. Волны перекатываются через весь погост и добираются почти до входа в церковь. Не удивлюсь, если и она не устоит.

Он надувал щеки и переминался с ноги на ногу в своих тяжелых башмаках.

– А буря не собирается униматься. Наоборот, все усиливается. Уже даже начал думать, не поворотить ли назад. Пару раз волны так и норовили опрокинуть меня. Дюну смыло начисто, и теперь уносит землю с погоста. Океан уже плещется у самого входа в церковь. Да, джентльмены, кажись, сегодня ей придет конец. Впрочем, быть может, так оно даже к лучшему, а?

На него никто не обращал внимания. Он помотал головой, и на его лице вдруг появилось странное выражение – смесь удивления и смущения.

– Знаете, похоже, я становлюсь пугливым, как старые кумушки из Мыса Талисман. Пока я пробирался мимо церкви под завывание ветра, то мне почудилось, что в церкви слышен какой-то шум. Странное дело, ей-богу!

– Шум? Что за шум? – встрепнулся я.

– Даже не знаю, поверите ли, если опишу. Словно бы голоса. И они что-то пели. Тоненько, как поют дети.

Детские голоса в церкви! В одно мгновение у меня в голове все встало на свои места.

Я резко повернулся к Фэншоу.

– Наши дети! – крикнул я. – Бобби и Дон. Они в старой церкви!
Фэншоу уставился на меня как на окончательно выжившего из ума.
– В церкви?
– Идемте же! Надо забрать их оттуда.

Я ухватился за его руку. Он все еще плохо соображал, но, не возразив мне больше ни словом, бегом устремился за мной к двери.

– Вирджил! – вдруг раздался пронзительный голос Мэрион. А я со странным ощущением понял, что жена впервые при мне обратилась к мужу по имени. Она вцепилась в другую руку Фэншоу. – Вирджил, ты не можешь быть уверен, что дети там. Тебе не следует выходить из гостиницы. Только не в такой ураган. Ты рискуешь погибнуть!

Но Вирджил вырвал руку из ее пальцев и присоединился ко мне у входной двери. Вместе мы стали в лихорадочной спешке отодвигать засов.

– Вирджил! – Голос Мэрион зазвенел снова, высокий и напряженный. – Сержант Барнс говорит, что весь церковный двор уже почти смыло. Тебя унесет в открытое море. Ты... Вернись, вернись немедленно!

Не сдерживаемая засовом, дверь резко распахнулась внутрь. Склонившись как можно ниже, чтобы легче преодолеть сопротивление ветра, мы двинулись вперед, оставив дверь беспорядочно болтаться на петлях у нас за спинами.

Голос Мэрион тихо донесся в последний раз и окончательно пропал в шуме ветра и волн. Мы оказались среди хаоса, в который превратились дюны мыса Талисман.

Мое сердце бешено колотилось. Тревога грызла меня изнутри, как поселившаяся в кишках крыса. Дочь была где-то там, в старой церкви. А церковь грозило вот-вот снести океанскими волнами.

Я должен был спасти Дон...

XXII

Свирепый порыв ветра, за которым последовал сокрушительный удар волны, заставил меня покачнуться в сторону. Когда же я снова обрел равновесие, Фэншоу пропал из вида за сплошной стеной дождя. Я с трудом продвигался вперед, определяя направление чисто инстинктивно. Еще более мощная волна все же сумела сбить меня с ног, а потом с шипением потащила за собой в сторону океана. Но, цепляясь за камни и любую попадавшуюся под руки скудную растительность, мне удалось подняться и продолжить путь.

Фут за футом я шел дальше, подгоняемый страхом за Дон. При этом где-то на задворках моего сознания шевелилась мысль о том, что буря, превратившаяся в подлинное бедствие и испытание для семьи Фэншоу и для меня, грозила убийце все изменить. Она вполне была способна сделать смерти трех женщин совершенно бессмысленными и унести с собой вождельный успех плана, который казался так близок.

Но она могла помешать и мне завершить раскрытие этого дела.

Редкие просветы в пелене дождя давали возможность увидеть огромные океанские валы да дрожавшие, лишившиеся листы кусты и практически ничего больше. Казалось, у меня нет ни шанса добраться до старого кладбища, не говоря уже о том, чтобы оказаться там вовремя.

Когда я почти лишился последних надежд, совершенно неожиданно натолкнулся на сильно покосившееся надгробие. Я достиг нужного места.

Море грохотало и злобно шипело всего в нескольких футах от меня. Еще вчера последние из уцелевших могильных камней стояли в десятках ярдах от оконечности выступа. Но сейчас волны уже перекатились через него и свободно гуляли в той самой важной для нас части погоста, где находились захоронения мистера Митчелла, мистера Фэншоу и Ирен Кейси, куда прошлой ночью Лена Дарнелл пришла, чтобы забрать свою вполне заслуженную награду.

Во мне зародилось отчаяние. Старая церковь стояла как раз между границей кладбища и этими пока еще державшимися надгробиями. Значит, и она уже находилась посреди пенившихся бурунов.

Я заставил себя двигаться дальше, хотя дышал как полностью истощенный бегун на длинные дистанции. Неожиданно прямо перед собой я разглядел темную фигуру Фэншоу. Никогда прежде не встречал настолько промокшего человека, если не считать меня самого. Его лицо, по которому струями стекала вода, было призрачно белым.

Он что-то выкрикнул и начал тащить меня прямо в сторону того места, где о землю разбивались гребни волн.

Но я уже даже не ощущал воды, которая порой доходила мне до пояса. Стерев с глаз влагу, сумел разглядеть очертания старой церкви. Крышу с нее сдуло полностью. И что-то явно ненормальное происходило с колокольной – с той самой башней, откуда разнесся маниакальный набат, возвестивший о смерти мисс Хейвуд. Она накренилась под очень опасным углом.

Теперь я был одержим только одной мыслью – о Дон и Бобби, спрятавшихся где-то внутри обреченного здания и окруженного водой со всех сторон. После того как разразилась буря, шансов уйти отсюда у них уже не оставалось. Этим ветром любого ребенка подхватило бы и понесло как перышко.

Прилагая невероятные усилия, мы с Фэншоу двигались, преодолевая водную преграду. По мере приближения я все отчетливее видел темное пятно в белой стене церкви на том месте, где еще вчера находился портик при входе. От него не осталось и следа. Только черное пятно, зияющая дыра...

Я из последних сил бросился к ней. Выбросив руку вперед, вцепился в неровный край стены и толкнул себя внутрь церкви. За мной с огромным трудом поспевал Фэншоу.

Внутри церкви царило безумие, какое не смог бы отобразить никакой Дали. Грязно-серая морская вода плескалась по всему полу. Нам она доходила до коленей. Над головой вместо крыши зияло черное небо, с которого лились все новые потоки дождя. А по сторонам при каждом порыве ветра даже каменные стены содрогались как картонные.

Это больше не было церковью. Таким мог увидеть в своем воспаленном воображении плавательный бассейн пациент из сумасшедшего дома.

– Дон!

Грозившие в любой момент рухнуть стены отразили мой голос пугающим эхом.

Я попытался убедить себя, что детей здесь никогда и не было, а все происходившее являлось не более чем наваждением, навеянным случайным замечанием Барнса о детских призраках, распевавших внутри церкви.

– Дон!

Старая драпировка, промокшая и надорванная, хлестала по одной из стен. Мне вспомнилась крохотная комнатка у основания башни, на пол которой свисала веревка от колокола. Я кинулся к драпировке и откинул в сторону с такой силой, что ее сорвало с карниза, а потом сделал шаг сквозь почти клейкий слой воды.

– Дон! – снова выкрикнул я.

И в то же мгновение увидел детей.

Поперек небольшого помещения у подножия колокольни проходила деревянная балка, располагавшаяся на высоте пяти футов от пола. Ее дополнительно установили там, чтобы, по всей видимости, придать строению немного прочности. И на этой балке над бурлящей водой пристроились Дон и Бобби. Они смотрели на меня как два нахохленных совенка.

Их одежда превратилась в нечто неопишемое. Скромное, хотя и праздничное розовое платье Дон, специально выбранное для визита к тете Мейбл, стало подобием облежавшего тело костюма, разорванного на полосы, такое одеяние современные театральные художники создают для образов ведьм в мюзиклах. Верхнюю часть тельца Бобби покрывали жалкие остатки матросской курточки, но какая-то неведомая причина полностью лишила его брюк. Ниже пупка виднелись только голые ноги и ключья от трусов.

– Слава богу! – пролепетал я. – Слава богу, я вас нашел! – а потом крикнул: – Сюда, Фэншоу, быстрее! Они здесь. Они в порядке.

А дети смотрели на меня как на дурачка. В их взглядах читалось только радушие хозяев, принимавших гостей на чашку чая.

– Привет, папочка! – сказала Дон.

А потом она сделала нечто, выглядывшее полным безумием: высвободила руку, которую держала за спиной, и в ней оказался какой-то предмет, настолько для девочки дорогой, что она прижала его к груди с искренней нежностью. Предмет выглядел длинным, липким и отвратительным.

Я присмотрелся и увидел, что это батон вареной болонской колбасы.

У меня вместо слов вырывались лишь нечленораздельные звуки. Не осталось сил ни на вопросы, ни на удивление при виде колбасы – слишком велико было чувство облечения. А Дон улыбнулась. И тут же расплылся в улыбке Бобби.

– Я – Ной, папа, – провозгласила моя дочь. – Ты в моем ковчеге, а это, – она взмахнула куском колбасы, – последний запас провизии, который у меня остался, – Дон прервала свою речь, подумала и добавила: – Кстати, а Бобби у нас Сим⁵.

Бобби развернулся на балке и окинул ее одним из самых своих презрительных взглядов.

– Глупая, – пробасил он. – Я не Сим. Я – Хам.

– Нет, ты Сим, – упрямылась моя дочь.

– Я – Хам! – завопил Бобби и слегка пристукнул ее.

В этот момент вошел Фэншоу. Он уставился на детей так, словно не мог поверить своим глазам. А потом его лицо оттаяло, и выражение жуткого страха пропало. Он протянул руки и снял с балки Бобби, заключив его в объятия.

– Слава Всевышнему, – бормотал он. – Я... Я уже почти ни на что не надеялся. Даже не смел думать...

– Хам! – громко произнес Бобби.

– Сим! – не менее звучно отозвалась Дон.

Чувство облегчения во мне внезапно сменилось приступом почти неподконтрольного гнева.

– Немедленно спускайся оттуда, Дон, – рявкнул я. – И если ты снова назовешь его Симом, я сам брошу тебя в море.

Теперь уже немного напуганная Дон слезла с деревянной перекладины и оказалась у меня на руках. Фэншоу уже вынес извивавшегося Бобби в главный зал остова церкви. Я последовал за ним с Дон. Со стенами творилось нечто невообразимое. Казалось, они могут рухнуть в любую секунду. Спотыкаясь, преодолевая сопротивление воды, неся детей как мешки с картошкой, мы с Фэншоу добрались до пролома на месте двери и снова оказались посреди бушующей бури.

Мы успели отойти лишь несколько десятков ярдов от церкви, окруженной океанскими волнами, как треск и грохот за спиной возвестили о том, что стены старого здания не выдержали атаки стихии.

Мы действительно лишь чудом избежали смертельной опасности.

Пробираясь все дальше от руин церкви, я даже ненадолго испытал ощущение, что совершил нечто героическое. Теперь, когда самая страшная угроза оказалась позади, мне представился газетный отчет о нашем с Фэншоу подвиге – родители справляются с неистовством урагана, чтобы в последний момент спасти своих детей от верной гибели!

Некоторое время я позволил себе предаваться столь приятным мыслям. Дон двигалась рядом, полулежа на мне. Близость ее маленького, но такого теплого тела могла бы окончательно успокоить меня.

Жизненные обстоятельства вновь бросили нас в объятия друг друга, размышлял я. Теперь до глубокой старости Дон будет вспоминать, как однажды храбрый отец пришел на помощь и спас ей жизнь.

Но в этот момент до меня донесся голос дочери, прервав столь благостные рассуждения. И прозвучал он до странности капризно, даже недовольно.

– Так и знала, что ты это сделаешь, папа. С самого начала сказала Бобби, что вы с мистером Фэншоу непременно появитесь и испортите нам это приключение. Так вот всегда. Стоит тебе вмешаться, и уже не происходит ничего интересного.

⁵ Сим и Хам по библейской легенде – сыновья Ноя.

Нас с головой накрыла волна. Дон бросило прямо на меня, что-то скользкое и отвратительно липкое шлепнуло меня по лицу.

Это был отсыревший батон болонской колбасы.

– Вот к чему привели твои глупые забавы, приключения! Зачем эта вонючая колбаса! – заорал я.

Грубо вырвал колбасу из ее рук и зашвырнул далеко в море.

Дон захныкала.

Героем я себя больше не ощущал.

XXIII

Обратный путь едва ли оказался намного легче, но мы все же сумели добраться до «Талисман-инн». Отель, как оказалось, все же выдерживал ярость урагана. Дойдя до входной двери, мы принялись стучать в нее, пока нам не открыли.

Наше появление в насквозь промокшем и разоренном вестибюле превратилось в подобие небольшой драмы. Впрочем, мистер Митчелл и Бак Валентайн тут же бросились запирать за нами дверь. А сержант Барнс и мистер Ашер лишь переминались с ноги на ногу, не зная, что сказать. Атмосферу истинного драматизма сумела создать Мэрион Фэншоу, ставшая на время главной героиней этой сцены.

Она стояла у подножия лестницы, переводя взгляд своих темных глаз с Вирджила на Бобби и обратно. В них читалась сначала полная растерянность, которая сменилась пониманием, что это не очередная галлюцинация, а вполне реальная действительность.

Вирджил тоже смотрел на нее, держа Бобби за руку.

Они молчали, и это делало атмосферу в комнате наэлектризованной, исполненной скрытого напряжения.

Бобби, выглядевший смешным в рваной матроске, но без штанов, настороженно всматривался в лицо матери. Потом он громко чихнул.

И этот простейший звук наконец снял напряжение, которое подобно заклятию, сковывало всех троих. Мэрион кинулась к сыну, сгребла его в охапку, прижала к себе.

– Бобби, – шептала она, – мой Бобби, – потом подняла взгляд на мужа. – Ты спас его, Вирджил. Ты спас жизнь нашему сыну, Вирджил, милый!

Ее рука протянулась к мужу. От прежней отчужденности не осталось и следа. Перед нами предстала молодая женщина, которая пережила страх за мужа и сына, но теперь уже ничего не боялась.

И лицо Вирджила претерпело метаморфозу. Выражение боли покинуло его глаза. А на губах медленно появилась все еще недоверчивая улыбка.

– Пойдем, – сказал он хрипло, – нам лучше снять с Бобби промокшую одежду. Или, точнее, то, что от нее осталось.

– Да, верно, – Мэрион опустила Бобби на пол.

Она взяла сына за одну руку, Вирджил – за другую, и они стали все вместе подниматься по лестнице. Об остальных эта троица забыла напрочь. Мэрион лишь бросала сиявшие радостью взгляды на мужа.

– И тебе тоже необходимо переодеться, дорогой. Ты насквозь промок. Я достану сухие вещи. Не хоч, чтобы ты свалился с воспалением легких.

Так на наших глазах произошло небольшое чудо. Хотя, если разобраться, то ничего необъяснимо чудесного здесь не было. Во всем был вполне рациональный смысл. Вирджил рискнул жизнью ради спасения Бобби. Это заставило Мэрион простить его, и преследовавший ее призрак Марти перестал бесконечно наносить раны сознанию матери. Лед в ее душе растаял. Она возвращалась к нормальной жизни.

Буря все еще завывала снаружи, но я вслушивался в эти звуки с совершенно новым ощущением, испытывая к стихии почти признательность.

Разумеется, семейству Фэншоу предстояли еще нелегкие испытания, но жутчайший ураган на мысе Талисман показал, что они способны справиться с любыми трудностями.

Потом мое внимание переключилось на себя самого и на Дон. Сейчас мы никак не подходили для семейной идиллии – промокший, крайне раздраженный отец и не менее промокший, капризный и непослушный ребенок. Оставив без ответов любопытные расспросы остальных, я втащил Дон по лестнице наверх и заставил выкупаться в горячей ванне, после чего принял ее и сам. Потом, обернув дочь теплым одеялом и добавив сверху несколько покрывал, уложил в постель. Буря пощадила ее номер. Потолок не протекал. Я почти не волновался за здоровье Дон – девочка обладала завидной физической закалкой.

Судя по всем приметам, ей не придется расплатиться даже насморком за свою вздорную и опасную эскападу.

Запаковав дочь надежно в кровати, я смог заставить ее рассказать мне всю историю с самого начала. Она мало отличалась от той, что мне воображалась. Дон сразу же заразила Бобби своей аллергией на тетю Мейбл и на ее образ жизни. Они сговорились позволить мне усадить себя в поезд, но лишь для того, чтобы сойти уже на следующей станции и найти дорогу обратно в Мыс Талисман, где смогли бы вести жизнь свободных кочевников, избавившись от родительской опеки. Дон где-то читала о цыганах. И, думаю, так у нее родилась изначальная идея.

Заброшенная и грязная старая церковь показалась им прекрасным пристанищем. Они выманили у меня пресловутые три доллара и сорок шесть центов на пропитание – то есть на дешевую вареную колбасу. Исчерпав ресурсы за пару дней, они планировали вернуться в гостиницу и заявить о своем бунте как о свершившемся факте.

Понятно, что буря никак не была ими предусмотрена, но и она привела их в совершеннейший восторг, особенно когда с церкви сорвало и унесло крышу. Просто потрясающе! – такой оказалась их реакция.

Я слушал весь этот бред, и у меня волосы вставали дыбом на голове при мысли о двух беззащитных детях, поселившихся в заброшенной церкви в то время, как маньяки и убийцы творили рядом свои черные дела.

Дон об убийствах даже не упоминала. Она либо совершенно забыла о них, либо считала ниже своего достоинства обращать внимание на такие пустяки.

В попытке во всем разобраться и привести свой разум в порядок, я спросил:

– Но почему же вы решились на такую проказу? Вы прекрасно знали, что я не хотел оставлять вас в этом опасном месте.

Дочь невозмутимо ответила:

– Конечно, мы все понимали. Но нам необходимо было найти черный бриллиант. – Потом она улыбнулась своей безумно раздражавшей меня загадочной улыбкой. – И мы могли его найти. Собственно, даже сейчас еще не поздно.

И надо же, глядя на это маленькое и такое не понимающее своей вины лицо, я не мог даже заставить себя рассердиться по-настоящему. Подумал об опасностях, которым она подверглась, вспомнил собственную агонизирующую тревогу, когда сквозь ураган пробирался к ней, вновь услышал грохот обрушившихся стен церкви всего минуту спустя после нашего оттуда ухода. Я рисковал потерять ее навсегда. Но ведь этого не случилось!

Так и не придумав для нее наказания, склонился и поцеловал ее в кончик носа.

Как правило, моя дочь ненавидит демонстративные нежности. Но на сей раз ей хватило сообразительности обвить в ответ руками мою шею.

– Я знаю, что очень плохо себя вела. Но ты ведь не злишься на меня, правда?

С заплетенными в косички русыми волосами с рыжеватым отливом она смотрела на меня как несчастная сиротка.

– Я очень на тебя зол, – сердито усмехнулся я.

И Дон мгновенно поняла, что больше ей волноваться не о чем. Она высвободила руки и села в постели.

– Мы с Бобби как раз собирались пообедать, когда ты появился и все испор... То есть я хотела сказать, спас нас. На обед у нас была та самая болонская колбаса, а ты ее зачем-то выкинул. Тебе не кажется, что мне не помешает теперь подкрепиться ветчиной, беконом и копчеными колбасками, а еще...

Она перечислила все имевшиеся прежде в наличии кулинарные изделия из свинины. Я неохотно поднялся и отправился в кухню, чтобы узнать у повара, осталось ли после разгрома хоть что-нибудь съедобное.

Вся эта драма с исчезновением Дон и с пережитыми опасностями на время лишили меня возможности думать о чем-либо другом. Но как только я доставил дочери на подносе импровизированный обед, во мне вновь ожили инстинкты сыщика. Ведь все еще предстояло задать Барнсу тот имевший решающее значение вопрос, который столько значил в построенной мной версии.

Но вот теперь одной лишь беседы с Барнсом оказывалось мало. Буря, поглотившая старый погост, нарушила разработанный мной план разоблачения убийцы и привлечения его к ответу за содеянное. Когда я покидал женскую тюрьму, в моей схеме все выглядело четко продуманным. Теперь же обстоятельства складывались иначе. Настолько, что моя безукоризненная логика могла зайти в тупик без поддержки неопровержимыми доказательствами.

И если такое случится, инспектор Суини не посмотрит на меня в немом восхищении широко открытыми от изумления глазами, а рассмеется в лицо. А маньяк-убийца с мыса Талисман сможет мирно доживать свой век, выращивая розы в саду.

У меня появилось множество оснований для беспокойства. И простого выхода из положения пока не виделось. Но начинать, конечно же, следовало с Барнса. Я поспешно спустился вниз в поисках сержанта. В гостиной его не оказалось. Зато застал там повышенное оживление среди прочих. Супруги Фэншоу, Митчелл и Бак Валентайн собрались в комнате, беседуя между собой и облачаясь в плащи.

Я подошел к Митчеллу.

– Барнс еще здесь? Мне необходимо поговорить с ним.

– Его уже нет, – ответил Митчелл, влезая в рукава своего дождевика. – Он совсем недавно ушел. К нам прислали мальчишку-посыльного из городка. Буря смыла выступ погоста со всеми захоронениями. Гробы плавают в океане. Весь город мобилизуется на их спасение.

Обитатели Мыса Талисман, пытающиеся не дать пучине поглотить гробы со старого кладбища. Поистине, это было нечто неслыханное!

Митчелл справлялся с пуговицами плаща, а рядом уже нетерпеливо топтался в ожидании Бак.

– Мы с Баком отправляемся туда тоже, доктор Уэстлейк. Понимаете, речь идет о гробе моего отца. Он там среди прочих. Его унесло в море.

Бак бросил на меня многозначительный взгляд.

– Кое-кому следовало давно позаботиться о перезахоронении. Я говорил Митчеллу. А теперь придется вылавливать гроб старика среди волн.

Мимо нас прошли Фэншоу, оба одетые в новенькие непромокаемые куртки.

– И гроб моего отца тоже теперь где-то плавает, Уэстлейк, – бросил мне Вирджил. – Надо попытаться найти его.

Они вышли наружу под порывы ветра. Митчелл и Валентайн поторопились их догнать. Даже мистер Ашер спустился вниз в жутком черном плаще, застегнутом на все пуговицы до самого горла.

– Пойдемте, доктор Уэстлейк. Надо помочь. Все должны принять участие.

И до меня в моем растерянном состоянии только сейчас дошло, что подобная безумная охота на плавучие гробы и стала тем единственным шансом, который мне следовало не упустить. Ведь всего минуту назад я мысленно стонал, что моя версия раскрытия преступлений совершенно лишена доказательной базы!

Я понял, каким образом могут обнаружиться необходимые улики. Вполне могут...

В кресле лежал брошенный кем-то плащ. Втиснувшись в него, я бросился к двери. За мной через дюны вприпрыжку побежал Ашер.

Дождь к этому моменту почти прекратился, и ветер заметно утратил силу, превратившись в почти заурадный бриз. Прибой тоже выглядел уже не столь драматически грозным. Я впервые мог визуально оценить масштабы ущерба, нанесенного бурей. Основательно досталось от нее дюнам. Они превратились теперь в сплошную, совершенно ровную песчаную пустыню. Не осталось и следа от какой-либо растительности. Не виднелось ни веточки столь любимой мисс Хейвуд

восковницы. А волны отныне накатывались на пляж примерно на сотню футов дальше прежней отметки самого высокого прилива.

Мыс Талисман уже никогда не станет прежним.

Я стремительно двигался вперед, пропуская мимо ушей лицемерные стенания Ашера, полностью погруженный в расчеты, принесет или не принесет мне нужные результаты новая попытка добыть доказательства.

Вскоре мы достигли того места, где совсем недавно находился выступ берега с церковью и окружавшим ее погостом. Разрушения, причиненные ураганом здесь, оказались даже более впечатляющими, чем я ожидал. Самого выступа больше не существовало – от него остались только холмики смешанного с грязью песка, а единственная, едва державшаяся стена служила напоминанием о высившейся раньше церкви.

Казалось, все население городка пришло посмотреть на драматическое представление – спасение гробов. В большинстве своем люди расположились вдоль низкой дюны, которая стала теперь самой крайней оконечностью пляжа. И они смотрели вниз, где в полосе прибоя более активные члены городской общины – рыбаки в непромокаемых комбинезонах и женщины из числа иммигранток в ярких цветастых платках поверх волос – копошились непосредственно в воде неподалеку от берега.

Картина в целом выглядела до странности нереальной. Волны накатывались и опадали, вздымая желтоватую грязную пену. Пляж был испещрен кучами вздыбленного песка и остатками растительности. Все здесь располагалось не там, где ранее находилось. К примеру, чахлая ель, которая стала прежде немым свидетелем ночных происшествий на погосте, перекатывалась на переломанных ветках под волнами прибоя, устремив к небу вырванные из земли корни.

И были на пляже спасенные гробы, выстроившиеся в черный ряд, окруженные жителями городка.

Остальные, которые только предстояло достать из моря, покачивались на волнах прибоя, добавляя увиденному зловещий гротеск.

В пестрой толпе я заметил Митчелла, Валентайна, обоих Фэншоу. Трудно было не увидеть и высоченную костлявую фигуру Барнса. Ашер, словно человек, оказавшийся в знакомой стихии, немедленно бросился в воду, чтобы присоединиться к охотникам за необычным уловом.

Я проложил себе путь мимо сгрудившихся в группы взволнованных жителей Мыса Талисман к тому месту, где уложили отнятые у моря гробы. Мой пульс сейчас вытворял несвойственные ему фокусы, то ускоряясь, то пропадая. Для меня столько было поставлено на карту и зависело от дальнейшего развития событий.

Жалкое подобие нового, временного кладбища, случайного пристанища для покойников уже окружили с благоговейным почитанием. Большинство собравшихся здесь и трепетавших от суеверного страха людей были выходцами из Португалии. Некоторые бродили между гробами, вглядываясь в таблички. Другие, уже нашедшие останки почивших родственников, пали на колени и истово молились.

Стараясь выглядеть одним из тех, кто разыскивает прах близкого, я продвигался вдоль ряда сильно поврежденных гробов. Большинство из них так долго пролежали в земле, что были почти забыты. В них не было ничего горестного или терзавшего душу. Они выглядели унылыми черными ящиками, не более того. Я вчитывался в фамилии, выгравированные на бронзовых или медных табличках, прикрепленных к крышкам. Всего их пока оказалось двенадцать. Ни одна из них ничего для меня не значила.

Я уже собирался присоединиться к ловцам в воде, когда столкнулся с Гилкрайстом. Он быстро шел по пляжу, преследуемый двумя очень настырными португальскими женщинами, кричавшими на него и пытавшимися цепляться за рукава. Заметив меня, доктор избавился от их приставаний и подошел, утирая пот со лба.

– Когда меня назначили руководителем местного отдела здравоохранения, – пожаловался он, – я и представить себе не мог, что закончу вот так: ловлей гробов в море, окруженный толпой обезумевших жителей городка.

Я издал сочувствующий возглас.

– Они как дети, Уэстлейк. Я многие месяцы и теперь даже годы пытался уговорить их переместить могилы. Ни в какую! А потом произошло вот это. Ведь все знали, что подобное рано

или поздно случится. Только сейчас они засуетились. Кричат, воздевают руки к небесам и во всем винят меня.

Он бросил полный неприязни взгляд на группу молившихся рядом с гробами.

– С португальцами труднее всего. Оказывается, по их поверьям, нет более устрашающего знамения свыше, чем тело мертвого члена семьи, унесенное из священной земли в море. Для них вся жизнь потеряна, если они не разыщут теперь в волнах нужный им гроб.

– Но кажется, большинство удастся выловить и доставить на берег.

– Надеюсь, до конца дня мы вытащим все. – Гилкрайст отдувался и поминутно утирал попадавшую в глаза морскую воду. – Хотя некоторые очень сильно повреждены. Надеюсь, эти люди получат хороший урок на будущее. Хотя такие, возможно, никогда и ни чему не научатся даже на собственных ошибках.

Группа рыбаков с трудом выбиралась на берег, неся очередной выловленный в море гроб. Гилкрайст бросился руководить ими, напоминая кладбищенского уличного регулировщика. Я еще раз оглядел полосу прибоя. Как мне показалось, только два гроба еще виднелись на поверхности.

Мне бросилось в глаза, что среди тех, кто нес только что спасенный гроб, оказался Фэншоу. Когда они медленно проходили мимо, художник бросил на меня скорбный взгляд.

– Мы все-таки нашли его, Уэстлейк, – пробормотал он. – Моего старого бедного батюшку. Думаю, и намаялся же его дух сегодня! Но теперь уж я лично прослежу, чтобы он обрел истинный мир и покой на новом кладбище.

И они побрели дальше, неся гроб старого мистера Фэншоу к остальным, где лежали останки его бывших друзей и врагов. Мэрион была здесь же, держась рядом с мужем, крутясь под ногами как милая и преданная собачка.

Митчелл, Валентайн, Ашер и Барнс все еще оставались в воде у кромки берега, глядя на два оставшихся гроба. Когда я присоединился к ним, Митчелл воскликнул:

– Гроб моего отца! Это должен быть один из двух, доктор Уэстлейк. Его ведь до сих пор не нашли.

В этот момент, подхваченный высокой волной, один из гробов заскользил по воде прямо к нам. Мгновенно трое рыбаков и Бак бросились глубже в прибой, чтобы ухватиться за него. Митчелл с нетерпением ждал, пока они выносили гроб на берег. Погребальный ящик сильно почернел, покрылся плесенью и местами начал уже разваливаться.

Хозяин отеля всмотрелся в табличку и издал возглас облегчения.

– Да. Это он!

Я почувствовал странную тяжесть где-то внизу живота. Бак и рыбаки подняли гроб выше, чтобы подпереть плечами. Я поспешил им помочь. С подобающей аккуратностью мы пронесли останки старого мистера Митчелла через пляж и положили рядом с остальными, руководствуясь указаниями Гилкрайста.

Митчелл и Бак встали по обеим сторонам подобием почетного караула. Задержались и мы с Гилкрайстом. Напряжение во мне достигло такой силы, что хотелось громко выкрикнуть все, что было у меня на уме, дать всем знать, чего я теперь опасался больше всего. Но когда мучительная развязка оказалась настолько близка, выяснилось, что у меня нет никакого плана на подобный случай.

Пока мы стояли там, еще одна группа вынесла из моря последний гроб. Группой руководил Барнс. Уложив гроб крайним в ряду, он повернулся к Гилкрайсту:

– Что ж, док, кажись, на этом все.

Гилкрайст выглядел растерянным, но потом взял себя в руки.

– Теперь нам надо перенести их куда-то под крышу. Я уже думал об этом. По-моему, нет лучше места, чем старое здание школы на окраине городка. Соберите всех мужчин. Нам придется нести их на себе.

Я буквально на цыпочках подошел к последнему из спасенных гробов, всем телом дрожа от возбуждения. Надпись на покрытой пятнами медной табличке уже едва читалась. Не без труда я разглядел на ней имя и фамилию: Ирен Лена Кейси.

На несколько секунд я застыл в безмолвии, глядя на три слова, которые так много значили в зловещей истории убийств на мысе Талисман. Вокруг меня все еще толпились и суетились люди. Потом вечно хмурые рыбаки начали наклоняться и поднимать на плечи побитые бурей гробы.

И вскоре вдоль навсегда изменившего свой вид пляжа протянулась самая длинная и необычная процессия, какую только можно было себе представить.

У меня перед глазами все плыло. Почти бессознательно я пристроился к казавшемуся бесконечным шествию носильщиков, родственников, запоздалых плакальщиков, медленно направившихся в сторону городка.

Рядом со мной шел мужчина. Я посмотрел на него и узнал осунувшееся, усталое лицо сержанта Барнса.

Некто в толпе, склонный к мрачным церемониям, затаил похоронный псалом. Остальные подхватили, и вскоре скорбная песнь огласила все побережье.

Пришло время задать Барнсу тот самый решающий для меня вопрос. Это был риск, невероятная надежда на случайную удачу, но я уже давно решил, что необходимо смириться с любым исходом. А потому посмотрел ему прямо в глаза и сказал:

– Прошлым вечером, сержант, я вас кое о чем спросил. Вы слышали меня, но не ответили.

Он вздрогнул.

– Вы меня о чем-то спрашивали?

– Да. Были ли вы знакомы с Ирен Кейси.

Выражение, которое приняло при этом лицо Барнса, поразило меня – оно было печальным и задумчивым. Он хрипло сказал:

– Я услышал ваш вопрос вчера. Очень хорошо расслышал. Но притворился, что не понял. Видите ли, я давно взял себе за правило ни с кем не обсуждать Ирен Кейси. – Он помолчал. – Потому что когда-то я надеялся жениться на ней. Но она умерла.

Вот даже как! Стараясь говорить как можно спокойнее, я спросил:

– Как она выглядела?

– Она была хорошенькая, как с картинки. Блондинка с голубыми глазами. Настоящая красавица.

А теперь неожиданно резко я задал новый вопрос:

– Но ее портила родинка. Большая и мясистая родинка на щеке, не так ли?

– Родинка? – повторил Барнс взволнованным эхом. – Большая родинка на щеке? Нет, ничего подобного. С чего вы это взяли?

Головная часть процессии достигла окраины городка. Мне уже была видна крыша небольшого здания старой заброшенной школы. Но Барнс не сводил с меня изумленного взгляда.

– Скажите же, доктор Уэстлейк, почему вы мне задали такой странный вопрос? Почему...

– Просто так, Барнс. Мне хотелось услышать, что вы ответите. Теперь я все узнал. Спасибо.

На этом я оставил его, пройдя вперед мимо распевавших похоронную песнь людей. Во мне нарастало поразительное ощущение потаенного триумфа. Все сложилось так, как я и надеялся. Я оказался прав.

Мы дошли до школьного здания. Гилкрайст направлял носильщиков, пока один за другим все гробы не оказались внутри. Жители города большой группой теснились у двери, не желая подчиняться приказу временно разойтись. Среди них выделялись Фэншоу и Митчелл, требуя доступа к праху своих близких.

Гилкрайст, как умел, увещевал их. Он даже произнес что-то вроде речи, уговаривая каждого ступить отсюда с миром. Но его слова не помогли. Тогда он вспомнил о своей роли ответственного за здравоохранение и пустил в ход довод, в который могла бы поверить только полуграмотная кумушка. Мол, если останетесь здесь, рискуете подцепить серьезную инфекцию от контакта с мертвецами.

Это сработало магическим образом. Доктор исчез в здании школы, а люди начали разбредаться, пока у порога не остались только Барнс и вся наша группа из отеля.

Наступил момент, когда я не мог действовать дальше без официальной поддержки. Было необходимо – причем другого выхода из положения не существовало – связаться с Суини.

Но где? И как?

Я бы еще долго мучился над решением этой задачи, если б не внезапное появление самого инспектора у школы. Он пришел со стороны центра городка и встал рядом с Барнсом.

– Гилкрайст позвонил мне и попросил приехать. Сказал, что бурей окончательно смыло старый погост.

– Точно так, сэ, – ответил ему Барнс. – И гробы унесло в море. Мы всем городом собирали их. – Он кивнул в сторону двери школы. – Теперь Гилкрайст поместил их здесь в полной безопасности.

Инспектор окинул нас взглядом.

– А где сам Гилкрайст?

– Внутри здания.

Суини двинулся к двери. Я последовал за ним.

Он раздраженно оглянулся.

– В чем дело?

– Это по поводу убийств, – сказал я.

Он снисходительно улыбнулся:

– Полагаете, у вас появилась какая-то новая информация?

– И даже более того, – ответил я и не без глубочайшего чувства внутреннего удовлетворения добавил: – Мне известно, кто совершил их. Я теперь знаю об этом все. И мне кажется, вам будет интересно выслушать меня.

Эффект превзошел все мои ожидания. Каждый волосок в усиках инспектора отразил бурю овладевших им эмоций.

– Вы все знаете о... – инспектор захлебнулся словами.

– Да. Так и есть.

Суини посмотрел бешеными глазами на приблизившегося к нам Барнса.

– Вы слышали, Барнс? Уэстлейк утверждает... Он заявляет, что ему известна личность убийцы!

Лицо Барнса приобрело оттенок вареного омара.

– В самом деле?

Я уже начал уставать от тайного торжества. Пора было переходить к сути.

– И чем скорее вы меня выслушаете, Суини, тем лучше. Давайте отправимся куда-то, где сможем спокойно поговорить.

Школьная дверь открылась, и наружу вышел Гилкрайст. Суини ухватил его за руку и повторил:

– Уэстлейк... Он утверждает, что раскрыл убийства. Представьте себе, Гилкрайст!

Доктор уставился на меня, то же сделали Суини и Барнс.

Затем инспектор нерешительно спросил:

– Куда же нам лучше отправиться?

– Куда вам будет угодно, – ответил я.

Мне в самом деле было абсолютно все равно.

XXIV

Инспектор Суини, Гилкрайст, Барнс и я расположились в гостиничном кабинете Митчелла. Вечернее небо после недавней бури было серым, и в помещении царил полумрак. Я нервничал под очень скептическими взглядами нескольких пар глаз, понимая, насколько трудно будет убедить моих собеседников, что справился с решением задачи, над которой безуспешно бились официальные власти.

Суини уже сумел преодолеть изначальный шок, проявляя все возрастающее нетерпение, столь свойственное ему. Его пальцы раздраженно отбивали ритм по столу мистера Митчелла. Я собрался с мыслями, планируя наиболее эффективный способ изложения своей версии. Приходилось думать о том, как все сделать с максимальным тактом. Мое расследование оказалось обременено обещаниями, которые я дал доверившимся мне людям. К примеру, стали известны прискорбные семейные тайны Фэншоу и правда об истинных родителях Бака. Я надеялся по возможности обойти темы, не имевшие прямого отношения к убийствам.

– Отлично, Уэстлейк, – взял на себя инициативу Суини. – Вы утверждаете, что установили личность маньяка. Назовите же имя.

– Первое, что вам необходимо знать, – сказал я, – это то, что никакого маньяка не существует. Убийца – полностью душевно здоровый индивидуум.

– Душевно здоровый! – Суини бросил на Гилкрайста и Барнса взгляды, исполненные неприкрытого сарказма. – Безумец, который бродит по ночам, убивая женщин только потому, что имеют на теле родинки, рисует губной помадой круги в обвод них, играет при этом с китайскими фонарями... А доктор Уэстлейк, по всей видимости, считает это совершенно нормальными действиями умственно полноценного человека. – Он закончил свою фразу уже совершенно презрительно: – Ну, знаете ли!

– Я тоже сначала думал, что мы имеем дело с маньяком, – сказал я. – Вам об этом известно. Мы вдвоем с Гилкрайстом соорудили очень впечатляющую конструкцию, составленную из возможных комплексов и одержимостей сумасшедшего. Боюсь, однако, что мы допустили глупейшую ошибку. Убийца подстроил умную ловушку для психиатров-дилетантов, и мы угодили в нее более чем охотно.

– И что же навело вас в итоге на мысль, что убийца не сумасшедший? – спросил инспектор с прежней язвительностью.

– Думаю, ключом к этому послужило обнаружение прошлой ночью трупа мисс Хейвуд. Маньяк, как мы к тому времени окрестили его, убивал только женщин с родинками. У мисс Хейвуд на спине он начал тоже выводить алый круг, но вот родинки там не оказалось. Что-то не совпадало, верно?

Доктор Гилкрайст сложил пухлые руки на круглых коленях, что всегда служило прелюдией к вескому высказыванию.

– Вероятно, убийца ошибочно посчитал, что у нее есть в этом месте родинка, а свою промашку обнаружил уже после преступления – родинки не нашлось. Или же, что даже более вероятно, как только он дал волю своей маниакальной склонности к убийствам, его жажда проливать кровь попросту вышла из-под контроля. Стремление лишиться кого-то жизни стало сильнее остальных мотивов. И своей третьей жертвой он мог избрать уже кого угодно.

– Не исключено, – согласился я, – но послушайте меня и скажите потом, что вы об этом думаете. Когда мы обнаружили отсутствие родинки у мисс Хейвуд, я стал размышлять в несколько ином направлении, и как только удалось отвлечься от идеи с маньяком, у меня сформировалась другая схема, которая связывала в единое целое все, что здесь происходило, включая странности, творившиеся на старом погосте, и остальное.

– Ваша версия даже дает логическое объяснение попыткам рыться в старых могилах на церковном кладбище? – удивленно спросил Суини.

– И не только это. Она затрагивает другую крупную преступную мистерию, связанную с Мысом Талисман. Меня давно интересовала история Кору Митчелл. Представлялось странным, что два столь сенсационных дела могли произойти в таком небольшом городке, как Талисман. Есть поговорка, что молния никогда не ударяет в одно и то же место дважды. И это скорее всего справедливо, поскольку я теперь уверен, что недавние убийства и арест Кору Митчелл двадцать лет назад – это удар одной и той же молнии.

Долговязый сержант Барнс, который хмуро и молча сидел в углу, чувствуя себя фигурой слишком незначительной, чтобы вступать в столь важную беседу, теперь вскинулся и насторожился.

– Арест Кору Митчелл, доктор Уэстлейк? Уж не считаете ли вы, что убийства каким-то образом связаны с ней? Она ведь попалась, и ее усадили за решетку, полностью устранив...

– Вы правы, Барнс. Кора села в тюрьму, оказалась не у дел, а теперь и вовсе мертва. Но она так же вовлечена в убийства, как если бы лично раскапывала могилы на церковном погосте.

Теперь я чувствовал, что сумел завладеть их вниманием. По-настоящему заинтриговать. Об этом могли свидетельствовать сами по себе усы Суини, заблестевшие от любопытства.

– Было бы неплохо перейти наконец к конкретным фактам, Уэстлейк. Вам так не кажется?

– Именно это я и собирался сделать. Для меня большая удача, что Барнс здесь. Это ведь он арестовал Кору Митчелл, когда она явилась в Талисман навестить отца. Детали ареста имеют для нас важнейшее значение. Он поможет мне уточнить их и поправит, если я ошибусь.

Сержант заметно приосанился.

– Конечно, док. Я могу рассказать об этом все, что пожелаете узнать.

– Хорошо. Для начала – Коре Митчелл удалось скрыться и спрятать черный бриллиант Хогана, не так ли? Думаю, здесь двух мнений быть не может. Ее мужа и их сообщника схватили сразу. Бриллиант мог быть только у Кору, а ведь его так и не нашли.

– Все правильно, – подтвердил Суини. – Черного бриллианта обнаружить не удалось до сих пор.

– Но ходили упорные слухи, – продолжал я, – что Кора имела бриллиант при себе, когда приехала в Талисман, и спрятала его где-то здесь.

– Слухи! – хмыкнул Суини. – Слухами полнится любой маленький городок, любая деревня. Они сами по себе гроша ломаного не стоят.

– Далеко не всегда. А в нашем деле они стоят как раз очень дорого. Барнс, послушайте историю ареста Кору Митчелл в родительском доме. Остановите меня, если я в чем-то заблуждаюсь.

У Барнса загорелись глаза. Он явно вернулся мыслями в те славные деньки своей жизни, когда прославился, а газетчики проходу ему не давали ни днем, ни ночью.

– Насколько я понимаю, Кора проникла в дом отца через черный ход с заднего двора. И первый, кого она увидела, оказался ее собственный брат.

– Точно так, – вставил слово Барнс. – Митчелл находился там вместе с Суини, участвуя в организации ловушки. Он позволил дать от своего имени объявление с просьбой к Коре приехать домой к умиравшему отцу. И Митчелл оказался в кухне, когда она пробралась в дом. Он вместе с одним полицейским прятался там в кладовке. Я видел все собственными глазами.

– Тогда не лучше ли будет вам самому в точности рассказать, как развивались события?

Барнс бросил робкий взгляд в сторону Суини, и тот кивком разрешил низшему чину оставаться в центре внимания.

– Стало быть, вот как оно было, док. Кора проникает в дом, и ей навстречу выходит Митчелл. Отношения между ними, прямо скажем, сложились не лучшие. Вам это известно. Он знать ее не хотел, не желал даже считать своей сестрой. Она появляется вся взволнованная и напряженная. Сразу справляется об отце. Митчелл рубит ей правду-матку, что папаша уже умер, его два дня как нет в живых, а сейчас он в гробу лежит наверху. Кора просто обезумела, услышав такое. Она бросилась к лестнице с криком, что должна увидеть отца. Митчелл бежит вслед, хватается за нее и тоже орет: не позволю осквернять тело покойника. Она не достойна прикасаться к нему – к живому или к мертвому. Между ними началась настоящая борьба. Тут и появился я. Выскочил из своего укрытия и через две секунды уже надел на нее наручники. Приковал к себе одну ее руку, а второй полицейский сделал то же самое с другой. Мы не оставили ей ни шанса сбежать.

– Очень профессионально, – сказал я. – Но после того, как ее взяли, Кора продолжала упрашивать вас разрешить попрощаться с телом отца. Вы знали ее еще ребенком, вам было Кору немного жаль. Она оказалась прочно закована в наручники и не могла совершить побег. И потому, вопреки возражениям брата, вы позволили ей подняться наверх и взглянуть на тело покойного отца. Верно?

На лице Барнса появилось несколько растерянное выражение, словно его вдруг стало волновать, зачем мне понадобились такие подробности.

– Конечно. Я решил, что можно проявить к ней немного гуманности. Она держалась с достоинством и все такое. Митчелл, понятное дело, пришел в бешенство, но только он всегда раздувал из мухи слона. И я сказал: о'кей. Мы все поднялись на второй этаж. Кора между нами двумя в наручниках и Митчелл.

– А когда вы поднялись наверх, там у гроба старика Митчелла как раз возился похоронных дел мастер, занимаясь тем, чем ему и положено, верно? А мастером был известный нам всем мистер Ашер.

– Ашер? – вдруг резко переспросил Гилкрайст.

– Да, точно. Ашер там присутствовал, – подтвердил Барнс. – Но стоило Коре увидеть гроб и все прочее, как она стала умолять снять с нее ненадолго наручники. Ей невыносимо было попрощаться с отцом в «браслетах» и с двумя копами по бокам. Так она выразилась. А раз уж я ей немного сочувствовал, то решил, что большого вреда не будет. И снял наручники. Ведь ни я, ни второй полицейский, ни Митчелл, ни Ашер комнату не покидали. Мы встали как бы уважительно вокруг и позволили ей подойти к гробу.

Я пристально посмотрел на него.

– Надеюсь, вы не сводили с нее глаз?

– Само собой, а то как же! Это получилось очень трогательно, доложу я вам. Она сначала просто стояла у гроба и молчала. А потом вдруг наклонилась и поцеловала старика. Все вместе не заняло и минуты. Затем она вернулась к нам. Очень бледная и серьезная. Так ни слова и не вымолвила. Только протянула руки, чтобы снова надели наручники. Мы ее опять сковали и увезли к себе в участок. Так закончилась история Кору.

– А сразу после этого крышка гроба старого Митчелла была забита. Позже его отвезли на погост при старой церкви и похоронили. – Я повернулся к Суини: – Вот и вся картина. Выглядит не слишком сложно, правда? Я попросил вас допустить тот факт, что бриллиант был у Кору по прибытии в Талисман. Но камня точно не оказалось при ней, когда ее доставили в полицейский участок. Где она могла его спрятать? Есть только одна вероятность, не так ли? На Коре были наручники все время, за исключением кратких секунд, когда она находилась рядом с гробом, склонилась и поцеловала мертвого отца. Барнс до того момента не обыскивал ее. А потому она легко смогла уронить драгоценность внутрь гроба. Проще простого.

У Суини округлились глаза.

– Внутри гроба?

– Именно. Даже если бы полиция обыскала весь дом, перевернув его сверху донизу, она все же не решилась бы потревожить прах покойника, проявляя к нему должное уважение. Полицейские не стали бы рыться в гробу. А уже на следующее утро старик Митчелл был погребен на старом кладбище. Кора получила пожизненный срок. Но если бы она не умерла в тюрьме, ее рано или поздно выпустили бы досрочно за примерное поведение или по амнистии. Оказавшись на свободе, она сумела бы извлечь бриллиант из гроба и прожить в роскоши до конца дней своих. Сомневаюсь, чтобы ее привязанность к отцу доходила до таких крайностей, как она это изобразила. Но Кора разыграла из себя любящую дочь до конца, чтобы вызвать сочувствие Барнса и воспользоваться гробом старого Митчелла как сейфом для бриллианта.

Я сделал паузу, а потом продолжал:

– Вот что произошло, по моему мнению. Здесь и таится ключ к раскрытию всех таинственных событий на мысе Талисман. Знаменитый черный бриллиант Хогана мирно пролежал в могиле старика Митчелла все последние двадцать лет.

Я понимал, насколько невероятно это звучало – бесценная драгоценность в гробу старого моряка. Но это стало достойным финалом преступной карьеры Кору Митчелл, наполненной театральными эффектами, – она должна была завершиться на высокой драматической ноте. И, прервав бурное обсуждение, начавшееся между моими собеседниками, я поспешил повести свой рассказ дальше:

– К такому выводу я пришел после посещения сегодня днем женской тюрьмы в Халинге. Должен признать, что прежде не уделял особого внимания фигуре Кору Митчелл. И отправился туда по совершенно иной причине. Я рассчитывал добыть там информацию о мисс Хейвуд.

– Мисс Хейвуд! – воскликнул Суини, ухватившись за знакомое имя. – С какой стати вы наводили справки о ней в исправительной колонии?

Я мог бы мгновенно снять все его вопросы, приведя очень веские причины, заставившие меня подозревать претенциозную светскую любительницу писать акварели, но в таком случае неизбежно пришлось бы разгласить детали деликатного свойства. И потому мне пришлось просто сказать:

– Ее личность сразу привлекла мой интерес. Мне скоро стало ясно, что она не та, за кого себя выдает, но я не был уверен, почему. И здесь мне помог Гилкрайст.

– Я вам помог? – недоуменно воскликнул доктор.

– Только лишь косвенно. Помните, как позавчера вы с детьми подошли ко мне на пляже? Я тогда находился в обществе мисс Хейвуд, и она поторопилась скрыться, заметив ваше приближение.

– Да, я припоминаю этот эпизод.

– Я понял, что она вас хорошо знает, но стремится остаться неузнанной. А поскольку вы являетесь медицинским консультантом в женской тюрьме, мне пришла в голову мысль, что она – из числа бывших заключенных Халинга. Это объяснило бы ее нежелание встречаться с вами.

Мною двигало лишь предчувствие, но оно оказалось верным. Начальница тюрьмы по моему описанию мгновенно поняла, о ком идет речь, опознав одну из самых колоритных узниц, которую звали Лена Дарнелл.

– Лена Дарнелл! – У Гилкрайста буквально отвисла челюсть. – Но мне хорошо знакома эта фамилия. Уверен, я... да, конечно же! Но у мисс Хейвуд не было ничего общего с Леной Дарнелл. Волосы Лены поседели и... и только, если...

– Вы совершенно правы. Потому и не узнали ее, ведь она покрасила волосы, сменила прическу и сделала подтяжку кожи лица.

Суини теперь демонстрировал искреннюю заинтересованность. Как и Барнс. Только Гилкрайст все еще выглядел так, словно у него в голове все перемешалось. Он сделал круг по комнате, а потом сказал:

– Боже милостивый, Уэстлейк! Теперь я понимаю, о чем речь... Лена Дарнелл. Я же отлично ее помню. Она была сокамерницей Кора Митчелл.

– И это тоже верно. Но не простой сокамерницей. Когда Кора лежала при смерти, она бредила. И непрерывно бормотала о черном бриллианте и гробе своего отца. Лена была преданной подругой. Она добилась разрешения провести с Корой ее последнюю ночь. – Я повернулся к Суини: – Понимаете, к чему клоню, инспектор? В бреду Кора Митчелл выдала секрет спрятанного черного бриллианта. А такие, как Лена, не упускают подобных возможностей. Всего через две недели она выходила на свободу. У нее появился шанс сорвать действительно большой куш.

Я постепенно перешел к кульминации своего повествования.

– Разумеется, Лена Дарнелл отнюдь не страдала отсутствием сообразительности. Она знала, что Гилкрайст живет здесь, в Мысе Талисман, и понимала, чем ей грозило опознание врачом. Поэтому, как только она покинула стены тюрьмы, сделала себе пластическую операцию, покрасила волосы и взяла новую претенциозную фамилию мисс Хейвуд. После чего поселилась в «Талисман-инн» под видом респектабельной аристократки и художницы. Но в ее изворотливом уме все это время жила только одна идея. Она приехала сюда, чтобы раскопать могилу старого мистера Митчелла и добыть для себя черный бриллиант Хогана.

Теперь общее внимание оказалось неотрывно приковано ко мне.

– Лена Дарнелл, – продолжал я, – обладала талантом незаурядной актрисы. Ей удалось всех в отеле обвести вокруг пальца. Но все сложилось не так гладко, как она рассчитывала. Понимаете, ни Кора Митчелл, ни сама Лена не подозревали, что три года назад буря смыла надгробные камни с края церковного погоста, который располагается со стороны моря. Таким образом, Лена Дарнелл знала, что могила Митчелла находится где-то там, но больше ей не было известно ничего. А Гилкрайст как начальник местного отдела здравоохранения оказался чуть ли не единственным человеком, который располагал сведениями, где в точности находится каждая из могил. Но вместе с тем Гилкрайст был последним человеком, к которому она осмелилась бы обратиться за информацией. Впрочем, ее утешал сам по себе факт, что она находится в нужном месте.

Суини где-то нашел сигарету и делал затяжку за затяжкой.

– Все это звучит дико, Уэстлейк, но не могу не признать, вписывается в общую картину. Значит, человеком, которому вы с дочерью помешали в ту самую первую ночь на погосте, была мисс Хейвуд, рывшаяся в поисках могилы Митчелла?

– Да. Какими-то окольными путями ей удалось установить приблизительное расположение захоронения. Быть может, она сумела вытянуть какие-то сведения из самого Митчелла. И решила, что у нее нет другого выхода, кроме как вести раскопки, пока не попадется та самая могила. Однако в ту ночь Дарнелл лишь осквернила захоронение Ирен Кейси. Вполне вероятно, что копать она начала еще несколькими ночами ранее. Ведь Барнс рассказывал о женщине из городка, которую напугала серая призрачная фигура на погосте. Я не зря подчеркивал, насколько умна была Лена Дарнелл. Она намеренно надевала длинные мешковатые серые платья, не случайно пользовалась китайским фонарем для подсветки, чтобы придать всему со стороны пугающий мистический вид. Это была мера предосторожности. Она знала, насколько суеверны жители городка. Даже если бы ее заметили на кладбище ночью, то решили бы, что встретили привидение, и поспешили сбежать, предоставив женщине спокойно заниматься своим делом.

– Кстати, о китайских фонарях, – заметил Суини. – Вы ведь не станете утверждать, что и рядом с трупамы их оставляла мисс Хейвуд?

– О, это нечто совсем другое. Я дойду до китайских фонарей. А пока мы с вами еще не расстались с Леной Дарнелл, разрывающей могилы на погосте. Выкапывать из земли гробы, конечно, не самый легкий труд, но ведь Лена Дарнелл провела значительную часть своей жизни в тюрьмах, а заключенным, как мы все знаем, порой просто необходимы крепкие мускулы. Итак, мисс Хейвуд ошиблась могилой в ночь первого убийства. Думаю, женщину сильно перепугало известие о смерти Нелли Вуд. Но время подгоняло. В любой день Гилкрайст или кто-нибудь другой мог узнать ее. Требовалось действовать как можно быстрее. Произошло убийство или не произошло, задача оставалась прежней. И уже следующей ночью она снова взялась за дело.

Я предпочел не упоминать, что обманным путем она уговорила Бака помочь себе.

– Теперь мисс Хейвуд оказалась ближе к цели, но не более того: ей попалась могила старого мистера Фэншоу. Едва она начала копать, Фэншоу – постоялец отеля – случайно проходил мимо и спугнул ее. Последнюю попытку женщина предприняла вчерашней ночью, – продолжал я. – Теперь она нашла нужное захоронение, и драгоценный приз оказался практически у нее в руках. Но мисс Хейвуд совсем немного опоздала. В тот момент, когда она уже основательно покопалась в земле в лихорадочной спешке добраться до черного бриллианта, ее... – я сделал паузу, – настиг убийца с мыса Талисман и разделался с ней.

– Хорошо, Уэстлейк. – В голосе Суини уже отсутствовали саркастические нотки. – Допустим, вы попали на верный след. Вероятно, именно к столь безумной цели и стремилась мисс Хейвуд. Но какое отношение все это имеет к убийствам?

– Да, – не удержался от замечания и Гилкрайст. – Нелли Вуд и Мэгги Хиллман оказались убиты. Они точно ничего не знали ни о каком черном бриллианте и прочих кладбищенских делах. Вы хотите сказать, что мисс Хейвуд оказалась случайной жертвой? Одна среди ночи рыла яму на кладбище, оказавшись совершенно беззащитной, а маньяк...

– Бывшая заключенная, разрывающая захоронение в поисках похищенного сокровища, попадает под руку маньяку, ищущему очередную жертву? Слишком невероятно, чтобы оказаться правдой, не так ли? В подобную случайность сложно поверить. – Я улыбнулся, глядя на задумчивое лицо Гилкрайста. – Нет. Я придерживаюсь совершенно иной версии. Связь между этими двумя событиями отнюдь не случайна. Понимаете, Лена Дарнелл прекрасно понимала, что время работает против нее. Она знала, что ей угрожает. И в итоге была убита.

Я намеренно сделал паузу и поочередно посмотрел на каждого из своих слушателей, замерших в напряженном ожидании.

– Мисс Хейвуд убил кто-то другой, тоже охотившийся за черным бриллиантом.

Суини сверлил меня взглядом.

– Но я не понимаю вас, Уэстлейк. Гилкрайст совершенно прав. Что связывало с черным бриллиантом Нелли и Мэгги?

– Ничто, – ответил я. – Абсолютно ничего. В том-то и суть дела. Как раз поэтому они и погибли.

– Ну, знаете, Уэстлейк. Это уже выходит за...

– Лучше послушайте меня. Я опишу вам ситуацию, в которой оказался убийца еще до того, как им стал. Он знал о черном бриллианте, располагал информацией о том, что камень спрятан в гробу старого Митчелла. Им владело безумное желание прибрать его к рукам, и ради этого был готов на все. Но столкнулся с препятствием. Лена Дарнелл также разыскивала бриллиант. А хуже всего – она знала о его стремлении к той же цели. Что ему оставалось предпринять? Он мог устроить гонку с Леной Дарнелл и добыть бриллиант первым. Однако такой вариант не подходил, поскольку женщина получала возможность шантажировать его всю жизнь. И что же? Перед ним открывался только один путь. Избавиться от Лены Дарнелл, убив ее. Причем спешить было ни к чему. Он знал, что она не уверена, где расположена нужная могила. Так что пусть пока разыскивает ее и даже доберется до гроба, избавив его самого от излишнего риска и трудов, связанных с раскопками. А как только она завершит работу, он подстережет и прикончит ее на кладбище, чтобы забрать бриллиант. Думаю, таков был изначальный план, но оказалось, имевший существенный изъян.

Я почти физически ощущал напряжение в комнате, которое нагнетал мой рассказ. Гилкрайст и Суини сидели теперь неподвижно, как куклы. Только Барнс не находил себе места, ерзая в кресле и непрестанно почесывая затылок.

– Когда дошло до идеи о ликвидации Лены Дарнелл, – снова заговорил я, – перед убийцей встала почти неразрешимая проблема. Если женщину найдут мертвой здесь, в Талисмане, то, несмотря на перекрашенные волосы и подтяжку кожи лица, неизбежно опознают в ней бывшую заключенную женской тюрьмы в Халинге. Тогда вспомнят о ее связи с Корой Митчелл, и на свет выплывет дело о черном бриллианте. Как только будет установлена истинная причина смерти Лены Дарнелл, убийца окажется в числе подозреваемых, если не вообще единственным обвиняемым. Другими словами, не придумай он блестящего отвлекающего маневра, убийство Лены Дарнелл по сути означало, что виновник сам совал голову в петлю. Вот когда решилась судьба Нелли Вуд и Мэгги Хиллман.

Лицо Гилкрайста прояснилось.

– Уэстлейк! Я начинаю понимать, что... Впрочем, продолжайте.

– Со стороны убийцы это стало воистину гениальным решением непреодолимой, казалось бы, проблемы. Оно было столь же блестящим, сколь и жестоким. Когда вам надо спрятать листок, то лучше всего укрыть его в лесу. Если же надо замаскировать причину убийства, вы скрываете ее среди непостижимых мотивов других смертей. В его распоряжении оставалось несколько дней. Вполне достаточный срок, чтобы изобрести одержимого убийствами маньяка и придать образу правдоподобия.

– Изобрести! – громко повторил за мной Барнс.

– Вот именно. Маньяк с мыса Талисман стал плодом изобретательного ума нашего убийцы. Причем весьма изощренным, тщательно продуманным, чтобы врачи чуть ли не по всей стране принялись рассуждать о комплексах, извращенных наклонностях, фетишизме и прочих научных материях. Первой жертвой для своего «маньяка» он избрал Нелли Вуд. Вероятно, выбор пал именно на нее по двум причинам. Во-первых, она стала первой девушкой с родинкой, которая бросилась ему в глаза. А во-вторых, двусмысленность отношений Нелли с Фэншоу и Баком только запутала ход расследования, дав сыщикам целый набор изначальных мотивов, связанных с ревностью. Итак, он убил ее и сделал все, пошел на самые экстравагантные трюки, чтобы труп выглядел жертвой сумасшедшего. Родинке, конечно же, отводилась основная роль, как и алому кругу на лице. Было придумано нечто достаточно безумное и сенсационное, заставившее всех поверить, что где-то рядом бродит одержимый убийствами маньяк. Сложенные руки, закрытые глаза – все добавляло необходимого колорита. И китайский фонарь...

– И что же вы думаете по этому поводу? – спросил Суини.

– Я считаю, он позаимствовал идею у мисс Хейвуд. Фонари имели двойную функцию. Прежде всего они выделялись как еще одно проявление ненормальности. И потом – он знал, что мисс Хейвуд пользуется таким же фонарем на погосте. При удачном стечении обстоятельств полиция сочла бы фонари связанными друг с другом, а маньяк приобретал дополнительные зловещие черты – он не только питал неудержимую склонность к убийствам, но и любил извращенно развлекаться, оскверняя в свободное от убийств время могилы на кладбище, – я чуть отдышался и продолжал: – Так он и поступил. Убийство Нелли Вуд, выглядевшее совершенно немотивированным, породило слух о маньяке. Но одного трупа оказалось мало. Ему необходим был другой, чтобы поднять в округе волну настоящей паники. Мэгги стала идеальной второй жертвой. У нее тоже была родинка. Как и Нелли, она имела связь с Баком, что вносило в расследование некоторую сумятицу. А кроме того, Мэгги могла заметить убийцу Нелли Вуд накануне, а стало быть, подлежала устранению как вероятная свидетельница. Чтобы придать второй смерти еще больше драматизма, показать, что безумие прогрессирует, он устроил невероятное представление с лодкой, в которой плавал труп. Причем лодка опять-таки принадлежала Баку. Понимаете теперь, как все случилось? Две ни в чем не повинные девушки были безжалостно принесены в жертву с единственной целью – встать в один ряд с убийством мисс Хейвуд и увести следствие по ложному следу.

Теперь уже Суини смотрел на меня горящим, но и чуть смущенным взором.

– Вся идея оказалось до такой степени поразительной, что могла сработать почти безотказно. И едва не реализовалась. Вам придется это признать, Суини. Когда вчера вы обнаружили труп

мисс Хейвуд в частично разрытой могиле, то уже окончательно поверили в существование маньяка и готовы были считать третье убийство таким же немотивированным, как и первые два. Вы не обратили внимания на то, что кто-то копался в могиле. Для вас она стала всего лишь очередной декорацией, избранной умалишенным, чтобы обставить свое очередное преступление. Но гораздо хуже, с моей точки зрения, выглядит тот факт, что вы даже не сделали себе труда заинтересоваться прошлым мисс Хейвуд. Вы воспринимали ее как действительно некую столичную светскую даму, постоялицу отеля и третью жертву маньяка, только и всего. Но на самом деле она полностью изменила свою личность. Случись все иначе, и тот факт, что мисс Хейвуд в недавнем прошлом была Леной Дарнелл, никогда бы не вскрылся. А преступник ускользнул бы с черным бриллиантом, оставив после себя лишь новую легенду для пересудов жителей Мыса Талисман о маньяке, убивавшим женщин, которого так и не поймали.

Суини разглядывал свои ногти, а потом вскинул взгляд, и по его лицу стала заметна борьба противоречивых эмоций, владевших им поочередно.

– А что же черный бриллиант, Уэстлейк? Вы хотите сказать, что он завладел им в ту ночь? Достал из могилы после убийства мисс Хейвуд?

– Как раз нет! И в этом заключалась его огромная ошибка. По какой-то причине он убил мисс Хейвуд, когда она еще была далека от того, чтобы выкопать гроб. А после убийства у него не оставалось времени продолжить ее работу. Да он и не считал это необходимым. Теперь, когда ему больше не мешала Лена Дарнелл, убийца мог достать бриллиант в любой подходящий для этого момент. И продолжил действовать в соответствии с первоначальным планом. Он поднял трезвон с помощью церковного колокола, чтобы привлечь к месту преступления людей. Это стало заключительным мастерским штрихом в создании образа маньяка. После чего в нем отпала надобность. И попал впросак. Но откуда ему было знать, что на завтра налетит ужасающая буря, которая смоет в море вместе с другими гроб старика Митчелла, прежде чем он успеет добраться до него?

– Вы, стало быть, считаете, – спросил Гилкрайст, – что бриллиант все еще находился внутри гроба, когда этим вечером мы достали его из моря?

– Несомненно, – ответил я.

Гилкрайст посмотрел на Суини, который посмотрел на Барнса. Все трое казались полностью измотанными теми умственными усилиями, которые потребовались для восприятия моей версии. Гилкрайст заговорил первым. Он едва слышно сказал:

– Вы не думаете, что нам всем не помешает немного выпить, прежде чем мы продолжим?

Барнс поддержал идею. Даже Суини отбросил официальную мину, чтобы согласиться:

– Превосходная идея!

Доктор вышел и скоро вернулся с четырьмя высокими стаканами на подносе. Затем раздал напитки. Суини сделал большой глоток, после чего сказал с возродившимся сарказмом в голосе:

– Что ж, Уэстлейк, к вам можно относиться по-разному, но уж скучным человеком вас никто не посмеет назвать. Объясните нам теперь все, что связано с пресловутыми родинками. Это осталось для меня непостижимым. Вы сказали, он намеренно избрал Нелли и Мэгги своими жертвами, потому что у них были родинки. Но зачем? Если конечная цель состояла в том, чтобы смерть мисс Хейвуд выглядела как еще одно из серии убийств, то в этом не было смысла. Из ваших слов я понял, что у мисс Хейвуд родинки не было.

– Здесь вы ошибаетесь, – сказал я. – И именно таким образом наш убийца совершенно неосознанно с головой выдал себя. Я видел личное дело Лены Дарнелл в тюрьме. На самом деле у нее все-таки была прежде крупная родинка на спине, место которой преступник уже начал было обводить алым кругом. Но женщина, по всей видимости, ее удалила, когда делала операцию на коже лица. Родимое пятно слишком бросакая примета для идентификации личности. Она пожелала избавиться от такой особенности, чтобы начать новую жизнь как мисс Хейвуд.

– Выходит, что убийца... – начал Суини.

– Выходит, что убийца достаточно близко знал Лену Дарнелл до того, как она стала мисс Хейвуд, что видел даже родинку на спине. Но такого тесного контакта он уже не имел с этой женщиной после пластической операции. Видите, как один незначительный факт разрушил столь сложный план преступника. Он ведь все построил на утверждении, что существует маньяк, одержимый страстью убивать женщин с родинками. И план срабатывал безупречно и был,

казалось, доведен до конца убийством мисс Хейвуд. Вообразите себе преступника в тот момент. Вот он, дрожа от возбуждения в предвкушении близкого успеха, переворачивает тело, разрезает платье и прикладывает яркую губную помаду к коже, где, как он знает, растет родинка. Но внезапно, когда круг почти завершен, замечает, что ее больше нет. В результате, убийство Лены Дарнелл не стало еще одним, подобным первым двум, а привело к противоположному выводу. Мисс Хейвуд стала единственной жертвой, не имевшей родинки. Такое обстоятельство навело меня на правильный ход рассуждений – одно только это заставит убийцу расплатиться за содеянное и понести заслуженное наказание.

Последняя фраза произвела на моих слушателей ошеломляющее впечатление. Они молча потягивали свои напитки. Затем Суини вспомнил, что он здесь старший, и снова взял слово:

– Что ж, должен признать, ваша версия звучит потрясающе правдоподобно. Она действительно снимает все вопросы. Дело можно считать раскрытым, но при условии, что вы располагаете уликами для ее подтверждения.

Я был готов к этому. У меня легкий морозец пробежал по коже, потому что самая важная часть игры только предстояла. Быть может, если смогу предъявить доказательство, то стану подлинным триумфатором, а иначе... Мне становилось жутковато от подобной мысли. Я не представлял себе, что произойдет в таком случае.

– У меня есть необходимая улика, – завил я с некоторой долей напускной бравады.

– Отлично, Уэстлейк! Так не пора ли вам назвать имя преступника?

Время для этого пришло, разумеется. Я сделал еще глоток виски для храбрости. Меня действительно пугала финальная стадия. Пугала до чертиков.

– Хорошо, – сказал я. – Но сначала давайте суммируем все, известное нам об убийце. Во-первых, у него нашелся способ выведать, где Кора Митчелл спрятала черный бриллиант – в гробу отца. Во-вторых, он знал, что Лена Дарнелл тоже владеет этим секретом и собирается завладеть бесценным камнем. Преступник был знаком с мисс Хейвуд, когда она еще была Леной Дарнелл и имела на спине крупную родинку. Кроме того, он видел родинку на бедре Мэгги Хиллман, хотя она никогда не носила коротких юбок, чтобы эту приметку мог разглядеть каждый. – У меня бешено колотилось сердце. Я посмотрел на Суини. – И есть только один человек, не правда ли, который имел возможность знать все это?

Суини же, глядя на меня ничего не выражавшим взглядом, ответил:

– Сейчас нам нужны ваши доказательства, Уэстлейк.

– Отлично! – и я бросился как в омут с головой. – Давайте по порядку. Митчелл, Ашер и сержант Барнс присутствовали в комнате в тот момент, когда Кора Митчелл тайком бросила бриллиант внутрь гроба. Теоретически любой из них мог это заметить. Но мы говорим о том, что произошло двадцать лет назад. Если бы кто-то уловил ее трюк и захотел присвоить себе бриллиант, он не стал бы ждать двадцать лет, верно? А потому их можно смело исключить из числа подозреваемых. Человек, совершивший убийства, не находился среди тех, кто мог заметить, как бриллиант оказался в гробу. Он это узнал иным способом. Каким же? Только одним. У самой Кору. Но ведь тайник с бриллиантом Кора считала своим величайшим секретом. При обычных обстоятельствах она бы не рассказала о нем ни одной живой душе. Но перед смертью она металась в бреду. Рядом с ней находилась Лена Дарнелл, и таким образом тайна стала известна соседке. И только так же о бриллианте мог узнать убийца. Потому что Лена Дарнелл присутствовала в камере умирающей Кору не одна.

Я сделал паузу, нервничая и чувствуя всю важность момента. Потом повернулся к Гилкрайсту:

– Вам это отлично известно, Гилкрайст, потому что вы оказывали Коре медицинскую помощь в тюрьме. И были с ней до самого наступления смерти. Или я ошибаюсь?

На мясистом лице Гилкрайста пока читалось только удивление.

– Да, разумеется, я там присутствовал.

– Тогда, как и Лена Дарнелл, вы имели возможность узнать правду о черном бриллианте из предсмертного бреда Кору. К тому же, как тюремный медицинский консультант вы не раз осматривали Лену Дарнелл за годы ее заключения. Кто, кроме вас, мог знать, что у Лены Дарнелл, заключенной тюрьмы в Халинге, имелась родинка на спине? А в случае с Мэгги Хиллман? Вполне вероятно, Бак Валентайн, крутивший с ней легкомысленный романчик, мог видеть родинку на ноге. Но не он один. Этим летом Мэгги обожгла ногу ядовитым плющом, а вы стали врачом,

лечившим ее. Немаловажная деталь, как считаете, Гилкрайст? Все свидетельствует о том, что именно вы убили Нелли Вуд, Мэгги Хиллман и Лену Дарнелл, осуществляя хитроумный план заполучить бриллиант Хогана.

Мои слова прозвучали завершающим и разящим ударом. Суини вскочил на ноги. Не усидел на месте и Барнс. Только сам Гилкрайст оставался в кресле, глядя на меня холодным и пристальным взглядом.

– Это что, какая-то нелепая шутка, доктор Уэстлейк?

– Мне понятно, почему вы так отчаянно жаждали добраться до бриллианта, – продолжал я. – Талантливый врач, застрявший в жалком захолустье на долгие годы. Огромные амбиции, но ни малейшей возможности осуществить их. У вас появился последний шанс получить достойную работу в Бостоне несколько недель назад, но ничего не вышло. Вы поняли, что обречены оставаться лекарем в заштатном городишке до конца дней своих. Но еще до поездки в Бостон вам удалось подслушать, как Кора на смертном одре выдала тайну черного бриллианта. Вероятно, тогда, еще имея надежду стать уважаемым доктором в солидной больнице, вам и в голову не приходило, что придется пойти на убийства. Но из Бостона вы вернулись, исполненный горечи и отчаянной решимости. Будущее виделось в самом мрачном свете. Хотя имелся один шанс. Нужно было только заполучить черный бриллиант, достав его из гроба старика Митчелла, чтобы наслаждаться той жизнью, о которой мечтали. Разумеется, простой обыватель воспринял бы камень Хогана как большого белого слона, не зная, что с ним делать. Слишком известная вещь, чтобы сбить с рук незаметно. Вы же обладали через тюрьму в Халинге обширными связями с преступным миром и без труда продали бы его. Но вот беда, две недели, потерянные в Бостоне, лишили вас возможности добыть камень простейшим способом, потому что к тому времени на свободу вышла Лена Дарнелл. И хотя она старалась избежать встречи, вы знали о ее желании завладеть бриллиантом. И даже если бы вы, Гилкрайст, добрались до него первым, она получала возможность для шантажа. Вот почему вам понадобился столь сложный план, очень умный и тщательно продуманный план! В какой-то степени вы стремились доказать самому себе, что вовсе не неудачник, каким представляли после провала в Бостоне, а способны совершить нечто опасное, дерзкое и выйти победителем в схватке с судьбой. Думаю, разработка утонченных деталей плана доставила вам не меньшее наслаждение, чем мечты о том, что будет, когда вы завладеете бриллиантом. – Я посмотрел ему прямо в глаза. – Так что отчасти вы были правы, Гилкрайст, настаивая на маниакальном характере преступлений.

Все трое уставились на меня в полнейшем шоке.

– Уэстлейк! – снова очнулся первым Суини. – Ради всего святого, объясните, что вы имеете в виду?

– Что Гилкрайст – тройной убийца, – ответил я, все еще не сводя взгляда с невозмутимых глаз доктора. – И очень остроумно было с самого начала привлечь меня к расследованию. Еще один врач (причем туповатый провинциал, как вы, возможно, решили) пригодился бы, чтобы поддержать версию о маньяке. И вы вдалбливали в голову Суини мысль о маньяке-убийце день и ночь, пользуясь его полным к вам доверием, чтобы твердить: такое мог совершить только сумасшедший. Но в своей настойчивости вы, как оказалось, перегнули палку.

Я сделал паузу и улыбнулся.

– А потом и вовсе совершили роковую ошибку, равносильную признанию своей вины. На следующий день после убийства Нелли Вуд мы с вами отправились на погост. Надлежало идентифицировать первую из могил, которая подверглась осквернению. И вы это сделали, совершенно верно опознали могилу Ирен Кейси. Здесь стоило бы остановиться. Но нет, вы все еще наслаждались игрой своего ума. Знали, что меня заинтересовал случай со вскрытием старой могилы. Я мог случайно напасть на верный след. И вам пришла в голову блестящая, казалось бы, мысль, как сбить меня с него. Вы сообщили, что у Ирен Кейси имелась на щеке крупная родинка. Это был великолепный ход. На несколько дней сумели одурачить меня. И я начал рассуждать так, как вам того хотелось. Заключение, что убийца – некий свихнувшийся индивидуум, у которого в прошлом не сложились отношения с Ирен Кейси, а теперь в нем ожили воспоминания, и он стал кроваво мстить за свое несчастье всем женщинам, имевшим родинки. И все бы прекрасно, но вы не учли очевидного. Ирен Кейси была знакома не только с вами. Ее прекрасно знал

присутствующий здесь сержант Барнс. И сегодня вечером он сказал мне, что никакой родинки – ни крупной, ни средней, ни даже маленькой – на щеке Ирен Кейси не было.

Я не сводил взгляда с доктора.

– Боюсь, что вы безнадежно запутались в собственной лжи, Гилкрайст.

И впервые глаза Гилкрайста подвели его. Они забегали. Его лицо посерело и приобрело выражение неуверенности. Он выглядел внезапно постаревшим и на какую-то долю секунды совершенно сломленным.

Но тут вновь звучно и веско прозвучал голос Суини:

– Все это очень интересно, Уэстлейк... Про Ирен Кейси, родинку и все, о чем Гилкрайст разговаривал с вами. Но сколько будут продолжаться пустые разговоры? Есть ли что-то более конкретное? Ради бога, вы не можете обвинять человека в убийствах, не имея...

Вот и настал момент, чтобы сыграла моя самая последняя и очень рискованная ставка в этой игре, от которой зависел успех или провал.

– Да, – сказал я. – Думаю, что у меня есть самая веская улика, которая вам только может потребоваться. Полагаю, что мы сейчас увидим черный бриллиант собственными глазами.

– Сам черный бриллиант?

– Этим вечером все гробы, в том числе и с останками Митчелла, смыло в море. До этого у Гилкрайста не было ни малейшей возможности достать камень. Но когда гробы удалось вытащить на берег, он, как глава местного отдела здравоохранения и главный распорядитель похоронных дел, приказал доставить их в здание старой школы. Если бы не ураган, у него, разумеется, нашлось бы подходящее время, чтобы разрыть могилу Митчелла самому. Но все сложилось даже удачнее. Благодаря буре гробы перенесли в школу, где он остался наедине с ними и не мог упустить столь благоприятной возможности. Уверен, что нашел бриллиант в гробу и изъясил его. Но времени оставалось очень мало. Вскоре ему пришлось присоединиться к нам. Шанса избавиться от бриллианта пока не предоставлялось. И если я не сильно ошибаюсь, драгоценность и сейчас при нем.

Я повернулся к Гилкрайсту:

– Так. Предъявите бриллиант сами или хотите, чтобы вас обыскали?

Лицо Гилкрайста уже приобрело выражение обычной хладнокровной уверенности в себе. Он окинул меня взглядом и презрительно улыбнулся. Потом посмотрел на Суини.

– Нужно ли мне опровергать всю эту чепуху, инспектор? У бедного доктора Уэстлейка явно развилась мания величия, потому что ему доводилось в прошлом раскрыть пару убийств и чрезмерно полюбилась слава пронизательного детектива, как и внимание прессы. Однако сейчас он позволил себе зайти слишком далеко. Буду только благодарен, если вы сами или Барнс обыщите меня, чтобы закрыть этот вопрос раз и навсегда.

Затем Гилкрайст посмотрел на меня. Никогда в жизни я не видел прежде столько ненависти к себе в глазах одного человека.

– Хотя вы с таким наслаждением причислили меня к мелким провинциальным лекарям, Уэстлейк, я все же обладаю некоторым влиянием в медицинском мире. И знаете: сделаю все возможное, чтобы вас отвергло сообщество людей нашей профессии по всей стране.

Затем он снова обратился к Суини и Барнсу, нерешительно переминавшимся с ноги на ногу:

– Давайте же! Обыщите!

Когда двое мужчин приблизились к нему, у меня сердце оборвалось. Я уже понял, что моя козырная карта оказалась бита, хотя пока не понимал, каким образом. Невозможно было впасть в столь грубую ошибку, ведь Гилкрайст явился с нами в гостиницу, и бриллиант в тот момент еще был при нем.

Барнс и Суини между тем провели самый тщательный обыск, но ничего не нашли.

Гилкрайст пригладил свои чуть растрепавшиеся волосы. Теперь он чувствовал себя полным хозяином положения.

– Что ж, Суини, вы выслушали выдвинутые против меня обвинения, и если считаете их полностью доказанными, то, разумеется, ваша обязанность немедленно произвести арест.

Суини окончательно смешался.

– Нет, конечно же, нет. Никаких доказательств не существует. Я... Я даже не знаю, как мне...

– В таком случае, – перебил его Гилкрайст, сиявший самодовольством, – завтра же подам в суд иск о клевете против доктора Уэстлейка.

Я с трудом сглотнул. Все принимало вовсе не тот оборот, которого хотелось бы. У меня буквально закипал мозг от усилий придумать что-то, хоть что-нибудь.

Но ничего не приходило в голову.

Наступило длительное и очень неловкое молчание. Его прервал Гилкрайст, сказавший:

– Очень хорошо. Поскольку абсурдные обвинения доктора Уэстлейка оказались совершенно несостоятельными, думаю, мне пора...

Он осекся и резко вскинул взгляд на дверь. Как и все мы. Она распахнулась с весьма драматичным стуком, и два чрезвычайно растерзанных с виду создания вошли в кабинет.

Более крупным из них оказалась моя дочь. Существом помельче – Бобби Фэншоу. На Дон было надето то, что осталось от ее когда-то лучшей пижамы. Вернуть ей прежний вид уже не представлялось возможным. Пижамы насквозь промокла, покрылась грязными пятнами, а одна из брючин разорвалась сверху донизу. Впрочем, наряд Бобби выглядел еще более странным. В том, что прикрывало его тело, с трудом узнавалась ночная рубашка. Когда-то синяя, она сейчас потеряла и цвет и форму, а его ноги постоянно путались в подоле.

Двое детей торжественным маршем прошествовали прямо ко мне. Бобби нес в руке электрический фонарик. Дон держалась с достоинством, словно не было ничего более естественного для двух малолеток, чем врываться в комнату, где работала полиция, в таком неприглядном виде.

– Мы нашли его, – объявила она. – Было жутко трудно, но нашли.

Я не смог выдавить из себя ничего умнее, чем:

– Вы... Вам полагается давно уже спать.

– Знаю, – с легкостью отмахнулась от моего упрека Дон. – Но, как видишь, мы пока не спим. Хотя уже улеглись. По крайней мере я. А Бобби еще и не думал.

Бобби сверкнул угольно-черными глазами.

– Я ел свинью, – очень размеренно и важно произнес он. – Огромную, жирную свинью.

Дон не обратила на его слова внимания, как на не имевшие отношения к делу.

– Так вот, я уже была в постели, – продолжала она, – а моя кровать, как ты знаешь, стоит у самого окна. Я как раз вовремя выглянула в него, чтобы увидеть, как ты, инспектор Суини, сержант Барнс и доктор Гилкрайст заходили в отель. А потом так же случайно заметила, как доктор Гилкрайст вышел из боковой двери и бросил его в кусты.

Я вздрогнул.

– Что он бросил в кусты?

– Его, – ответила моя дочь. – И тогда я взяла с собой Бобби, мы оба спустились вниз и стали искать в кустах, пока не нашли. А нашли, потому что очень хотели найти. Ведь ради этого мы и вернулись на мыс Талисман, разве ты не помнишь?

Она разжала замызганный кулачок и протянула открытую ладонь, чтобы я мог разглядеть ее как следует.

На ее маленькой ладошке лежал огромный бриллиант. Ограненный опытнейшими мастерами, он отражал свет от люстры под потолком, посылая вокруг себя почти неземное сияние.

Я не мог поверить своим глазам. Просто отказывался им поверить. Мысли прояснились. Ну конечно! Это же Гилкрайст предложил нам всем выпить и вышел за напитками еще до того, как я начал свою обвинительную речь. Он уже догадался, что сейчас произойдет. И ему хватило предусмотрительности, чтобы избавиться от бриллианта.

– Черный бриллиант Хогана! – донеслось хриплое восклицание Суини.

Бобби встал рядом с Дон. Они оба разглядывали драгоценный камень достаточно критически.

– Он и наполовину не такой черный, как я ожидала, – пробормотала Дон. – Но все равно симпатичный. Думаю, глупо было со стороны доктора Гилкрайста взять и выкинуть его.

Бобби утер нос тыльной стороной ладони.

– Доктор Гилкрайст глупый человек. Он глупый, потому что пришел прошлой ночью в церковь и начал звонить в колокол. Бум... Бум... Поднял трезвон, а нам так хотелось спать! – Он скорчил гримасу. – Глупый.

Я с изумлением уставился на Бобби – сейчас был просто влюблен в этого малыша. Стало быть, во время своего нелепого приключения в церкви дети видели, как Гилкрайст звонил в колокол, созывая нас всех к трупам мисс Хейвуд. Но они не только видели это, а еще и сумели найти выброшенный бриллиант. Эти двое – Дон и Бобби – превратили мое горькое поражение в триумфальную победу.

Барнс и Суини теперь с угрожающим видом повернулись к доктору. С Гилкрайстом было покончено. В этом не приходилось сомневаться. Я одной рукой сгреб свою дочь вместе с бриллиантом, а другой обнял Бобби. И стал от полноты чувств целовать их мокрые и грязные щеки.

Дон застеснялась и попыталась вырваться, зато Бобби прижался ко мне с неожиданной нежностью и принялся крутить пуговицы на моем пиджаке. А потом внезапно раздался его обычный голос – басовитый и хрипловатый.

– Я плохо себя вел, – сказал он. – Очень плохо. Я соврал.

Я посмотрел на него поверх головы Дон.

– О чем ты соврал, Бобби? Ты на самом деле не видел доктора Гилкрайста?

– Нет, о свинье, – ответил Бобби. – Это действительно была огромная и жирная свинья. Красная и белая. С двумя ушами. Но я сказал неправду. – Его черные глаза смотрели на меня заискивающе. – Я не ел ее. Не так, на самом деле. Наоборот, это она хотела съесть меня.

– Вовсе не хотела, – возразила Дон.

– Хотела, – настаивал Бобби.

– Не хотела, – повторила Дон.

– Хотела, – не сдавался Бобби.

– Не хотела...

В этот момент Суини и Барнс как раз выводили из кабинета скованного наручниками Гилкрайста...

СОДЕРЖАНИЕ

Петрел Квентин ГОЛОВОЛОМКА ДЛЯ ДУРАКОВ. Перевод И. Моничева	5
Джонатан Статге АЛЫЙ КРУГ. Перевод И. Моничева	239
Этсон Баучер СЕМЕРО С ГОЛГОФЫ. Перевод Н. Анастасьева	469

КЛАССИЧЕСКИЙ АМЕРИКАНСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Патрик Квентин — коллективный псевдоним, под которым классик американского детектива Ричард Уилсон Уэбб работал в соавторстве с различными писателями. Но настоящая известность пришла к Патрику Квентину, когда Уэбб стал работать с эмигрировавшим в США англичанином Хью Уилером. Под этим псевдонимом они издали серию о сыщике-любителе Питере Дулуте, а как Джонатан Стагге выступили с книгами о докторе Хью Уэстлейке.

Энтони Баучер — псевдоним американского издателя, переводчика и писателя-фантаста Уильяма Энтони Паркера Уайта, двукратного лауреата премии «Хьюго». Его детективы пользовались огромной популярностью, а в 1970 году его именем была названа премия, которая ежегодно вручается за лучшие произведения в этом жанре.

«Головоломка для дураков»

В частной лечебнице для душевнобольных совершено два изощренных убийства. Первой жертвой стал обычный санитар, а второй — магнат с Уолл-стрит Дэниел Лариби. Но есть ли связь между этими преступлениями, первое из которых не было выгодно совершенно никому, а второе — слишком многим? Полиция в растерянности. И тогда скучающий в клинике известный режиссер Питер Дулут начинает собственное расследование...

«Алый круг»

В курортном городке на атлантическом побережье жестоко убиты три женщины, и на теле каждой алой помадой нарисован круг. Неужели в тихом провинциальном местечке появился маньяк? Полиция убеждена именно в этом. Но доктор Хью Уэстлейк, ведущий частное расследование, уверен: преступник водит полицейских за нос и на самом деле его действия далеки от безумной жадности крови...

«Семеро с Голгофы»

В студенческом городке Калифорнийского университета совершено два загадочных убийства. Жертвами стали преподаватель истории и швейцарец, ездивший с лекционным турне по США. Что заставило преступника выбрать именно их? И что символизируют оставленные на телах таинственные послания? Полицейские теряются в догадках. И тогда за дело берутся профессор санскрита доктор Эшвин и молодой аспирант Мартин Лэм...

www.ast.ru

ISBN 978-5-17-079126-2

9 785170 791262